

БИБЛИОТЕКА
ПИОНЕРА

А. ВОРОНКОВА

С
ТАРШАЯ
СЕСТРА

Л
ИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Ю. ТОМИН

Л
ОВЕСТИ
ОБ АТЛАНТИДЕ

Р
АССКАЗЫ

Д е т и м з

Любовь Федоровна Воронкова

Старшая сестра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160783

*Библиотека пионера. Т. VIII. Избранные повести и рассказы:
Государственное Издательство Детской Литературы Министерства
Просвещения РСФСР; М.; 1963*

Аннотация

Эта книга – о судьбе девочки-пионерки Зины Стрешневой. У неё умерла мать. Потерять так рано мать – само по себе тяжёлое горе. Но Зине, старшей сестре, пришлось принять на себя заботу о хозяйстве, о младших братишке и сестрёнке, постараться сохранить тот же уклад жизни, что был и при матери. Для этого нужно большое мужество, и этого мужества у девочки не всегда хватало.

Не совсем гладко сложилась у неё жизнь и в школе, и в пионерском отряде. У Зины были срывы, были и тяжёлые дни, когда она падала духом. Может, и совсем плохо обернулось бы дело, если бы не поддержали её друзья.

Эта книга – о дружбе настоящей и ненастоящей, о мужестве и долге, о принципиальности и подлинно пионерском поведении в жизни.

Содержание

ВЕТКА ДУБА	7
ДОМА	14
ДРУГУ НАДО ПОМОГАТЬ	21
ЗИНА СТАРАЕТСЯ ПОМОГАТЬ ДРУГУ	31
ДУМЫ И НАСТРОЕНИЯ	41
ГДЕ РАБОТАЮТ ИХ ОТЦЫ	51
ЗА ДЕЛО БЕРУТСЯ ПИОНЕРЫ	65
ЗИНА ИСПОЛНЯЕТ ДОЛГ ДРУЖБЫ	70
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	81
БЕДА ВОШЛА В ДОМ	97
ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ	106
ФАТЬМА	112
У ТАМАРЫ ОТ УСПЕХОВ КРУЖИТСЯ	122
ГОЛОВА	
РАЗОЧАРОВАНИЕ	133
НОВЫЙ ГОД СТОИТ У ВОРОТ	143
НЕУДАЧА ЕЛЕНЬ ПЕТРОВНЫ	156
НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ У ЛЮДЕЙ	170
ТАМАРА ТОЖЕ ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ГОД	191
ПЕРЕМЕНЫ	201
БАБУШКА	224
ТАМАРИНА ВЫСТАВКА	232
БАБУШКИНЫ СКАЗКИ	250

КРАСНЫЙ АМАРИЛЛИС	263
ВЕРА ИВАНОВНА РАЗГОВАРИВАЕТ С ЗИНОЙ	279
КАК БЫТЬ ТАМАРЕ?	289
БАБУШКА ПОСТИТСЯ	299
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЗИНОЙ	308
ЗИНУ СУДЯТ ТОВАРИЩИ	322
«КАК ПОВЯЖЕШЬ ГАЛСТУК – БЕРЕГИ ЕГО»	346

ЛЮБОВЬ ВОРОНКОВА СТАРШАЯ СЕСТРА

40 Л Е П
ВСЕСОЮЗНОЙ
ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ ВИАЧESЛАВА
ВЕРНАДИ

Матюше
от Зорьки
д.т. 1966

БИБЛИОТЕКА
ПИОНЕРА

ИЗБРАННЫЕ
НОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

VIII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Министерства
Просвещения
РСФСР
1963

ВЕТКА ДУБА

Зина шла по лесу и молча любовалась деревьями, тронутыми красками сентября.

Конец лета был дождливым и холодным, поэтому не пожухли еловые лапы и трава на лесных полянках зеленела свежо и ярко. И от этой яркой зелени ещё жарче пылали красные осинки и ещё желтее казались листья берёз, а белые стволы их с тёмными чечевичками словно светились под солнцем. Зина придёт домой и непременно нарисует вот эту семейку тонких плакучих берёзок с золотой россыпью листьев у подножия, на зелёной траве.

Зина очень любила рисовать и по рисованию была первая ученица в классе. Но сама она никогда не была довольна своими рисунками – на бумаге всё получается не так, как хочется, и не то, что видит глаз.

Девочки разбрелись по лесу. И всюду, среди кустов и деревьев, мелькали их цветные шапочки и платки, отовсюду слышались голоса, которые в прозрачной тишине звучали особенно звонко.

Тропинка, полузаросшая травой, вела к станции. Учительница Елена Петровна вышла на эту тропинку и приставила руки ко рту, изображая, что трубит в трубу:

– Ту-ру-ру! Собирайтесь ко двору!

– Идём! Собираемся! – отозвались со всех сторон девоч-

ки.

Солнце ложилось тёплым румянцем на запрокинутое смеющееся лицо учительницы. Она была молодая, каштановые волнистые волосы её блестели на солнце, и в тёмно-карих глазах сверкали живые искорки.

– Тра-та-там! Тра-та-там! – опять затрубила Елена Петровна.

И множество задорных голосов подхватило:

– Собирайтесь ко дворам! Собирайтесь ко дворам!

Девочки развеселились: так играла с ними Елена Петровна, когда они были ещё маленькими.

Оживлённые, посвежевшие после дня, проведённого в лесу, девочки возвращались на станцию. У каждой была охапка красных и жёлтых листьев. Говор не умолкал: одна нашла старую голубую сыроежку, другая видела белку, а третья слышала шорох и шум в кустах – наверно, там пробежала лисица...

К Зине подошла её подруга Фатьма Рахимова:

– Посмотри, какую я ветку нашла – дубовую, с жёлудями!

Зина потрогала пальцем блестящие светлые жёлуди.

– Какие хорошенькие! Маша, Маша! – позвала она. – Поди сюда, посмотри!

Маша Репкина, невысокая, крепкая, круглолицая, гладко причёсанная на прямой пробор, быстро подошла к ним. Она взглянула на жёлуди и отстранила ветку, которую протянула ей Фатьма.

– Девочки, – сказала Маша, глядя куда-то в берёзовые вершины, – давайте тихонько попрощаемся с лесом!

Зина засмеялась и обняла её за плечи. Маша Репкина, староста класса, всегда такая сдержанная и суровая, здесь, в лесу, вдруг дала волю своим чувствам.

– Прощай, лес! До свиданья, берёзы! – прошептала Зина.

– До свиданья, красные осинки! – подхватила Фатьма.

И Маша добавила:

– До свиданья!..

Они все три тесно шли рядом, касаясь плечами друг друга, и, притихшие, прощались с деревьями и полянками, с лесной тишиной.

Зина глядела на жёлтые и красные деревья, на зелёную густую хвою ёлок, на коричневые и серые стволы. Сердце было полно безотчётной, неясной радости. Как это хорошо, что они идут по лесу в такой тихий закатный час! Хорошо, что подружки идут рядом с ней! Хорошо, что впереди слышен милый голос любимой учительницы и её светлая кофточка мелькает среди веток! И вообще, как всё хорошо на свете!

Вдруг почему-то мелькнула мысль о маме. Если бы ещё и мама никогда не болела... А она часто болеет. Зина даже боялась радоваться – так, чтобы от всей души. Только обрадуешься чему-нибудь, но тут сразу и вспомнишь про маму – а вдруг она опять лежит с мокрым полотенцем на сердце?

Мысли её прервала Маша.

– Девочки, – сказала она, – давайте всегда дружить, а? Вот

так – крепко дружить, помогать друг другу во всём... И в уроках. И в жизни.

– И в жизни, – повторила Зина. – Да, и в жизни.

– А как узнаешь, что случится в жизни? – задумчиво, будто глядя куда-то в своё будущее, сказала Фатьма. – Сейчас я вас очень люблю, девочки. А что дальше... когда мы вырастем? Я не знаю... Не знаю...

– Значит, ты не обещаешь всегда дружить с нами? – огорчённо спросила Зина. – Да? Ну так и скажи: не обещаю.

Фатьма нерешительно повторила:

– Не знаю. Сейчас очень вас люблю. А пока буду любить, до тех пор и дружить буду.

– А я обещаю, – сказала Зина. – Ведь мы шестой год вместе – в одной школе, в одном классе... И не можем обещать?

– Я обещаю, – сказала Маша.

– Я обещаю тоже! – раздался вдруг сзади голос Тамары Белокуровой.

Девочки удивлённо оглянулись, а Тамара, разняв руки Зины и Фатьмы, втиснулась в середину.

– Я всё слышала, – сказала она, – всё! И я хочу тоже быть с вами.

Зина не ожидала этого и немножко растерялась. Белокуровы приехали недавно. Тамара первый год училась в их классе, и девочки ещё очень мало знали её.

Зине не совсем нравилась Тамара – смелая в обращении с людьми, немножко развязная не только с подругами, но и со

взрослыми. Чувство недоверия мелькнуло в душе, но Зина тотчас отогнала это чувство: не отталкивать же человека из-за пустяков, если этот человек обещает тебе быть другом на всю жизнь!

– Девочки, вы принимаете меня? – спросила Тамара, глядя по очереди на подруг своими чёрными быстрыми глазами.

– Конечно, принимаем! – живо отозвалась Маша. – Мы очень рады! Конечно! Почему же нет?

– Мы рады... – тихо повторила Зина.

А Фатьма промолчала. Она не знала, рада ли Тамаре, и не сказала ничего, чтобы не сказать неправды.

Елена Петровна была уже далеко впереди. И девочки, весь шестой класс, гурьбой спешили за нею. Отстали только эти четверо.

По сторонам тропинки поднимались неподвижные деревья, среди их стволов уже сгущался зелёный сумрак, и казалось, что лес приумолк и внимательно прислушивается к тому, что говорят девочки.

– Только надо нашу дружбу обязательно закрепить, – озабоченно наморщив брови, сказала Тамара.

Маша удивилась:

– Как – закрепить?

Тамара снисходительно пожала плечами:

– Ну, клятвой, конечно.

– А зачем нам клятвы? – не могла понять Маша. – Мы же пионерки!

– Мало ли что! – возразила Тамара. – А всё-таки так крепче. Так уж на всю жизнь.

Маша усмехнулась:

– Ну, как хотите!

Это становилось забавным, как игра. Наверно, Тамара большая выдумщица!

Тамара, приняв важный вид и взяв из рук Фатьмы ветку, отломилась четыре сучка.

– Как крепко это дерево – дуб, так крепка будет наша дружба! – торжественно произнесла она, раздала всем по сучку и один оставила себе. – Девочки, дайте руки!

Все взялись за руки.

– Повторяйте! – приказала Тамара. – Обещаем дружить и помогать друг другу всю жизнь!

Фатьма тихо отняла свою руку. Подруги обернулись к ней.

– Ты всё-таки не обещаешь? – нахмурилась Зина. Она-то не видела в этом игры, она принимала всерьёз обещание подруг и сама, также всерьёз, обещала быть им верной и помогать всю жизнь. – Ты, значит, не обещаешь?

– Нет, – покачала головой Фатьма и опустила свои густые, изогнутые ресницы.

Между Фатьмой и её тремя подругами прошёл холодок.

– Хорошо. Не дружи, – сказала Тамара – А мы трое будем. Мы обещали – и будем крепко дружить. На всю жизнь! Правда, девочки?

– Правда, – отозвались Зина и Маша.

Зина была глубоко огорчена. А Машу задело поведение Фатьмы. Значит, она совсем не любит своих подруг? Значит, она может в любую минуту от них отступить?

И они ответили Тамаре в один голос:

– Да, правда!

Они все трое до самой станции шли, держась за руки. А Фатьма шла с ними рядом и думала: правильно ли она поступила? И отвечала сама себе: «Да, правильно. А вдруг я не смогу с кем-нибудь дружить всю жизнь? Надо поступать честно». Но хоть и почувствовала Фатьма, что поступила честно, на душе у неё оставался горьковатый осадок. Она украдкой поглядывала на свою любимую подругу Зину, понимала, что обидела её. Но что же теперь делать?

Около самой станции, когда откуда-то из-за леса уже доносился гудок электрички, Зина вдруг спросила негромко:

– Где у тебя твоя дубовая ветка?

Фатьма показала:

– Вот она.

Зина взяла ветку у неё из рук и бросила в кусты. Фатьма вспыхнула, хотела закричать, толкнуть Зину и неизвестно ещё что сделать, но сжала губы и ничего не сказала. Стерпела. Ей и так всё время говорят, что у неё нет выдержки.

ДОМА

Хорошо, если бы все были дома!» – думала Зина, поднимаясь по лестнице через две ступеньки. Ей казалось, что она очень давно отсутствовала, так давно, что даже немножко соскучилась.

У двери сидел светло-серый кот Барсик. Он увидел Зину, встал и мяукнул, глядя ей в глаза своими круглыми, прозрачными, как виноградины, глазами.

– А, домой хочешь? – сказала Зина. – Я тоже хочу!

Зина позвонила, дверь открылась, и они вместе с Барсиком вошли в квартиру.

– Ух, целый веник принесла! – закричал открывший двери Антон. – Дай мне листиков!

Из комнаты уже сыпались, как горох, отчётливые, маленькие шажки – бежала Изюмка. По-настоящему Изюмку звали Катей, но мама уверяла, что у Кати чёрные глаза, как изюминки в белой булочке, да так и прозвали её Изюмкой. Изюмка, не замедляя хода, подбежала к Зине и схватилась за её пальто.

– И мне! – ещё громче, чем Антон, закричала она. – И мне листиков!

– Вот налетели на меня! – засмеялась Зина. – Со всеми поделюсь, не кричите только... Антон, а мама дома?

Мама уже стояла в дверях комнаты в своём домашнем по-

лосатом платье с подвёрнутыми рукавами и в синем фартуке, с которым почти не расставалась.

– Долго вы как! – сказала она с упрёком, а добрые серые глаза её светились от улыбки. – Я уж думала, не случилось ли чего... Садись скорее за стол, сейчас соберу поесть.

– У тебя всегда так – обязательно «что-нибудь случилось»! – весело возразила Зина. – А папа дома?

– И папа дома, – отозвался из комнаты отец, – все дома. Как погуляли? Весело?

– Очень весело!

Зина разделась и вошла. Как хорошо – все дома! И даже Барсик дома!

– Мама, я не буду есть, я потерплю до ужина, – сказала она.

– Да ведь проголодалась же!

Зина и правда очень проголодалась, но всё-таки повторила своё:

– Да нет, мама, нет! Я не люблю, когда не со всеми.

В комнате было тепло. Из-под большого жёлтого абажура лампы проливался на стол широкий круг света. Зина взглянула на стол и сразу увидела, кто чем был занят. На одном краю лежат тетради и букварь – Антон делает уроки. Чуть подальше – красный клубок шерсти с начатым вязаньем: мама вязала тёплые носки Изюмке. На другом краю стола – раскрытая книга, общая тетрадь и в ней карандаш: папа готовится к политзанятиям. А Изюмка? Что делала Изюмка?

На диване и на полу пёстрые лоскутки и полуодетая кукла – Изюмка одевала куклу.

– Ну хорошо, со всеми так со всеми, – сказала мама и снова уселась за вязанье.

А папа прошёлся раза два по комнате, спросил, как там дела в лесу и поспела ли рябина, и снова уселся за книгу.

Но Антон и Изюмка уже не могли вернуться к своим занятиям. Они растаскивали Зинин букет, ссорились, спорили. Изюмка хотела непременно взять именно то, что брал Антон.

– Эту ветку мне! – говорил Антон.

– Нет, мне!

– Ну, тогда мне шишку!

– Нет, мне шишку!

– Ребята, идите-ка все в ту комнату или в кухню, – сказала мама: – отцу заниматься не даёте.

Зина немедленно собрала свой пёстрый шумящий ворох листвы и веток:

– Ребята, в кухню!

— Ну ка, иди сюда, говорил шивака!..

Но отец вдруг захлопнул книгу и сказал:

— Хватит. Голова больше не соображает. Да ведь и воскресенье всё-таки сегодня! Я должен отдохнуть или нет? А?

— Должен! — хором ответили ребята.

И мама поддержала их:

— Конечно, должен!

— Ну, показывай твоё богатство, — потирая свои большие, красивые, с загрубевшими ладонями руки, сказал Зине отец. — Посмотрим!.. Ну-ка, скатерть долой! Высыпай всё это

на стол! Давайте сюда клей. Картонки какие есть. Лучинки...

Изюмка, визжа от радости, бросилась за клеем, а потом в кухню за лучинкой. Вот игра сейчас начнётся! Антон тоже побежал и за клеем и за лучинкой, но Изюмка всюду опережала его. Однако и Антон не растерялся: он откуда-то из-за шкафа достал старую папку и хлопнул её на стол.

– Это что такое? Шишка? – начал отец. – Ну-ка, иди сюда, еловая шишка, сейчас ты у нас превратишься... Ребята, в кого?

– В гуся! – громко крикнула Изюмка.

– В человечка! – ещё громче крикнул Антон.

– Ну, пусть в человечка, – сказал отец. – Вот из этого листика – юбка, а из этого цветка – шляпка, а из этих лучинок – ножки... Ножки! А башмаки из чего? Глина есть?

– Нету.

– Тогда несите кусок хлеба.

И снова Антон и Изюмка бросились наперегонки в кухню за хлебом. Отец отщипнул кусок мякиша, смял его и слепил человечку башмаки.

– Ай, какой человечек! – радостно вопила Изюмка. – Ай, мама, смотри-ка – на ножках!

– Я тоже такого сделаю, – заявил Антон. – Дайте мне шишку.

– И я человечка, – решила Изюмка.

– Нет, мы с тобой сделаем собачку, – сказала Зина. – Давай пробку, давай спички...

Вот и начали появляться на столе человечки из шишек и листьев, собачки из пробки, птички из жёлудей, корзиночки из тонких веток... Потом оказалось, что хлеб пропал: Зина не заметила, как съела этот материал. Пришлось принести ещё кусок. Сколько было смеху за столом, сколько говорю!

Только мама сидела тихо и поглядывала на них ясными серыми глазами. На её продолговатом, никогда не загорающем лице лежал всегдашний слабый румянец – словно откуда-то издали на щёки её падал отсвет осеннего солнца. Крупный рот её был крепко сжат, но казалось, что мать его нарочно покрепче сжимает, чтобы спрятать улыбку, однако улыбка всё равно то и дело раскрывает её губы. И только на белом лбу её, над светлыми, еле заметными бровями, лежат и не уходят морщинки, маленькие добрые морщинки неустанной материнской заботы.

Зина случайно взглянула на мать – и вдруг вскочила со своего места, подбежала к ней и обняла за шею:

– Ой, мамочка, какая ты красивая!..

Мама засмеялась и шепнула ей в ухо:

– Я не красивая, а счастливая. Потому что я всех вас очень крепко люблю! – И тут же, вздохнув, добавила: – Ах, только бы все были здоровы!

– Вот у нас мама всегда так, – сказала Зина, возвращаясь на своё место: – всегда чего-то боится!

Отец быстро взглянул на маму и пропел:

– Нам не страшен серый волк, серый волк! А?

– Не страшен серый волк! – подхватила Изюмка.

А Антон объявил:

– Я даже атомной бомбы и то не боюсь.

Все засмеялись. Отец посмотрел на него и сказал:

– Антон, полегче хвастай.

Вдруг Зина закричала:

– Эй, храбрец, не бери эту ветку! Дай-ка её сюда! Давай, давай!

– Мне нужен жёлудь... – начал Антон.

Но Зина решительно отобрала у него дубовый сучок с тройкой зелёных жёлудей и унесла на свой столик.

– Эту ветку трогать нельзя. Мне её беречь надо. – И, бережно уложив ветку в ящик, сказала самой себе: – На всю жизнь.

ДРУГУ НАДО ПОМОГАТЬ

Зина всегда слышала утренние гудки. И сегодня она наполовину проснулась от привычного напевного голоса гудка.

«Завод будит папу, велит вставать...» – подумала она сквозь сладкую дрему.

И папа встал. Он тихо, стараясь не очень топтать своими тяжёлыми ботинками, которые надевал на работу, прошёл в кухню, к умывальнику. Потом возвратился к столу.

Мама уже тем временем поставила на стол горячий чайник и тарелку с разогретым супом: отец любил завтракать так, чтобы обязательно были щи или суп. «Так покрепче», – говорил он.

Чуть-чуть звякает посуда, еле слышно разговаривают мама и отец... И вот снова наплывает сон, и не поймёшь – то ли шёпот голосов слышится, то ли шелест клёна за окном, который заглядывает в открытую форточку. Вот и второй гудок. И ещё раз хлопнула дверь – ушла на работу соседка, тётя Груша. Они с отцом работают на одном заводе. Зина знает, что скоро вставать и ей, и спешит поглубже зарыться в подушку. Вот уже из тёмно-зелёной травы поднимаются жёлтые рыжики, всё выше и выше. И уже не рыжики это, а жёлтые цветы качаются на высоких стеблях...

И вдруг, сразу обрывая сон, оглушительно, будто гром, обрушивается музыка.

Зина вскочила. В комнате на полную мощность гремело радио.

– Антон, – крикнула Зина, – ты с ума сошёл, наверно!

Из кухни уже бежала мама. Она повернула рычажок, и музыка зажурчала, как вода по камешкам, нежная и далёкая...

– Ну вот, – недовольно пробурчал Антон, – не дают марш послушать!

– Ты что, глухой разве? – спросила мама. – Разве тебе так не слышно?

– Пускай всем слышно.

– А ты за всех не решай. Кому захочется, тот сам себе радио включит. Тебе хочется сейчас музыку слушать, а кому-нибудь не хочется. Соседка Анна Кузьминична дежурила сегодня – так ей поспать надо. А вот напротив студент Володя живёт – ему, может быть, надо заниматься. Мы с тобой, дружок, не в чистом поле живём, а среди людей. А раз мы живём среди людей, так надо о них думать, надо с ними считаться. Понял ты?

– А почему же Петушок из пятой квартиры всегда запускает? – сказал Антон.

– А потому, что твой Петушок – несознательный человек, некультурный. Ну, а разве ты тоже хочешь быть несознательным и некультурным?

– Нет, – решительно ответил Антон и слез со стула, на котором стоял, командуя приёмником.

– Ступай умывайся, сынок. Скоро в школу, – сказала ма-

ма, накрывая на стол. – А я пока завтрак соберу... Зина, ты как?

– Встала, – отозвалась Зина.

Зина вышла из спальни и быстрым шагом направилась в кухню. Антон, сообразив, что она сейчас займёт кран, бросился бегом захватывать место.

Но сообразил поздно: Зина уже отвернула кран.

– Я первый встал! – Антон пыхтел и отталкивал Зину. – Я первый...

– Антошка, перестань!

У раковины началась возня.

– Я первый! – твердил Антон. – Пусти!

– Умоюсь, тогда пущу! – не сдавалась Зина, намыливая лицо.

Антон, увидев, что не может справиться, зажал пальцем отверстие крана, и вода радужным веером поднялась и обрызгала всё вокруг: и стены, и полку с посудой, и Зину, и маму, которая только что вошла.

– Ой-ой, – не повышая голоса, сказала мама, – какие умные и какие дружные у меня дети! Ах, как хороши!

Зине вдруг стало совестно, что она взялась сражаться с Антоном – это с первоклашкой-то! И она отступила, хотя мыло щипало глаза.

Антон умылся, как всегда, неторопливо, обстоятельно. Долго вертел в пухлых руках кусок мыла, тёр и уши, и щёки, и лоб, – как учила мама.

– Ну, скорее, скорее ты! – торопила его Зина, нетерпеливо топая ногой.

Но Антон отошёл от раковины только тогда, когда сделал всё, как учила мама. Зина в отместку брызнула ему вслед водой – прямо за шиворот. Антон покрутил головой и засмеялся. Зина засмеялась тоже. И в это утро они такими же дружными, как всегда, вышли из дому в школу. Но школы их были в разных сторонах. И Антон пошёл в одну сторону, а Зина – в другую.

В соседнем дворе, в зелёном деревянном домике, жила Фатьма Рахимова. Обычно Зина, проходя мимо, стучала пальцем в окошко, и Фатьма тотчас кричала: «Иду!» – и выбегала на улицу. Но сегодня Зина прошла мимо зелёного домика и не постучала в окно.

Зина и Фатьма выросли вместе, вместе пошли в школу и все годы, ни разу не поссорившись, просидели на одной парте.

«Это мой самый верный друг, – говорила сама себе Зина, – самый верный!»

И вдруг оказалось, что Фатьма никакой не верный друг. Сама вчера сказала, что не обещает быть другом. Вот как можно обманываться в людях! Машу Репкину Зина всегда считала такой суровой и даже чёрствой: Маша постоянно говорила об уроках да о делах, будто только и есть у неё всякие деловые мысли, а чувств никаких нет. А вот, однако, как походила по лесу, как побегала под деревьями, так и оказалась

совсем другим человеком. Вот и Тамара... Никогда бы Зина не подумала, что у этой заносчивой Тамары окажется такое верное сердце. До чего же красиво она сказала: «Как крепко это дерево – дуб, так крепка будет наша дружба!..» Очень красиво! И тоже обещала – на всю жизнь. А Фатьма...

Зина шла одна по улице, рассуждала обо всём этом и старалась убедить себя, что ей совсем всё равно, идёт Фатьма сегодня рядом с ней или нет.

Быстрый-быстрый топот торопливых шагов послышался издалека. Это Фатьма бежала, догоняя Зину. Она догнала её вся красная, запыхавшаяся; вязаная шапочка её сбилась на ухо, чёрные глаза горячо блестели.

– Что же ты? – спросила Фатьма удивлённо. – Почему не постучала? А я сижу и жду... Так и в школу могла бы опоздать!

– Но у вас же есть часы, – возразила Зина, не глядя на Фатьму.

Фатьма заглянула ей в лицо:

– Ты из-за чего сердишься? Скажи! Я ведь не знаю.

– Я не сержусь. – Зина поджала свои маленькие губы, и лицо её приняло замкнутое выражение.

– Нет, ты не поджимайся! – вспыхнула Фатьма. – Ты скажи!

Зина пожала плечами:

– А что тебе говорить! Сейчас мы с тобой подруги. А завтра ты, может быть, сделаешься мне врагом. Разве тебе мож-

но верить?

– Можно, – твёрдо возразила Фатьма. – Я пионерка, и ты пионерка. Я не могу сделаться твоим врагом. Но, конечно... Если ты меня теперь не любишь... то, конечно...

Зине захотелось взять Фатьму под руку, засмеяться и сказать: «Ой, да забудем все эти глупости!», но Зина тут же возразила себе, что это вовсе не глупости, и сдержалась, а добрая минута ушла, ускользнула... И Фатьма с мрачным лицом, больше не оглядываясь на Зину, вошла в ворота школы.

«Ну и ладно! – опять поджимая губы, подумала Зина. – У меня Маша есть, Тамара... И ещё мало ли девочек в классе!»

В школе уже звенел звонок. Зина торопливо раздевалась, когда сверху, с площадки лестницы, её окликнула Маша:

– Зина, Тамару не видела?

– Нет, – оглядываясь, ответила Зина.

Маша беспокойно повела бровями:

– Неужели опять опоздает?

Девочки поспешно становились на линейку. Тамары не было.

– Опять, опять опоздала... – озабоченно вздохнула Маша.

– А что, трудно быть старостой? – поддразнила Машу Сима Агатова, председатель совета отряда. – Смотри, на совете спросим, почему у тебя ученицы опаздывают!

Тамара Белокурова вбежала в класс вслед за учительницей и вихрем промчалась на своё место. Волосы у неё были небрежно завязаны измятой синей лентой, галстук съехал

куда-то на плечо.

Учительница русского языка Вера Ивановна, высокая, прямая, с бледным лицом и большими бледно-серыми холодными глазами, подошла к столу, односложно ответила на приветствие девочек и обернулась к Тамаре:

– Опоздала?

– Вера Ивановна, у меня мама... – торопясь, начала Тамара.

Вера Ивановна, не слушая дальше, что-то отметила у себя в журнале:

– В следующий раз попрошу быть аккуратнее.

– Но у меня мама заболела! – протестуяще возразила Тамара.

– А сейчас изволь выйти из класса, – продолжала Вера Ивановна, будто не слыша. – Причешись, приведи себя в порядок – и тогда только можешь сесть за парту. – И, обращаясь ко всему классу, будто Тамары уже нет, сказала: – Начнём наш урок. В прошлый раз мы остановились...

Зина с тревогой и сочувствием оглянулась на Тамару. В какое неприятное положение попала её подруга! Ей теперь, наверно, просто сквозь пол провалиться хочется.

Но Тамара, ничуть не смущаясь, окинула класс спокойным и даже весёлым взглядом, ровным шагом вышла из класса и довольно громко стукнула дверью. Обратна она явилась почти в самом конце урока. Волосы её были причёсаны и примочены водой, а концы галстука спрятаны под

грудкой фартука.

В перемену Маша и Зина, словно пчёлы, жужжали Тамаре с двух сторон.

– Может, тебе помочь нужно? – заботливо спрашивала Зина. – Мама очень больна? Что с ней?

– Ты больше не должна опаздывать, – твёрдо повторяла Маша. – Ты уже третий раз опаздываешь, а ещё и сентябрь не прошёл!

– Маша, как тебе не стыдно! – остановила её Зина. – У Тамары мама заболела, а ты... Мы помочь ей должны!

– Будет отставать в уроках, так и поможем, – упрямо ответила Маша. – Прикрепим Симу Агатову, она первая ученица у нас...

– Как это – Симу? – удивилась Зина. – Это мы должны: ты или я. Мы же вчера обещали друг другу...

– Я не отказываюсь, – пожала плечами Маша, – но только говорю одно: не опаздывай. Я староста класса, и нечего меня подводить!

– А я и не знала, что все должны вовремя приходить, только чтобы не подводить старосту! – насмешливо сказала Тамара.

Маша покраснела, у неё загорелись уши.

– Я не то хотела... – начала она, но больше не знала, что сказать.

– Тамара, ты не смейся! – горячо и огорчённо вступилась Зина. – Мы ведь тоже должны и о Маше думать. Она же ста-

роста. Ну, а если тебе трудно приходиться вовремя... может, ты не просыпаешься... то, хочешь, я буду за тобой заходить?

– Значит, твоё слово крепко? – чуть заметно усмехнулась Тамара.

Но Зина не видела её усмешки и чистосердечно ответила.

– Конечно, крепко. Как дерево дуб!

К ним неслышно подошла Елена Петровна и, улыбаясь, обняла всех троих за плечи.

– Какой-то митинг здесь, – сказала она, лукаво поглядывая на девочек по очереди, – и какое-то слово здесь «крепкое, как дуб».

Зина и Маша смутились. Но Тамара глядела в глаза учительнице прямо и спокойно. Все трое молчали. Елена Петровна сделала серьёзное лицо:

– Значит, тайна? Ну, не могу врываться. Тайны, конечно, полагается хранить. Будьте покойны, девочки: никакого «крепкого дуба» я не слыхала.

И она, дружелюбно кивнув головой, отошла.

– Может, скажем?.. – нерешительно произнесла Зина.

– Зачем? – прервала её Тамара. – Раз мы втроём произнесли наше обещание, то должны его помнить и хранить. И всегда, во всякой беде помогать друг другу.

У неё вышло это так красиво, будто она декламировала стихи. Зато голос Маши прозвучал совсем прозаически.

– Вот ты, Зина, и заходи за ней каждое утро, – сказала она, будто гвоздями приколавывая каждое слово. – И чтобы ты,

Тамара, больше не опаздывала. Помогать так помогать.

ЗИНА СТАРАЕТСЯ ПОМОГАТЬ ДРУГУ

В отдельной квартире инженера Белокурова почти не слышно заводского гудка. Николая Сергеевича поднимает будильник – маленький, круглый, с нежным звоном будильник, который он ставит около своей постели. А чтобы этот будильник никого не тревожил в квартире, Николай Сергеевич спит у себя в кабинете, за плотно закрытой дверью.

Никто не слышит, как утром встаёт и уходит на работу Николай Сергеевич, – ни жена его Антонина Андроновна, ни дочка его Тамара, ни работница Ирина. Зачем их тревожить? Позавтракать можно и в заводском буфете... Правда, Николай Сергеевич нередко забывал и в буфете позавтракать: ведь утренние часы, если прийти пораньше, так хороши для работы!

Николай Сергеевич привычным движением приглушил будильник, быстро оделся, отёрнул тяжёлую зелёную штору. С улицы глянуло серенькое утро, большая светлая капля пробежала по стеклу, оранжевый кленовый лист медленно пролетел мимо окна... Но Николай Сергеевич ничего этого не видел, он просто посмотрел, не идёт ли дождик и не надо ли взять прорезиненный плащ. В неясном свете осеннего утра его словно вытянувшееся лицо казалось ещё блед-

нее, ещё темнее казались тени вокруг глубоко сидящих глаз. Нечаянно заглянув в зеркало, он удивился: почему у него такое лицо, лицо больного человека? Устаёт он слишком, что ли?

Недавно директор остановил его с этим же самым вопросом.

«Не знаю. По-моему, не болен», – ответил, улыбаясь, Николай Сергеевич.

«Не знаете! – с упрёком возразил директор. – И никому, видно – ни вам, ни домашним вашим, – до этого дела нет? Балуете вы их, домашних-то своих, Николай Сергеевич! Думаете, никому не известно, что вы даже на работу приходите без завтрака!»

«Пусть живут, как им хочется!» – добродушно отмахнулся тогда Николай Сергеевич.

Но разговор этот оставил в душе чувство неясной горечи. Сейчас эта горечь шевельнулась снова. В самом деле, почему это о нём никто не заботится, никто не беспокоится? Почему бы Ирине не приготовить ему завтрак?

Стараясь ступать неслышно, чтобы не скрипел паркет, он прошёл в кухню. Ирина, позёвывая, расчёсывала перед зеркалом косу.

– Ирина, – обратился к ней Николай Сергеевич, – вот дело-то какое...

– Какое? – удивилась Ирина, раскрыв свои круглые блестящие глаза.

– Да вот... – Николай Сергеевич усмехнулся и пожал плечами. – Нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

– Поесть? – Ирина ещё шире открыла глаза. – Как это – поесть?.. Чего поесть?

– Ну, чего-нибудь. Позавтракать.

Ирина откинула на спину косу и, в свою очередь, пожала плечами:

– Вы бы, Николай Сергеевич, с вечера говорили. А сейчас что же? Тут есть колбаса, но ведь это Тамаре бутерброд в школу. А грудинка – Антонине Андроновне на завтрак. Давайте сейчас сбегая на рынок, куплю чего-нибудь...

– Что, на рынок? – испугался Николай Сергеевич. – Ну нет, матушка. Мне ждать некогда. Впрочем, не беда. Позавтракаю в буфете.

– Конечно! – весело согласилась Ирина. – А то тут пока принесёшь да пока приготовишь...

Николай Сергеевич надел шляпу; прислушавшись на мгновение к сонной тишине своей квартиры, сказал со вздохом:

– Пускай живут.

И вышел, неслышно прикрыв дверь.

«Что это сегодня с хозяином? – недоумевала Ирина, укладывая косу на голове. – Вдруг завтракать попросил...»

В прихожей раздался несмелый звонок. Ирина побежала открывать: «Уж не вернулся ли?»

Но Николай Сергеевич не вернулся. А на пороге стояла

тоненькая светлоглазая девочка в синей вязаной шапочке и со школьной сумкой в руках.

– Здравствуйте. Я к Тамаре, – сказала она.

– Ай, батюшки! – Ирина всплеснула руками. – А я и за-
была, что Тамару будить пора!

И Ирина, легко ступая на цыпочках, убежала в комнату.

– Спит?! – удивилась Зина.

Зина Стрешнева, как и обещала, зашла за Тамарой, чтобы Тамара не опоздала и сегодня. Скоро восемь, а она спит! Но вот из комнаты быстрым шагом вышла Ирина, а за ней в ночной рубашке и ночных расшитых туфельках появилась Тамара. Зина чуть не выронила сумку:

– Тамара, что же ты? Мы же совсем опоздаем!

– Не волнуйся, – ответила Тамара. – Иди сюда. Ты посиди, а я буду одеваться.

– Только ты скорее!

– Да я сейчас.

Но «сейчас» не получалось. Сначала куда-то девались резинки. Тамара перерыла и разобрала всю свою постель – резинок не было. Полезла под кровать, заглянула под кресло. И наконец нашла их на своём письменном столе, заваленном книгами, коробками, лентами и флаконами...

Зина незаметно приглядывалась к окружающему. Какие богатые вещи! У постели ковёр, на круглом столике бархатная скатерть, на резной полочке хрустальная ваза, в ней цветущая вишня, сделанная из розового шёлка... На окне, сре-

ди цветов, аквариум с одиноко плавающей золотой рыбкой.

– Как хорошо у вас! – сказала Зина. – Красиво. Ты рыбок разводишь, да?

– Я? Нет! – ответила Тамара, поспешно натягивая чулки. – Сначала они мне нравились. А потом – то одна подохнет, то другая... Возня с ними!.. Ну вот, теперь башмаков нету!

Зина начинала нервничать: стрелка больших, стоящих на комодe часов побежала за восемь.

– Тамара, мы опаздываем!

– Ничего. Сейчас.

Однако и опять это «сейчас» не получилось. У форменного фартука не оказалось застёжки.

– Разве ты вчера не знала, что у тебя застёжка оторвалась? – осторожно заметила Зина.

– А она не знала? – возразила Тамара, кивая в сторону кухни. – Деньги получать – так она знает. Ей и мама сколько раз говорила: «Вы, Ирина, отлично знаете, когда день вашей полочки. А что надо сделать то-то и то-то, так вы не знаете». А она тут же и начнёт: «Да у меня стирка, да у меня обед, да мне на рынок бежать!..» Подумаешь – стирка!

– Не знаю... – потупясь, сказала Зина. – Я сама себе всегда ботинки чищу и застёжки пришиваю... Ну, что тут такого?.. – Взглянув ещё раз на часы, Зина вдруг встала: – Я пойду, больше никак нельзя ждать!

Тамара только что налила себе чаю.

– Нельзя? – спросила она, и в тёмных глазах её загорелись

знакомые Зине насмешливые огоньки. – То дружба на всю жизнь, и ничего не жалеть друг для друга, и быть около друга в беде... А то три минуты подождать нельзя. Вот так дружба! Ну что ж? Ну, опоздаем. Но ведь мы же обещали беду вместе делить. А теперь ты меня бросаешь! Хорошо, я пойду без завтрака.

– Почему это ты пойдёшь без завтрака? – спросила вдруг, входя в комнату, мать Тамары, Антонина Андроновна. – Что за каприз?

Зина встала и поздоровалась. И не поняла – не то заметила Антонина Андроновна её поклон, не то не заметила.

– А потому не буду, что меня ждёт подруга Зина Стрешнева. Вот она.

– Но Зина-то Стрешнева, конечно, позавтракала?

– Мы опаздываем, – робко произнесла Зина, почему-то чувствуя себя виноватой в том, что успела позавтракать. – Но ты, Тамара, попей чаю всё-таки.

На часах было двадцать минут девятого. Их класс сейчас построился на линейку. И огорчённая Маша записывает в дневник, что ни Стрешневой, ни Белокуровой на линейке нет.

Зина почти бежала по улице. Тамара еле поспевала за ней. На углу, где дорога в школу пошла через бульвар, Тамара замедлила шаг:

– Не беги – всё равно опоздали. Но ты не бойся: я тебя выручу. Я-то друга не оставлю!

В школе стояла глубокая, напряжённая тишина. От этой тишины у Зины захолонуло в сердце – уроки начались. Сунув своё пальто удивлённой гардеробщице, Зина, как осенний листок, подхваченный ветром, взлетела на третий этаж. Голубые стены коридоров, полные смутных отражений, показались ей холодными, как застывшая вода, а закрытые двери классов выглядели строго и отчуждённо. Подойдя к дверям своего класса, Зина остановилась. Ей вдруг неодолимо захотелось повернуться и уйти домой – что будет, то и будет. Но войти сейчас, когда уже начались занятия!..

– Боишься? – усмехнулась Тамара и спокойно подошла к двери. – Иди за мной.

Тамара открыла дверь. Учитель математики Иван Прокофьевич поглядел на вошедших поверх очков.

– В чём дело? – спросил он.

– Мы опоздали, – сказала Тамара. – У меня мама больна... Мы бегали в аптеку... Извините.

– Садитесь, – пожав плечами, ответил Иван Прокофьевич. – Вы учитесь не для меня, а для себя. Мне лично вы никакого одолжения не делаете.

И, отвернувшись от них, продолжал объяснять задачу.

Зина, покрасневшая до слёз, ничего не видя, прошла на своё место. Фатма отодвинула задачник, чтобы он не мешал Зине, но ничего не сказала. Быстро оглянувшись в сторону Маши, Зина встретила её сердитый взгляд. И, больше не оглядываясь, стала слушать объяснения учителя.

В перемену удивлённая и встревоженная Елена Петровна позвала Зину и Тамару в учительскую.

– Не выдавать! – коротко напомнила Тамара, сверкнув на Зину глазами.

Зина молча кивнула головой, даже боясь подумать о том, что делает.

Елена Петровна усадила девочек в угол, где никто не помешал бы их разговору. Лицо её было, как всегда, спокойно, тёмно-коричневые глаза внимательны и дружелюбны, и только между бровями лежала морщинка... Увидев эту морщинку, Зина поняла, что у Елены Петровны не совсем хорошо на душе.

– Значит, у тебя заболела мама, – сказала учительница, глядя на Тамару. – Ты побежала в аптеку... Надо будет навестить твою маму и как-нибудь устроить, чтобы в аптеку ходила ваша работница в то время, когда тебе надо идти в школу.

– А зачем её навещать? – немножко смутилась Тамара. – Ей уже гораздо лучше. Она уже встаёт!

Зина глядела вниз, заливаясь румянцем. «Она уже встаёт!» Антонина Андроновна, крупная, румяная, полусонная, стояла перед глазами Зины.

– Ах, вот как? Уже встаёт! Очень рада, – продолжала ровным голосом Елена Петровна, а морщинка между бровями делалась всё резче и глубже. – Значит, надо пойти и поздравить её с выздоровлением.

– Но она же... она же сегодня уедет на дачу к бабушке! – торопливо возразила Тамара. – Бабушка у нас заболела!

– Новая беда! – Елена Петровна покачала головой. – То одна, то другая... Так ты иди, Белокурова, отдохни на перемене. Ведь можно до смерти устать, когда в доме больные. Я понимаю!

Тамара, уходя, искоса взглянула на Зину и подмигнула: «Видала, как я?»

Елена Петровна молчала, пока за Тамарой не закрылась дверь.

– Так, Зина, – начала она и, взяв со стола стопку тетрадей, начала перебирать их. – А ты тоже сочинила какую-нибудь историю, чтобы обмануть меня?

– Нет! – быстро ответила Зина.

– Тогда расскажи, почему вы с ней опоздали сегодня. Ведь ты взялась помогать подруге. А вместо того чтобы её притащить вовремя, опоздала и сама. Почему так случилось?

Зина молчала. Сказать неправду она не могла – не хотела обманывать Елену Петровну. Сказать правду тоже не могла – нельзя было выдавать друга, которому дала обещание «крепкое, как дуб» быть верной на всю жизнь. И она молчала, опустив свою белокурую голову.

– Не можешь сказать? – помолчав, спросила Елена Петровна.

– Не могу, – прошептала Зина.

– Это что... слово, как дерево дуб?

Зина быстро взглянула на Елену Петровну и, встретив её глаза, в глубине которых золотым огоньком дрожала улыбка, поджала губы.

– Не могу, – повторила она.

– Зина, неужели какая-то глупая дубовая ветка, какая-то детская затея, – начала Елена Петровна, – заставляет так замыкаться от меня?

– Не потому, что ветка... – сурово, не поднимая глаз, возразила Зина, – а потому, что мы обещали... Дали слово...

– А, ну раз дали слово – другое дело, – согласилась учительница. – Когда человек даёт слово, он должен его держать. Особенно, если этот человек – пионер.

А когда Зина вышла, так и не подняв головы, Елена Петровна проводила её задумчивым взглядом.

«Однако история перестает быть ерундой, – сказала она сама себе: – одна лжёт, а другая поддерживает её. И станет поддерживать, потому что находится в плену какой-то выдумки. Как разрушить это? Передать в пионерскую организацию? Девочки соберут отряд, разоблачат эту «тайну» и всё развенчают. Это так. Но кто знает, не окажется ли Тамара в глазах Зины человеком, пострадавшим за дружбу, и не почувствует ли Зина себя предательницей?..»

ДУМЫ И НАСТРОЕНИЯ

В этот вечер у отца с Антоном произошёл конфликт. Антон пришёл из школы очень весёлый: он ещё с порога прокричал на всю квартиру, что ему в классе дали поручение. Это было его первое поручение и, конечно, очень важное: следить за цветами на одном из окон.

– А Варвара Захаровна сказала: у кого есть дома цветы, если захочет – пусть приносит, – сообщил он. – А я говорю: у нас есть, и я принесу... Мама, можно я отнесу в школу цветков?

– Ты бы, сынок, сначала спросил у меня – можно ли? – а потом и обещал, – сказала мама, приглаживая его белёсые вихры. – Ну, а теперь мы с тобой в безвыходном положении: раз обещал, надо отнести.

– А какой отнести?

В дело вмешалась Изюмка:

– Пусть вот эти листики отнесёт, они некрасивые!

– Сынок, а знаешь что? – сказала мама. – Эти листья ты, пожалуй, и возьмёшь. Только не сейчас – сейчас они вялые, жёлтые. Скоро и совсем опадут. Но зато после Нового года как начнёт этот цветок новые листочки выпускать да как начнёт цвести красными граммофонами!.. Это богатый цветок – амариллис. Вот его и возьмёшь.

Антон согласился. Ему сразу представилось окно, залитое

весенним солнцем, и среди зелёных стеблей и листьев разных бегоний и гераней его цветок горит красным огнём! И он тут же пощупал пальцем землю – не сухая ли? Теперь этот цветок будет всё время под его личным наблюдением.

Лишь только раздался отрывистый, короткий папин звонок, Антон, а за ним Изюмка выбежали в коридор открывать отцу.

– Тише, тише, – легонько отстранил их отец. – За меня не хватайся!

– Всегда за тебя «не хватайся»! – обиделась Изюмка.

– Да ведь это только временно, – возразил отец. – Вот сейчас умоюсь, переоденусь... ну, тогда другое дело. А то видишь – спецовка какая? Тут и гарь, тут и масло...

– Папа, папа! – перебил Антон. – А мне в классе поручение дали!

– Скажи пожалуйста! – покачал головой отец. – Поручение! Ты, Антон, однако, важным человеком становишься!

А мать тем временем уже сновала из комнаты в кухню, из кухни в комнату – накрывала стол. Как любила она эти часы, когда вся её семья собиралась вместе! Светлыми, весёлыми глазами поглядывала она и на детей и на мужа, губы морщились от сдерживаемой улыбки, а проворные руки ставили кастрюлю на огонь, резали картошку, раскладывали рыбу на блюде...

За обедом, как всегда, шёл оживлённый разговор. Отец рассказал про одного лектора из райкома. Лектор прочёл

лекцию, а потом пошёл ходить по заводу. Ходил, дивился. На краны дивился, на горящие мартены, на грохочущие станы. Около него, Стрешнева, долго стоял и всё удивлялся, как это вальцовщик так ловко подхватывает огненную проволоку, бегущую из стана. А потом опёрся рукой на бунты проволоки, а бунты эти были ещё горячие – ну, и обжёгся. Да хорошо, что не сильно, заживёт...

– Мы тоже скоро к вам на завод придём! – сказала Зина.

– Э, нет, ничего не выйдет! – возразил отец. – Посторонним вход воспрещён. И правильно. А то вот забредёт какой, да и попадёт под какую-нибудь чушку... Или в раскалённой проволоке запутается. Ищи его тогда!

– А вот мы всё-таки пойдём! – весело повторила Зина. – Со школьной экскурсией.

– Ну, это другое дело, – сдался отец. – Конечно, не лишне знать, где ваши отцы работают и что делают.

Но больше всех говорил за столом Антон. Он был в отличном настроении – пожалуй, даже сверхотличном. Из ума не выходило то важное обстоятельство, что у него теперь есть школьное поручение. Надо было объяснить, какие цветы стоят на его окне, и как их надо поливать, и как Петушок Галкин из пятой квартиры сказал, что Антону всегда везёт, а что он, Петруша, справился бы лучше, только ему не везёт...

После обеда отец повозился с младшими ребяташками, потаскал их, обоих сразу, на загорбке.

– Ну, теперь я немножко отдохну, – сказал он, опуская их

на пол. – Полежу в спальне.

Но Изюмка, обняв ногу отца, не пускала его и смеялась:

– Ой, папка, какой ты огромный!

А за другую ногу теребил Антон и, подняв на отца большие, ясные глаза, лукаво прищурился и спросил:

– А что ты обещал сегодня? Знаешь?

– Знаю, – ответил отец: – человечков из бумаги вырезать.

– Да, да!

– Ну и вырежу. Только полежу. Чуть-чуть.

Отец ушёл в спальню, мать мыла посуду на кухне, а Зина принялась убирать со стола.

– Я буду тебе помогать, – объявил Антон.

– И я! – закричала Изюмка.

– Ох, куда деться от этих помощников! – вздохнула Зина. – Ну уж ладно. Я вам буду давать по вещичке, а вы относите в буфет.

Изюмка получила кафельную дощечку, на которой режут сыр. Она крепко, обеими руками, прижала её к груди и тихо, еле переступая, направилась к буфету.

Антон же, наоборот, повинувшись своему праздничному настроению, скакал вприпрыжку с розовой маминой чашкой в руке. Но разбежался – и налетел на раскрытую дверцу буфета. Чашка со звоном разлетелась на мелкие блестящие кусочки.

– Разбил! – закричала Изюмка.

– Нет, – рассердился Антон, – она сама!

– Не выдумывай! – сурово сказала Зина, подбирая осколки в фартук.

Из спальни выглянул отец:

– Что это... кажется, авария?

– Нет! – поспешно ответил Антон. – Ничего и не разбилось.

Тёмные отцовы глаза перестали улыбаться:

– Ничего не разбилось?

– Нет, – опять сказал Антон.

Зина с осколками в фартуке молча стояла у стола.

Отец внимательно посмотрел на Антона. Лицо его стало скучным, словно погасло, а на лбу сразу появились морщинки;

– Мы сегодня не будем вырезать человечков, – сказал он и вздохнул: – Наш Антон – обманщик.

– Я, я разбил чашку! – закричал Антон, и крупные слёзы тотчас покатались по круглым, тугим щекам. – Я не обманщик!

– А почему ты не сказал сразу?

– Я думал, что ты за это... не будешь вырезать человечков...

– Я не буду их вырезать не за «это», а за то, что ты меня обманул. Рабочий класс обманщиков презирует. Понял?

Отец уселся у окна и загородился газетой.

– Ну, папа... ну, я больше не буду!

Антон ревел, но отец не отвечал ему. Антон начал тере-

бить его колено.

– Человечков я тебе сегодня вырезать не буду, – снова сказал отец. – Ты меня обманул. И больше не кричи, ничего не получится. Вот тебе и весь сказ.

Антон в слезах отправился на кухню к маме. Мама стояла у дымящегося таза, мыла тарелки и весело разговаривала с соседкой – старушкой Анной Кузьминичной.

– У моего сына что-то случилось, – сказала мама. – Не могу ли я помочь?

– Можешь! – крикнул Антон. – Папа не хочет вырезать человечков!

– Почему же?

– Я его обманул.

– А, – серьёзно сказала мама, – уж тут я ничего не могу поделать. Не надо было обманывать. Зачем же ты обманул папу?

– Я твою чашку разбил нечаянно...

– Мою чашку? Вот ты какой неаккуратный! Из чего же я теперь чай пить буду?

– Из моей...

– А ты из чего?

– А я из ковшика...

Анна Кузьминична засмеялась. Мама отвернулась и низко нагнулась над тазом – мама считала, что Антон не должен видеть, что она тоже смеётся.

– Уж прости его, Нина Васильевна, для завтрашнего

праздничка! – сказала Анна Кузьминична. – Он разбил-то не нарочно.

– Пускай бы разбил, да сказал бы правду, – возразила мама. – А обманывать ни в праздник, ни в будни нельзя.

– А я ничего не разбила и папу не обманула! – сообщила Изюмка, прибежавшая следом.

Зина молча высыпала в ведро осколки.

«Антон обманул – и вон сколько слёз пролил из-за этого, – думала она. – А я? Разве я не обманула Ивана Прокофьевича, когда опоздала? И маму тоже. Разве не обманула? Ещё хуже обманула!»

После ужина, когда уже все улеглись в постели и только мама ходила по комнате, что-то прибирая, Зина тихонько подошла к ней:

– Мама, а если человек про что-нибудь не скажет, он тоже обманщик? Или нет? Вот промолчит просто – и всё.

– Я что-то не понимаю, дочка, – ответила мать, чуть-чуть наморщив свой гладкий белый лоб. – Ты не можешь пояснее?

– Ну, вот человек слышит, как другой человек говорит неправду, а сам молчит. Значит, он тоже обманывает?

– По-моему, обманывает.

– А если что-нибудь сделает плохое... Ну, случится с ним что-нибудь... а он не скажет. Это тоже обманывает?

Мама с Изюмкиной куклой в руках, которую подняла с пола, села на диван и усадила Зину рядом:

– Если ты пионерка и сделаешь что-нибудь недостойное...

Ну, например, спишешь что-нибудь или вдруг отколотишь маленького на улице...

– Мама, что ты! – улыбнулась Зина.

– Ну нет, это я для примера... И промолчишь об этом, то ты обманешь свою пионерскую организацию. Все будут думать, что ты хорошая пионерка, а ты хорошая будешь только внешне, поверху... – попробовала объяснить мама. И тут же, взглянув на Зину, спросила: – А теперь скажи, что у тебя случилось?

– У меня? – попыталась удивиться Зина.

– Да-да, у тебя, дочка, – твёрдо повторила мама. – Ну-ка, давай выкладывай.

Зина помялась немножко. Но преодолела себя и, запинаясь, начала рассказывать. Сегодня был у них сбор звена. И на звене девочки очень стыдили Тамару Белокурову за то, что она опаздывает. И её, Зину, тоже бранили...

Мама удивлённо поглядела на Зину: а её-то за что же?

Зина опоздала вместе с Тамарой. Зашла за Тамарой – ну, обе и опоздали.

– Значит, ты хотела её вверх потянуть, – сказала мама, – а она оказалась сильнее и тебя вниз потянула. Ну, а дальше?

– И, кроме того, Тамара обманула всех, что у неё мать заболела. А у неё мать ничуть не заболела – такая румяная, толстая... А здоровается так, что и не поймёшь, поздоровалась она или нет: глядит на человека, а будто его и не видит.

– Это у нашего инженера Белокурова такая жена? – уди-

вилаась мама. – Жалко... Но не о ней речь. Речь-то о тебе. Нескладно ты поступила, дочка. Подругу защищаешь, а школу обманываешь. А в школе-то кто? Твои же все подружки, пионерки. И учителя. Но опаздывать да ещё обманывать – учителей обманывать! – нет, дочка, это никуда не годится. Никуда не годится! И бранили вас на звене мало... Я бы перед всей дружиной побранила!

– А как же быть-то? – тихо, не поднимая головы, спросила Зина. – Ведь я должна ей помогать... ну, Тамаре-то.

– Вы все должны друг другу помогать. Но одна ты перед ней слаба, пускай за неё отряд возьмётся.

– Нет, я должна.

– Именно ты?

– Да. Я должна. Я обещала... Мы друг другу обещали... всю жизнь помогать.

Мама с минутку подумала, потом сказала:

– А знаешь, дочка? Вот этим ты и поможешь ей лучше всего: обратись к своему пионерскому отряду. Вместе-то, всем отрядом, вы и поможете. – И, понизив голос, добавила: – Только не будем папе об этом говорить, ладно? Он ведь, знаешь, всякого обмана просто терпеть не может – он ведь у нас такой принципиальный. Это его прямо за сердце берёт. А зачем нам его огорчать? Сами справимся. Расстроится, задумается на работе, а работа у него на заводе, сама знаешь, опасная. Чуть зазевался – пожалуй, раскалённой проволокой-то и опояшет!

– Не скажем, не скажем! – горячо прошептала Зина. – Ни за что не скажем! Я всё поправлю!

– Шептунов – на мороз! – вдруг раздался негромкий полусонный голос отца.

– Всё, всё! – ответила мама. – Спать.

Зина с облегчённой и успокоенной душой отправилась в спальню, мимоходом уложив в кровать Изюмкину куклу, оставленную мамой на диване. Зина и сама ещё так недавно играла в куклы.

ГДЕ РАБОТАЮТ ИХ ОТЦЫ

Ну вот наконец и собралась школьная экскурсия на завод.

Фатьма торопливо одевалась, а сама всё поглядывала на часы.

– А что ж не зайдёт за тобой подружка твоя? – спросила у Фатьмы её мать, весёлая, круглолицая Дарима.

У Даримы были узкие, немножко косо поставленные глаза, и стоило ей чуть-чуть прищурить веки, как уже казалось, что глаза её смеются и озаряют улыбкой всё лицо. Во дворе все любили дворничиху Дариму, и жильцы дома, встречая её на дворе, всегда кланялись ей и спрашивали, как её дела. Дариму любили за то, что она была приветлива, и за то, что неинтересную и трудную свою работу (ну что такое работа дворника: подметёшь двор, а через час хоть опять подметай!) Дарима умела делать весело, прилежно, по-хозяйски. Это она посеяла газон во дворе около забора, это она притащила откуда-то и посадила у ворот два молодых тополя, это она защищает и бережёт старые деревья под окнами флигеля, так украшающие двор.

«Мой двор», «У меня во дворе» – так любила говорить Дарима. И уже вся улица привыкла к этому, и соседи не называли этот дом домом № 5, а говорили: «В доме у Даримы», или: «Как пройдёшь дом Даримы»... И даже Фатьма иногда сбивалась и тоже говорила: «Мамин дом», а потом смеялась

этому. А иногда, возражая на слова матери, которая, подсчитывая зарплату, вздыхала: «Эх, ну и богачи же мы с тобой!» – Фатьма говорила: «А чем же не богачи, мама? У тебя вон целый дом есть, и двор, и деревья вон сколько!»

Давно уже не видела Дарима в «своём доме» любимую подружку Фатьмы, Зину Стрешневу. Всё помалкивала, а нынче спросила:

– Где же она, твоя подружка, та, беленькая, как пряник всё равно?

– Не преник, а пряник, – отозвалась Фатьма, не отвечая на вопрос.

– Да я и говорю – преник. Эх, эх, видно, пошла у вас дружба, как листья по ветру...

Да. Вот уж и деревья облетели, и морозец начинает хватывать по утрам, и мать, вставая в шесть утра подметать двор, уже надевает тёплый платок, и в школе кончается первая четверть, а «беленькая подружка» Фатьмы больше не приходит в их зелёный домик. Врозь уходят в школу и врозь возвращаются домой. И если бы Дарима знала, до какого больного места в сердце Фатьмы дотронулась она, то ни о чём не стала бы спрашивать и не стала бы говорить о листьях, которые разлетаются по ветру!

Очень скучает о Зине Фатьма, скучает об их дружбе. Каждый день они встречаются в школе, и даже сидят по-прежнему на одной парте, и говорят то о том, то о другом... Но между ними словно стоит стена. И каждую перемену Зина – с Та-

марой, с Машей или с кем-нибудь другим, но не с Фатьмой...

А Фатьма тоже не бежит за ней. Если её перестали любить, то и она перестанет...

Она быстрыми шагами идёт по звонкому, скованному морозцем тротуару. Вот и улица кончилась, вот и сквер, и школа. А вот уж и подружки кричат, толпясь у ворот школы:

– Фатьма! Фатьма! Скорее!

– Скорее, Фатьма! – кричит и Зина.

Фатьма подбежала к Зине, слегка покрасневшись от бега и радости, что вот, кажется, Зина опять по-прежнему позвала её и сейчас исчезнет и рассеется то непонятное, что так надолго разделило их. То же самое радостное чувство засветилось и в глазах Зины. Вот бежит её милая подружка Фатьма, с которой они уже так долго не болтали, не смеялись, не вели душевных бесед! Зина уже сделала шаг к ней навстречу... Вдруг давнишняя обида опять встала перед нею. Разве они помирились?.. А Фатьма, заметив, как замкнулось и погасло Зинино лицо, тоже сдержала шаг и сказала, обращаясь ко всем:

– Здравствуйте, девочки!

Нет, нет! Её мать Дарима никогда, ни при какой нужде и беде не унижалась ни перед кем. Вот и Фатьма такая же.

И ещё раз золотая минутка ускользнула у подружек. И обе пожалели об этом, но ничего не сказали друг другу.

...Школьницы, держась парами, шли вдоль высокого серого забора.

Сегодня день был ясный, с крепким холодком, и трубы курились прямо в небо. Вот и ворота, проходная. Елена Петровна и старшая вожатая Ирина Леонидовна пошли за пропусками.

Вскоре калитка проходной открылась. Молодой рабочий в спецовке сказал Елене Петровне, что он проведёт экскурсию по заводу, и, сосредоточенно сдвинув брови, предупредил очень строго, что самостоятельно по заводу ходить нельзя, что отбиваться и вылезать вперёд нельзя, отставать нельзя и до чего-либо дотрагиваться – тоже нельзя...

Зина ходила по заводу и с любопытством смотрела по сторонам. Здесь, за высоким забором, был совсем иной мир, чем тот, в котором до сих пор она жила. Среди огромных встопорщенных холмов сырья – тут и обломки железных кроватей, и обрезки жести, и всякий металлический лом, который колюче поблёскивал на солнце, – ходил проворный паровозик с платформами, развозя груз по территории завода. Зина с улыбкой проводила его глазами: вот он, маленький, весёлый, который погукивает на весь квартал и тревожит в душе какие-то неясные мечты о дальних путешествиях и неведомых странах...

А это что такое?

Экскурсанты остановились, полные любопытства: огромный круглый магнит, висящий на крюке крана, грузил сырьё на машину. Кран стоял около колючего железного холма. Он ловко поднимал тяжёлую магнитную лепёшку, опус-

кал её на верхушку этого холма, поднимал снова, а вместе с ней поднимал охапку всевозможных железных обломков и обрезков, приставших к магниту, и бережно относил в железные ящики – мульты. Это было очень занятно, и девочки, развеселившись, кричали:

– Смотри, смотри! Опять хватает! Вон полкrovати потащил!

Зина оглядывалась вокруг и думала: «Вот здесь наш папа проходит каждый день...»

По сторонам поднимались вверх сквозные железные фермы, разделяя цехи. В одном из переходов школьницам встретился инженер Белокуров.

– Папа! – крикнула Тамара и выбежала из рядов.

– Осторожнее! Осторожнее! – резко остановил её отец. – Видишь? – И он показал наверх.

К ним приближался большой кран с тяжело волочащейся цепью и с огромным крюком на конце цепи. Рабочий, провожавший экскурсию, нахмурился, молодое лицо его залилось румянцем.

– Кто будет нарушать правила, удалим с территории завода, – предупредил он. – Ведь вот зашибёт кого-нибудь, а мы отвечаем. Ишь бросилась, давно папу не видела!

Учительница тоже испугалась. Она велела Тамаре вернуться на место. Та вернулась, но глаза её сердито блеснули.

– Тоже ещё, кричит... – пробормотала она в сторону рабочего.

И, обернувшись, проводила взглядом отца, который свободно и будто не глядя уклонился от страшной цепи и прошёл в цех. Тамара почти не узнавала его. Какой он молчаливый и незаметный дома и какой значительный и по-хозяйски уверенный здесь! Дома он просто «папка». А здесь он – инженер Белокуров, большой человек. Вон как приветливо, с каким уважением кланяются ему рабочие! Снимают кепки, чуть только завидят его. И как серьёзно слушают то, что он говорит... И шутят с ним – и папка с ними шутит. И смеётся даже, а дома Тамара никогда и улыбки его не видела!

Тамара глядела на отца с неожиданным чувством робости и смутного уважения. Только вот зачем он так резко прикрикнул на неё, да ещё при всех?.. А такой случай был показать перед девочками своё превосходство – ведь она всё-таки дочь инженера Белокурова!

Зина поняла её настроение.

– Ведь тут опасно, – сказала она, – вот он и испугался. Ты лучше посмотри: вон ещё кран идёт... А кто это оттуда смотрит? А-а, тётя Груша! Наша соседка тётя Груша.

Зина помахала ей рукой. Тётя Груша, закутанная от пыли платком, тоже помахала им сверху. Тогда и все девочки подняли весёлый крик и принялись махать крановщице. Лишь Тамара стояла молча, со скучающим видом. Ну что ей за дело до этой тётки Груши на кране и до этих мрачных цехов, где тяжёлые цепи подхватывают крюками чугунные опоки, похожие на коробки, и рядами устанавливают их, подготавли-

вая к принятию литья, и до этих штабелей ещё горячего листового железа, и до этих станов, которые прокатывают эти листы... И вообще до всей этой тяжёлой, трудной и непонятной работы и до всей этой чуждой ей жизни завода...

А Зине было интересно всё. Особенно поразило её маховое колесо в прокатном цехе. Оно было такое огромное: половина его уходила под пол, а другая половина поднималась к потолку. Такое колесо даже и во сне не может присниться.

– Ох, громадина! – почти вскрикнула, увидев это колесо, Фатьма.

И Зина подхватила:

– Никогда, никогда я бы не подумала, что такие бывают!

А ты?

– И я!

Руки их как-то сами собой протянулись друг к другу. Но подошла Тамара, решительно взяла Зину под руку и отвела в сторону.

– Колесо, колесо! Ну что особенного! – сказала она. – А вот послушай, что мне сейчас Агатова сообщила: на совет отряда вызывают.

– Кого? – испугалась Зина.

– Ну, меня! – Тамара иронически усмехнулась. – Маша Репкина постаралась. А как же – староста класса! Это для неё важнее всего – староста класса. А всё из-за одной только двойки! Тоже друг называется!

– Зачем же прямо на совет отряда? – расстроилась Зина.

Оглянувшись, она отыскивала глазами Машу и пробралась к ней.

– Зачем же прямо на совет отряда? – сказала она Маше. – Разве нельзя было нам самим с ней поговорить? Из-за одной двойки!

– Не из-за одной двойки, – твёрдо возразила Маша, – а из-за всего. Из-за опозданий. Ты вот пробовала заходить за ней... Ну и что? Сама опоздала. Я пробовала – то же самое. Только я не ждала её, как ты, а просто уходила, и она всё равно опаздывает. Елена Петровна вызвала её мать. Мать не пришла. Наверно, Тамара не передала записку. А я – староста класса, я отвечаю!.. Ого! – вдруг подтолкнула она Зину. – Гляди, гляди, что делается!

Из огромного ковша хлынул в опоки огненный ручей. Над котлом вспыхнул столб яркого света.

Зина на мгновение закрыла глаза, но и сквозь веки она увидела красный отблеск, словно от пожара Среди оживлённых восклицаний подруг Зина различила голос Фатьмы:

– Жидкий огонь течёт! Ой, как интересно!

И вдруг так досадно стало Зине и так захотелось ей отмахнуться, словно от надоевшей мухи, от Тамары, когда та снова проворчала около неё:

– Обещают дружить до самой смерти и помогать... а сами – на совет отряда!

Но Зина не отмахнулась, сдержалась, чтобы не обидеть её. Но и не ответила ничего, сделала вид, что не слышала. А

впрочем, было не до разговоров – школьницы подошли к печам.

Вдоль всего цеха бешено гудели мартены. Рабочих совсем не было видно. У каждой печи стоял только один человек. Пахло жаром. Огонь в печах так завывал, что заглушал голоса, и рабочие делали своё дело бесшумно и молчаливо. Иногда кое-кто из них оборачивался к девочкам и глядел на них сквозь квадратные тёмные очки, прикреплённые к защитному козырьку. Печи были закрыты заслонками, и только сквозь круглое отверстие заслонок было видно бушующее пламя.

Но вот подъехал к одной печи кран, развернулся, держа на круглом хоботе мульду с металлом. Рабочий, стоявший у приборов, нажал кнопку и открыл заслонку. Кран рывком тронулся с места и направил в бушующее пламя хобот с мульдой, наполненной металлом, перевернул эту мульду, высыпал весь металл в печь и отъехал к стене. Крышка снова захлопнулась, однако Зина успела увидеть, как бешено крутится в печи огненный вихрь, выбрасывая искры прямо в цех.

У входа в цех, где стояли девочки, был устроен кран с прохладной газированной водой. Один из рабочих подошёл напиться.

– Интересно? – спросил он, и белые зубы сверкнули на покрытом сажей и гарью лице.

– Да, – несмело ответили девочки.

– Ты, Сергей, дай им в свои очки посмотреть, – попросил рабочий, провожавший экскурсию.

– А ты что сегодня – выходной? Или сбежал с вальцовки? – спросил белозубый парень.

– Да вот приказано экскурсию проводить. До смены успею.

– Ну как я им очки-то свои дам? – замялся рабочий.

– А что?

– Да кепка-то моя... того. Прокопчённая. Гарью пахнет.

– А от нашего отца тоже всегда гарью пахнет! – сказала Зина. – Как приходит, так и снимает всё. А всё равно пахнет.

– И от нашего! – сказал кто-то из девочек.

– И от нашей матери – тоже!

– Э, да тут всё рабочий класс собрался! – засмеялся сталевар и подал Зине свою кепку с очками.

В это время как раз открыли одну печь, и Зина могла спокойно глядеть, как взвиваются языки огня и кипит металл. Но глядеть долго не пришлось: другие девочки отняли у неё очки. Потом глядела в эти очки и Елена Петровна, и их молоденькая, аккуратненькая старшая вожатая Ирина Леонидовна...

Только Тамара не просила очков; она стояла поодаль, словно боясь запачкаться... Неужели и её отец приходит с завода такой же пропахший гарью? Впрочем, почём она знает – ведь он приходит поздно, а потом долго моется под душем... Может быть, поэтому и моется так долго...

Опять вспомнилась встреча с отцом в первом цехе, и Тамаре показалось, что он прошёл мимо какой-то далёкой-далёкой, своей дорогой... А она живёт рядом и не знает о нём ничего...

Подходя к прокатному цеху, девочки ещё издали, через широкие открытые ворота, увидели, как по полу ползут бесконечные огненные полосы. Исчезает одна, вильнув хвостом, как змея, а следом уже ползёт другая...

– Здесь тянут проволоку, – объяснил провожатый. – Видели там стальные чушки?.. Видели. А здесь вот такую чушку протягивают сначала через один стан, потом через другой, потом через третий... пока чушка не станет толщиной в пять миллиметров, а то и в три с половиной, если нужно.

– Такую огромную чушку сделают тонкой проволокой? – удивились девочки. – Как же это?

– А вот смотрите как. Только не баловать, – строго прибавил он и окинул школьниц острым взглядом небольших серых глаз, – и не кричать ничего! Тут работа рискованная, отвлекать человека нельзя.

– Девочки, тихо стоять! – предупредила и Елена Петровна.

Она остановила весь класс у самых ворот. В стороне сидели рабочие – покуривали, отдыхали, ждали своей смены.

Раскалённые оранжевые полосы – потолще и потоньше – выползали из отверстий станов. Меж двух станов стоял рабочий-вальцовщик с большими клещами в руках. Зина чуть

не вскрикнула вроде Тамары: «Папа!», но вовремя сдержалась и даже закрыла ладонью рот. У стана стоял её отец.

Да, эта работа требовала большого умения, точных движений и напряжённого внимания. Из стана справа выскакивала раскалённая полоска стали и устремлялась вперёд. Но вальцовщик точным и необыкновенно ловким движением хватал её клещами и направлял в отверстие стана, стоящего слева. Огненная змея, сделав полукруг около его колена, так же стремительно уходила в другой стан. Но в то время как бежала эта полоска, из второго зажима справа вылетала ещё одна раскалённая змея, словно стремясь выскочить из стана и убежать совсем из цеха. И опять тем же непринуждённым, красивым и точным движением вальцовщик схватил её и снова, окружив свои колени огненным кольцом, отправил гибкую, полыхавшую жаром полосу в левое отверстие стана... Между тем первая полоса скрылась, вильнув обрубленным хвостом, но справа уже показалась следующая, такая же стремительная, готовая вырваться из стана и пробежаться по всему цеху...

Девочки стояли затаив дыхание. Так же молча, не спуская с вальцовщика глаз, стояла рядом с ними и Елена Петровна. Все они были под одним и тем же необыкновенным впечатлением – впечатлением красоты человеческого труда. И сам вальцовщик Стрешнев был очень красив в эти минуты. Молодое лицо его, серьёзное и сосредоточенное, слегка покрасневшее от жара, освещалось снизу багряным отсветом

раскалённой стали. Те же жаркие отсветы глубоким огнём отражались в его спокойных тёмных глазах. Он стоял прямо, слегка выставив вперёд правую, защищённую панцирем ногу, и лишь чуть-чуть склонялся, то принимая из стана полосу, то направляя её в другой стан. Казалось, он чувствует каждое движение этих огненных полос. Он опускал клещи именно тогда, когда из отверстия показывалась оранжевая головка, подхватывал полосу именно в тот момент, когда она готова была уйти от него, и спокойно подводил очень точно к небольшому отверстию, куда и выпускал её. Он работал так чётко, так ритмично, что работа его была на грани искусства. Поэтому и стояли люди и глядели не отрываясь на этого человека, сумевшего свой тяжёлый труд сделать таким красивым.

– Из этого стана сталь вышла в пятнадцать миллиметров, – пояснил провожатый, – а из следующего выйдет уже не в пятнадцать, а в десять. А потом пройдёт через третий стан – и уже толщина её будет пять миллиметров. Так вот дойдёт и до трёх с половиной...

Уходя, девочки видели под навесом бунты готовой проволоки. Некоторые из них ещё светились малиновым отсветом, остывая на холодноватом воздухе.

Зина шла домой задумчивая и счастливая. Ей казалось: теперь она ещё больше любит своего отца и гордится им. Но как права была мама, когда говорила: «Не будем расстраивать его, а то ещё задумается от неприятностей, да и случит-

ся что-нибудь. Ведь работа у него опасная!»

Да, очень опасная у него работа! Чуть ошибётся, не успеет вовремя подхватить огненную змею – она вырвется из рук и прижмёт вальцовщика к стану или опояшет огненным кольцом! Хотя и защищает его железный столб, но неизвестно ведь, как повернётся и взовьётся эта живая раскалённая сталь.

Зина шла, думала об отце и совсем не слышала, что говорила ей Тамара. Зина машинально отвечала ей что-то.

– А правда, как мой отец ловко работает? – вдруг с тайной гордостью спросила она, Но Тамара взглянула на неё с недоумением – видно, она говорила Зине о чём-то совсем другом...

Отец!.. Тамара тоже думала о своём отце. Но почему-то говорить о нём ей не хотелось.

ЗА ДЕЛО БЕРУТСЯ ПИОНЕРЫ

В пионерской комнате заседал совет отряда. В школе уже было тихо, только уборщицы хлопали дверьми и шаркали щётками.

Первым на совете отряда стоял вопрос о поведении Тамары Белокуровой.

– Бранить её бесполезно, – сказала Маша Репкина. – Я староста класса. Ну и что же? Я должна терпеть, что она опаздывает? Но ей что ни говори – будто не слышит. Она затыкает пальцами уши – и всё.

– На звене – тоже, – подтвердила Оля Сизова, вожатая звена. – Стали говорить, так она зажала уши и сидит.

Оля вспомнила про эту обиду и насупилась.

– Девочки, вы только жалуетесь на неё, а ничего не предлагаете, – сказала Сима Агатова. – Ну, не говорить, ну, не ругать. А что же делать? Ведь и отступиться от неё мы тоже не имеем права.

Вечно прищуренные смешливые глаза Симы в эту минуту были серьёзны и остры. Сима сейчас была не просто школьница, которая не прочь и пошалить, и понасмешничать, и пробежаться по лестнице через три и четыре ступеньки. Сейчас Сима была прежде всего пионерка, председатель совета отряда, которая должна выполнить свою обязанность, очень сложную и важную, – найти путь к сердцу человека.

– Давайте напишем про неё фельетон! – предложила Катя Цветкова, редактор отрядной газеты. – Ты, Сима, напишешь, а Зина нарисует. Можно так смешно сделать, что вся школа будет смеяться. Ой-ой! Я представляю!

И худенькая, бледная Катя рассмеялась, словно уже видела эти смешные картинки, и порозовела от смеха.

Но Зина поспешно отказалась:

– Нет, нет! Нельзя так... А если бы это над тобой вся школа смеялась? Нет, это очень обидно.

– Боюсь, что мы Тамару ещё больше этим оттолкнём, – задумчиво согласилась Сима. – Тогда с ней нам и совсем не подружиться.

– Может быть, сходить к её матери? – предложила Оля. – Пожаловаться?

– Нет, нет, – возразила Зина, – к её маме не надо ходить! Я знаю...

Сима обернулась к ней:

– Вот ты, Зина, всё: то не надо, другое не надо. Ну, а что же, по-твоему, надо?

Зина потупилась. Разглаживая на колене свой чёрный фартук, она начала несмело:

– Девочки... Может, я неверно...

– Ну, говори, говори, – подбодрила её Сима.

– Может, так сделать... Вот нам сейчас надо будет готовиться к празднику. Пускай Тамара возьмёт какую-нибудь интересную работу...

– И завалит её, – dokonчила Маша. – Вот выбрали её в редколлегию, а она работать не стала!

Зина поглядела на Машу:

– А может, не завалит? Девочки, вот мы будем ставить «Морозко». Будем же мы шить костюмы? Для снежинок, для сиротки Дашеньки... Пусть и она с нами шьёт!

Маша покачала головой:

– Не будет. На фартуке крючок пришить не может, а то...

– Маша! – остановила её Зина и значительно поглядела на неё. – А разве мы с тобой не поможем ей?

Но Маша не поняла её взгляда.

– А почему всё именно мы с тобой? – возразила она. – Что мы с тобой – няньки, к ней приставленные?

«Маша всё забыла! – удивилась и огорчилась Зина. – Ой! Мы же обещались...»

– Ну и что ж, что не умеет крючка пришить, – сказала она, решившись быть твёрдой, – а мы возьмём да научим. И все раньше не умели. А как начнёт костюмы шить – так ей и понравится... И подружится со всеми... Вы ещё не знаете, какая она... Она в душе хорошая...

Сима, прищурившись, слушала Зину. Глаза её опять загорелись весёлыми огоньками.

– Но до чего ж наша Зинка тихоня! И хитрая – всё как-нибудь потихоньку, осторожно, чтобы подружку свою не обидеть. Знаю я тебя! – И добавила уже серьёзно: – Мне кажется, что Зина права. Давайте так и сделаем. А поговорить с

ней поручим Зине. Вот пускай Тамара в спектакле участвует, снежинку будет танцевать!

– А главное, надо подтянуть её по русскому и по математике, – сказала Маша.

– Пускай Зина поможет, раз она её подруга! – предложила Оля Сизова.

И все поддержали:

– Пускай Зина!

– Хорошо, – коротко ответила Зина.

С вопросом о Тамаре Белокуровой было покончено, и девочки с удовольствием перешли к другим делам. А эти «другие» дела были очень интересные.

Старшая вожатая принесла целый ворох белой, розоватой и голубой марли – для костюмов «снежинкам». «Снежинки» будут кружиться и танцевать вокруг оставленной в лесу сиротки Даши.

– Дашу играет Соня? – спросила Зина.

Ей почему-то подумалось, что Тамаре непременно захочется играть эту самую главную роль. Но она тут же возразила самой себе: а почему она так думает? Тамара ещё ничего никому не говорила. Она вообще держит себя так, будто и не знает ничего об этом спектакле.

– Да, Соня Поливанова из седьмого «А», – ответила Сима. – Она очень подходящая к этой роли. Правда, девочки?

– Правда! – раздались голоса со всех сторон. – Она очень хорошенькая. И тихая такая же, как та Дашенька...

– А нашу Зину тоже можно было... – сказала Сима. – И тихая и хорошенькая!

– Как не стыдно! – отмахнулась Зина и покраснела.

– И снежинкой могла бы, – сказала с улыбкой, подмигивая девочкам, Оля, – беленькая!

– Ни за что! Ни за что! – затрясла головой Зина. – Я и повернуться-то не умею. Перестаньте, девочки!

– Она нам красивую стенгазету сделает, вот увидите, – сказала Маша Репкина. – Уж это она сумеет!

– Полная характеристика! – смеялась Сима. – Зина, ты довольна?

– Довольна, довольна! – засмеялась Зина.

Как бегут дни! Вот уже и праздник Октябрьской революции проводили, и другой – Новый год – забрезжил впереди. Вот уже и снег ложится на тротуары...

Зина тихо шла по своей сразу побелевшей улице. Шла и глядела на падающий снег. Зине казалось, что она может глядеть бесконечно на эти пушистые снежинки, которые бесшумно появляются откуда-то из глубины светло-серого неба и всё летят, летят, теряясь в наступающих сумерках и лёгком дыме заводских труб...

«Моя подружка! Моя подружка! – Зина опять вспомнила про Тамару и поморщилась, словно от зубной боли. Но тут же и упрекнула себя: – Вот ведь какая! Как обещать – так это я. А как до дела дошло, так уж мне и не хочется!»

ЗИНА ИСПОЛНЯЕТ ДОЛГ ДРУЖБЫ

Зина и Тамара сидели за маленьким письменным столом. Горела настольная лампа, накрытая пёстрым шёлковым платочком. Из-за стены слышалась негромкая музыка – Антонина Андроновна любит слушать радиопередачи. Когда приёмник выключен, то ей кажется, что в квартире слишком тихо и скучно и чего-то не хватает. Дверь в соседнюю комнату была открыта, и Зина видела Антонину Андроновну, она лежала на диване, читала какую-то толстую растрёпанную книгу и щёлкала кедровые орешки.

Зине мешала музыка, не давала сосредоточиться. Наморщив брови, она старалась сообразить, с чего надо начать задачу. Тамара, с рассеянным видом слушая музыку, легонько постукивала ногой в такт.

– Ну вот, Тамара, слушай...

Тамара зевнула и поближе придвинулась к Зине, взяла карандаш:

– Ну?

Подруги принялись решать задачу. Вернее, решала Зина, а Тамара записывала.

Они записали первый вопрос.

– Ну, и что ты сделаешь дальше? – спросила Зина. Тамара

задумалась.

– Ну, помножу триста двадцать на двенадцать... Зина с изумлением взглянула на неё:

– Зачем?

– Тогда к трёмстам двадцати прибавлю двенадцать и потом разделю...

– И что будет? – Зина слабо улыбнулась. – Да ты ничего не поняла, Тамара! Давай сначала.

Зина терпеливо принялась объяснять задачу.

– А, вон что! – Тамара кивнула головой. – Ну, поняла, поняла. Надо разделить триста двадцать...

– Правильно, правильно! – обрадовалась Зина.

Но Тамара вдруг насторожилась, прислушалась:

– Канделаки поёт! Ой, как я люблю! Нани-на, нани-на!..

Тамара, подпевая Канделаки, вскочила, бросилась в комнату матери и включила приёмник на полную мощность.

...Приезжайте, генацвале!

Нани-на, нани-на!

Угостим вас цинандали!

Нани-на, нани-на...

– Что ты делаешь! – испугалась Зина. – Разве можно так запускать?

Тамара звонким и чистым голосом подпевала Канделаки. Зина взглянула на Антонину Андроновну, ожидая, что она

остановит Тамару, но та невозмутимо продолжала читать, пощёлкивая орехи.

В дверях появилась Ирина.

– Там опять соседи пришли, просят радио убавить, – сказала она.

Антонина Андроновна подняла от книги глаза:

– Опять пришли? Удивляюсь, какой невоспитанный народ!..

– Ну, вот ты опять им и скажи, – подхватила Тамара, – что мы к ним не лезем, пусть и они не лезут. Мы в своей квартире пускаем радио, а не у них!

– И скажи, что я полагаю, – добавила Антонина Андроновна, – что в собственной квартире я хозяйка и что хочу, то и делаю... Прямо житья нет, такая некультурщина – лезут в чужую квартиру, да ещё диктуют, как поступать и как не поступать! А для чего же радио изобретали, спрашивается, – чтобы оно молчало? И за что же мы тогда за радио платим, интересно знать?

– Но мне тоже надо уроки делать! – возразила Ирина. – Ведь оно сбивает...

– Оставь меня, пожалуйста, и не раздражай! – ответила Антонина Андроновна. – Когда будет у тебя своя квартира, в чём я сомневаюсь, тогда будешь поступать так, как тебе захочется.

– Да, уж так, как вы, поступать не буду! – проворчала Ирина и ушла в кухню.

Зина сидела, низко склоняясь над учебником. Её лицо горело от стыда. Ей хотелось собрать свои книги и тетради и немедленно уйти из этой «собственной» квартиры и никогда-никогда не возвращаться в неё больше! Но Зина знала, что не уйдёт до тех пор, пока Тамара не сделает задачу, пока она не поймёт её как следует.

– Тамара, уже поздно, – напомнила она.

– Ну, иду сейчас! – неохотно ответила Тамара. – Ой, и надоели эти задачи! Ну что я буду с ними возиться, раз я всё равно не понимаю!

– Да ведь надо же решить! – взмолилась Зина.

Ей очень хотелось домой. Мгновенно представилось, как дома сейчас сидят все вокруг стола, занимаются своими делами. Может, Антошка уже сделал уроки, и теперь папа читает вслух «Конька-горбунка» – он вчера начал... А мама сидит и шьёт что-нибудь или вяжет. Домой!

– Давай повторим, – со вздохом сказала Зина. – Тамара, садись.

Тамара села и снова взяла карандаш. Первый вопрос решили. На втором Тамара начала барабанить пальцами в такт весёлой польке, звучащей по радио.

– Может, в самом деле выключить приёмник? – негромко предложила Зина. – У нас дома мы всегда выключаем...

– Вот ещё нежности! – возразила Тамара. – Давай говори, что там дальше...

Будто после тяжёлой работы возвращалась Зина домой.

Лёгкий снежок искрился под фонарями, острый морозец приятно освежал лицо. Сейчас Зина первый раз созналась самой себе, что она устала. Устала от этих занятий с Тамарой, устала от этой дружбы, где всё основано на чувстве долга, только на чувстве долга. А одного этого чувства мало для настоящей дружбы. Зине вдруг стало ясно, что Тамара ей совсем чужой человек и что сердце давно уже закрылось для этой подруги. И впервые ей подумалось: а может, права была Фатьма, когда в тот вечер, в лесу, отняла свою руку?

В эту минуту Зина оглянулась на зелёный домик, мимо которого проходила. Дворничиха Дарима, черноглазая, румяная, в красном с цветами полушалке, стояла у ворот. Зине вдруг очень захотелось забежать к Фатьме, посидеть вместе с ней у них на крылечке, глядя, как падает снег. А потом взять метлу да вместе с Фатьмой помочь тётке Дариме разместить снег на тротуаре.

– Здравствуйте, тётя Дарима! – сказала Зина чуть-чуть зазвеневшим голосом.

Она была рада, что сейчас придёт к Фатьме и всё будет, как прежде. Хватит уж, хватит! Хоть и не верный друг Фатьма, но зато Зина – верный. И больше не хочет она жить без Фатьмы!

– Здравствуй, здравствуй, – ответила Дарима.

И Зина съёжилась, почувствовав в её голосе острый холодок.

– Фатьма дома?

– Фатьма дома. Только она, знаете, дворникова дочка. Не инженерова.

Зина растерялась:

– Тётя Дарима, что вы...

– А ничего я. Сама всё вижу. Сама всё понимаю. А между прочим, в Советском Союзе все – люди: инженеры – люди и дворники – люди.

У Зины слёзы подступили к глазам.

– А я разве... – начала было она.

Но Дарима посмотрела вокруг, вздохнула:

– Эх, снег, снег! Кому – любованье, а кому – работа. Эх, эх!

А потом повернулась и ушла, больше не взглянув на Зину.

«Ну, вот и всё, – сказала Зина самой себе. – И нечего лезть. Они будут меня выгонять, а я буду лезть?»

Слёзы уже не держались в глазах, они брызнули и покатались по щекам.

«А как будто мне не всё равно, кто инженер, а кто дворник!.. У-у...»

Она шла и ревела, как маленькая. И, только подойдя к своему двору и увидев Антона и Петушка из пятой квартиры, которые лупцевали друг друга снежками, она сразу умолкла и поспешно вытерла рукавичкой лицо. Ещё не хватало, чтобы эти малявки увидели, что Зина плачет!

Зина пришла домой, когда мама уже собирала ужинать.

– Что-то поздно, – сказал отец.

Он действительно читал вслух «Конька-горбунка» и сейчас бережно ставил книгу на полку.

– Задача не выходила, – вяло ответила Зина.

Отец внимательно поглядел на неё.

– Зина, нарисуй мне медведя, – начала просить Изюмка, как только Зина вошла в комнату.

– Зина устала, – сказал отец. – Ты не приставай к ней, Изюмка, а то позову петуха – он тебя склюёт. – И обратился к Зине: – Иди-ка сюда, потолкуем, пока мать ужин собирает. Погляди-ка на меня.

Зина села рядом с отцом и поглядела ему в глаза. Отец покачал головой:

– Эге, дочка! Так не годится. Гляди-ка, позеленела. Гулять побольше надо. Как хочешь, но пусть тебя от этих занятий освободят...

– Но я же сама... – перебила было Зина.

Но отец заявил:

– Велика нагрузка. Ходи к Тамаре с кем-нибудь по очереди. Одной тебе тяжело. А то – гляди, я сам в школу приду. На совет отряда.

– Что ты, папа, что ты! – испугалась Зина. – Не надо. Девочки подумают, что я жалуясь. Я должна! Скоро четверть кончится, и тогда...

– Да ты не выдержишь!

– Папа, я должна! Я не могу, чтобы Тамара с двойками осталась. Я выдержу!

Отец ещё раз внимательно посмотрел на неё:

– А сама на двойки не съедешь?

– Нет, не съеду. Ты же сам всегда говоришь, – лукаво улыбнулась Зина: – взялся за гуж – не говори, что не дюж!

– Говорю, – согласился отец, – но ведь бывает, что гуж-то не под силу.

Никто не заметил дома, что Зина только что плакала. Но мама заметила. Вечером, когда все легли спать, мама и Зина опять сидели и шептались на диване.

– Скоро день твоего рождения, – начала прикидывать мама, когда Зина рассказала ей о всех своих неприятностях. – Это в воскресенье... Ага. Так. Ну, уж я знаю, что я сделаю!

– Что, мама?

– Да уж знаю. Сделаю так, что ты со всеми подружками помиришься! Задам я вам пир, испеку пирог, а ты на свой праздник зови всех, кого хочешь.

– Хоть весь класс?

– Весь класс? – Мама покачала головой. – Это, пожалуй, многовато. У нас и места не хватит.

– А, испугалась! – засмеялась Зина. – Ну, не бойся, мамочка. Мы с тобой тогда посоветуемся: кого скажешь, того и позову. Как хорошо ты это придумала!

...На другой день после уроков Зина опять пошла к Тамаре. Надо было делать письменную работу по русскому – у Тамары и с русским всё ещё были нелады.

– Подумай, – сказала Зина с улыбкой, как только они усе-

лись за стол, – вчера мой отец вдруг сказал, что в школу придёт! Вот ведь что выдумал – собрался к Симе Агатовой идти.

– Отец? – удивилась Тамара. – Почему отец?

– Ну, ему показалось, что я устаю очень.

– Чудеса! – пожала плечами Тамара. Этот жест она переняла у матери и в точности повторяла его. – Отец – и вдруг вмешивается в школьные дела!

– И вмешивается очень неудачно, – сквозь речь диктора о том, что в колхозе «Звезда» построен механизированный скотный двор, прозвучал голос Антонины Андроновны. – Собственно, ещё неизвестно, кто кому помогает – Зина Тамаре или Тамара Зине. А устаёт именно Зина... Скажите пожалуйста!

Зина промолчала. А Тамара через некоторое время опять возвратилась к этому разговору:

– А почему ему так показалось, что ты устаёшь?

– Ну, он поглядел на меня, говорит: «Сядь-ка со мной. Ну и позеленела ты!» Так ему что-то показалось. Сказал: «Гулять надо». Он уж у нас такой – так за всеми и глядит! Заботливый уж очень!

– Посадил и сказал: «Устаёшь»? И потом сказал: «Гулять надо»?

– Ну да!.. Ну ладно, давай писать скорее, а то он и правда выдумает – в школу пойдёт.

Зина почти до конца дописала работу. А когда подняла голову, чтобы посмотреть, как идёт дело у Тамары, то уви-

дела, что Тамара сидит с высохшим пером, остановившись на полуслове. Зина посмотрела в её глаза, полные какой-то невесёлой думы, и поняла, что мысли Тамары далеки от сочинения.

– Ты о чём задумалась? – окликнула её Зина. – Пиши скорее!

– А почему мой папа никогда со мной не разговаривает? – задумчиво, скорее обращаясь к самой себе, сказала Тамара. – Никогда, никогда!

– А ты с ним не разговариваешь тоже? – удивилась Зина. – Никогда?

– Никогда! – ответила Тамара. Но тут же тряхнула головой, откинула со лба крупные растрепавшиеся завитки и усмехнулась: – Да и не надо. И не о чём нам с ним разговаривать...

Но Зина видела, что и усмехается она притворно и говорит не то, что думает. И на душе у неё не так хорошо, как старается показать.

«А что, если бы и наш папа никогда с нами не разговаривал? – подумала Зина. – Приходил и уходил бы. Как чужой. Ой, нет, нет! – У Зины даже сердце заныло от этой мысли. – Разве так может быть? Нет, так не может быть! Так ни за что не может быть! Папочка наш золотой, дорогой!.. Не разговаривать – ведь это всё равно что его вовсе не было бы!»

А представить себе, как бы они жили, если бы не было её отца, Зина не могла ни на одну минуту. И тёплое чувство

жалости к подруге скрасило и согрело часы их совместных занятий.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вот и наступил этот день, которого с радостным нетерпением ждала Зина: день её рождения. Зина проснулась, но лежала, не открывая глаз. Можно было чуть-чуть подольше понежиться в постели – сегодня воскресенье, в школу не идти. Праздничный запах пирогов уже бродил по квартире, как бы возвещая, что сегодня день особенный и совсем не такой, как все другие дни, полные забот и разных дел. Сегодня только одно дело – праздновать.

Антон уже встал. Он сбегал на кухню. Потом потихоньку подошёл к Зине; приподнявшись на цыпочки, заглянул в её лицо – спит или проснулась? Зина сонно посопела носом. Тогда Антон что-то осторожно сунул ей под подушку и убежал. Зина хотела повернуться, посмотреть, что такое он тут положил, но Антон снова вбежал в спальню. Он подошёл к Изюмке и стал шёпотом будить её:

– Спит и спит. А у Зины день рождения. Изюмка, ты забыла, да?

Изюмка открыла свои круглые тёмные глаза, с минуту смотрела на Антона, ничего не понимая спросонья. И вдруг вспомнила и сразу вскочила, чуть не упав с кровати.

– Тише, тише! – зашипел Антон. – Разбудишь.

Зине очень хотелось рассмеяться, но она только покрепче зажмурила глаза. Изюмка прошлёпала босыми ножонка-

ми по всей комнате, подкралась на цыпочках к Зининой кровати. Тут они с Антоном что-то пошептались, зачем-то вытащили из-под кровати Зинины башмаки. Один башмак вырвался из рук Изюмки и упал, стукнув каблуком. Ребята затаили дыхание, примолкли, прислушались. Зина для их успокоения опять посопела носом. Ребятишки ещё пошелетели немножко и побежали на кухню. И Зина слышала, как они оба кричали маме ещё из коридора:

– Мама, готово! А она всё спит и спит!

– Всё спит? – отозвалась мама. – Ишь ты какая! Надо разбудить её, а то весь свой праздник проспит...

Зина поспешно укрылась с головой одеялом. Мама, Изюмка и Антон вошли в спальню, встали у Зининой постели и запели хором:

С днём рожденья поздравляем,
Шлём привет!
Шлём привет!
Счастья, радости желаем
Много лет!
Много лет!

– И давайте ей пятки щекотать! – закричал Антон.

Тут одеяло взлетело над Зиной, и она со смехом вскочила с постели. Мама держала на блюде большой круглый пирог с вареньем. На пироге, выложенное тестом, красовалось имя Зины.

Зина, счастливая, как весенний скворец, запрыгала и заплясала вокруг мамы. А вместе с ней запрыгали и Антон с Изюмкой.

Мама не очень хорошо чувствовала себя сегодня, с трудом поднялась утром. Это с ней бывало иногда – глухая боль в области сердца отнимала силы. Но она никогда не придавала этому значения: поболит и перестанет. Так бывало всегда: мама полежит на диване, отдохнёт – смотришь, всё и прошло.

И сегодня тоже пройдёт. Зачем думать об этом? И мама, румяная от жара плиты, тихонько смеялась вместе со всеми, скрывая своё нездоровье.

– Ну, я собираю на стол, – сказала она, – а вы одевайтесь... Сейчас отец придёт, будем завтракать.

– А куда папа ушёл? – удивилась Зина.

– Да так, пройтись, – уклончиво ответила мама.

Зина начала одеваться. А младшие ребята таинственно переглядывались и чего-то ждали. Сделав вид, что ничего не знает, Зина приподняла подушку. Там лежал ещё тёплый кренделёк в форме цифры «пять».

– Пятёрка! – Зина всплеснула руками, – Ой, какой подарочек!

– Это я! Это я! – закричал Антон. – Это я тебе подарил!

– Ой, спасибо, Антон! – ответила Зина. – Ох, я люблю пятёрочки!

Антон побежал рассказывать маме, как Зина нашла его

пятёрку. А Изюмка всё ещё ждала и ждала, следила за каждым движением Зины. Зина быстро оделась, натянула чулки и взялась за ботинки. У Изюмки заблестели глаза. Зина сунула ногу в ботинок.

– Что такое? – сделав удивлённое лицо, сказала она. – Не лезет! Ноги, что ли, у меня выросли за ночь?

Она ещё раз попробовала надеть башмак:

– Нет. Не лезет. Вот чудеса! Придётся мне в день рождения в одних чулках ходить!

– Да ты посмотри, что там! – не выдержала Изюмка. – Посмотри-ка!

Зина сунула руку в ботинок и вытащила оттуда что-то завёрнутое в носовой платок. Зина с любопытством развернула платок – там лежало несколько крымских камешков, отшлифованных морем. Зина радостно удивилась:

– Откуда они?

– А это я! – закричала Изюмка, подпрыгивая на одном месте. – Это я подарила!

– Да где же ты взяла это, Изюмка?

– А в детском саду. С одной девочкой поменялась. Я ей маленькую куколку, а она мне камешки.

– Ты, Изюмка, отдала свою маленькую Катеньку? Свою любимую-то?

Изюмка вздохнула:

– Ну что ж... А зато она мне камешки! А зато я тебе подарила!

– Ну, спасибо, Изюмка, спасибо! Я эти камешки буду всегда беречь.

Зина бережно взяла подарки – румяный кренделёк, имеющий такую приятную форму, и три зелёных с пенными узорами камешка, – чтобы спрятать в свой стол. Но когда она открыла ящик стола, то тихонько вскрикнула от новой неожиданности: там лежали сияющие атласные ленты – две синие, две белые, две коричневые.

– А уж это мама!

И она тут же побежала на кухню обнять маму и сказать ей спасибо.

К завтраку явился отец. Он поставил на стол высокую круглую коробку.

Антон и Изюмка со всех сторон оглядели коробку. Там, конечно, торт. Только вот какой?

Когда все уселись за стол, папа открыл коробку. Там действительно был торт, ореховый, с белыми и розовыми розами из крема. И розовым кремом была написана цифра «13». Тринадцать лет сегодня исполнилось Зине!

Отец принёс Зине ещё один подарок, и этот подарок больше всех других обрадовал её. Он неожиданно подал ей чёрную лакированную коробочку. Это были краски. Хорошие акварельные краски, большой набор. И тут же две новые, ещё нетронутые кисточки. Зина чуть не заплакала от счастья – ей так давно хотелось иметь настоящие акварельные краски! До сих пор у неё были только жалкие круглые красочки

на картонке, какие покупают малышам.

После завтрака отец и младшие ребята отправились в дальнейшее путешествие – в Зоопарк. А Зина осталась помогать маме. У них сегодня будет полно гостей – надо как следует принять их.

– Кого же ты позвала? – спросила мама. – Давай посчитаем.

Зина начала считать по пальцам:

– Тамару Белокурову позвала, Машу Репкину, Симу Агатову, Шуру Зыбину...

– А Фатьму?

– И Фатьму. И ещё Сима просила пригласить её брата Костю. И, наверно, Машин братишка придёт...

– Ну ладно, – решила мама, – давай готовить побольше, чтобы всем хватило. Пускай твои подружки как следует по-празднуют!

А подружки уже собирались, спешили к Зине. Маша гладила своё новое сатиновое, с красными цветочками платье. Мать её торопливо пришивала пуговицы к голубой полосатой рубашке: Ваня, младший брат Маши, тоже шёл на день рождения. Он стоял перед зеркалом и приглаживал свои жёлтые вихры, которые топорщились, как сухая солома.

– Ты их примочи, – посоветовала Маша.

Ваня сбегал под кран, примочил вихры, но они топорщились по-прежнему.

– Как дикобраз! – хихикнул младший братишка, Петька. –

В книжке – аккурат такой.

Ваня показал ему кулак, но Петька не испугался: мать дома и Маша дома, ничего ему Ваня не сделает!

Младшая сестрёнка, Галя, тоже хлопотала. Она то подавала Маше ленту для косы, то чистый носовой платок:

– Маша, не забудь!

Ей тоже хотелось пойти с Машей в гости. Она до последней минуты надеялась на это – а может, Маша всё-таки возьмёт и её? Но когда Маша и Ваня, уже совсем одетые, стояли среди комнаты и мать в последний раз посмотрела – всё ли в порядке, – Галя заплакала:

– Ване можно, а мне нет!

– Ну вот ещё! Не хватало, чтобы вы туда всей оравой явились! – прикрикнула мать. – Вон вас сколько!

Но Галя не слушала никого и цеплялась за новое Машино платье. Тогда Маша напомнила:

– Галя, если ты уйдёшь, кто тогда Мурку накормит? Значит, она должна голодная сидеть?

Галя притихла. Кормить Мурку было её обязанностью. Однако Маша медлила уйти – уж очень жаль было Галю. Пробежав глазами по своей полке, где стояли книги и хранились разные нужные вещи – корзинка с яркими нитками для вышиванья, краски, ленты для кос, – Маша вдруг оживилась.

– А я тебе одну вещичку подарю! – сказала она. – Гляди какую! – И достала с полки засохшую дубовую ветку с пожелтевшими твёрдыми жёлудями.

У Гали засветились глаза.

Подошёл и Петька.

– Дай и ему один желудок, – сказала Маша.

Но Петька презрительно отвернулся:

– Очень он мне нужен! Мы сейчас с ребятами на каток пойдём.

– Ну и не бери! – обрадовалась Галя и побежала, забрав жёлуди, в уголок, где лежали её игрушки.

Маша улыбалась, шагая рядом с Ваней по хрустящему заснеженному тротуару. Вспомнился приятный, свежий денёк в лесу, ласковые речи подруг, их обещания... «Выдумали тоже – на ветке обещать! – с улыбкой думала Маша. – Мы и так будем дружить. А ветка тут при чём? Чудаки! Наверно, и Зина и Тамара давно свои выкинули... Ну, пускай хоть Галька позабавится».

И она посмотрела на Ваню, который бережно нёс закутанный в газету цветок герани – их общий подарок Зине.

– Смотри не сломай!

– Ну вот ещё! – возразил Ваня. И покрепче прижал к груди драгоценную герань.

...Тамару Белокурову мать сначала не хотела пускать:

– Ну что там интересного? Что за компания такая? Дворникова дочка, да уборщицы дочка, да вальцовщика дочка... Ах, какое общество завидное! Уж лучше, если хочешь, я возьму тебя с собой к Лидии Константиновне. Она просто ужас, как звала меня сегодня! Она, я знаю, будет очень ра-

да...

– Так же, как ты ей? – спросила Тамара. Антонина Андроновна строго посмотрела на неё.

– Что ты этим хочешь сказать? Я просто не понимаю тебя! – сердито сказала она. – Не хочешь – не ходи!

– Не хочу, – спокойно ответила Тамара. – Будем там сидеть – так «душеньки». А как уйдём – так «наконец-то их черти унесли!» Ведь и ты тоже всегда так говоришь, когда от тебя гости уходят!..

– Перестань, пожалуйста! – оборвала её Антонина Андроновна. – Как ты обращаешься с матерью? Ты должна уважать маму... Ну да как тебя воспитаешь, если ты всё время среди некультурных людей! Разве там услышишь, что маму уважать нужно?..

– Какое мне платье надеть? – не обращая внимания на её слова, спросила Тамара.

– Какое платье? – оживилась мать. – Надень бежевое с вышивкой. Обязательно и ленту другую, коричневую.

Тамара оделась, посмотрелась в большое зеркало – красиво. Очень красиво! Это платье идёт к её рыжеватым волосам, к её розовому лицу. И Тамара вышла из дому очень довольная собой.

Но подумать о подарке для Зины ни ей, ни её матери и в голову не пришло.

Со всех сторон бежали, спешили по морозной улице Зинины гости. Проходили мимо зелёного домика под белыми

от инея старыми тополями, в котором жила Дарима с дочкой.

Фатьма Рахимова тоже была приглашена, но она сидела дома за книгой и никуда не собиралась.

– Конечно, ты можешь идти. Но я бы, например, не пошла, – сказала ей мать, самолюбивая Дарима. – Мне бы не нужны были такие подружки: сегодня дружат, а завтра проходят мимо... Там дочка директора. Там дочка инженера... А дочка дворника зачем?

– А я и не собираюсь, – ответила Фатьма и уткнулась в книгу, подперев голову руками.

Изредка поднимала она глаза и поглядывала в заиндевшее окно. Опять начал опускаться снежок.

– Беда моя! – вздохнула Дарима. – Опять сгребать да возить!..

– Ничего, мама, – сказала Фатьма, – я тебе помогу. А ты знаешь что: спой какую-нибудь старую татарскую песню. А?

– Не спою, – ответила Дарима. – Ты мне книжку не приносишь, почему я буду твои просьбы исполнять? Ты мои не исполняешь.

Фатьма улыбнулась:

– Про цветы книжку? Ну, принесу, мама. Завтра обязательно схожу в библиотеку. Вот увидишь!

– Тогда – ладно!

И Дарима запела негромким голосом какую-то протяжную, монотонную песню. Фатьма не понимала слов, да и сама Дарима наполовину забыла татарские слова. Но эта песня

журчала, как ручеёк весной. Что говорит ручеёк, о чём он рассказывает? Не всё ли равно? От этого нежного напева так же волнуется сердце и неясные мечты зовут неизвестно куда.

Фатьма тихонько подпевала матери. Дарима была довольна, что её обиженная дочка нисколько не скучает дома и забыла о своей негодной подружке, «беленькой, как преник».

Фатьма подпевала матери, а перед глазами её возникала светлая комната, празднично накрытый стол, шумная компания, весёлые голоса, смех... Как позвала её Зина? «Приходи и ты», – сказала она словно между прочим. И даже не спросила, придёт или нет Фатьма. И разве послушалась бы Фатьма свою мать и разве бы сидела она сейчас дома, если бы Зина позвала её иначе? Фатьма напевала вслед за матерью своеобразную мелодию, повторяла странно звучащие слова, а её мысли текли своей чередой – лишь бы никто не узнал, что она приготовила Зине подарок, беленький кружевной воротничок, за которым ездила в большой универмаг...

За столом у Зины все места были заняты. Только место Фатьмы оставалось пустым. Среди смеха и весёлой болтовни, сама радостная и беззаботная, Зина нет-нет, да и поглядит на это пустое место.

– Может, кто-нибудь пока сядет здесь? – спросила Сима Агатова.

Но Зина сказала:

– Нет, нет! Она придёт. Она обязательно придёт!

Бывают удачные празднества, словно само веселье сидит за столом с гостями. Каждая шутка вызывает неудержимый хохот, каждая песенка, пропетая хором, звучит необыкновенно складно... Все кушанья, какие бы ни стояли на столе, кажутся вкусными, а дом, где собрались гости, самым милым и уютным домом в мире.

Так вот было и у Зины в этот день рождения. Сима привела с собой своего старшего брата Костю. Он учился в седьмом, но не воображал себя взрослым, как часто делают мальчишки, встретившись с людьми на год моложе себя. Костя очень занятно показывал фокусы на картах. И ещё он делал фокус со спичкой. Спичку клали ему в носовой платок – он завёртывал её и ломал несколько раз. Потом развёртывал платок, а спичка оказывалась целой! Просто чудеса какие-то делал!

Вместе с Шурой пришла её мать Екатерина Егоровна – жена директора завода.

– Стрешневы, принимайте гостей, – весело заявила она ещё с порога, – и званых и незваных!

– Милости прошу к нашему шалашу! – живо ответил отец и поспешил помочь ей снять пальто. – Вот хорошо, что собрались к нам!

– Очень мы вам рады! – сердечно поздоровалась с ней Зинина мама. – Тесновато у нас сегодня... Ну, да вы не осудите!

– А что осуждать? – ответила Екатерина Егоровна. – Эх, дружок мой, Нина Васильевна, да разве я-то весь век в от-

дельной квартире живу? Тоже всего бывало – и в общежитии жили, и в каморке жили, а гостей принимали!

Отец, мать и Екатерина Егоровна усадились вместе, в сторонке от ребят. Тамара поглядывала в их сторону, прислушиваясь к разговору, недоумевала...

– Это директорша? – тихонько спросила она у Зины. – Правда?

– А что? – удивилась Зина. – Конечно, директорша. Это же Екатерина Егоровна! Она часто к маме приходит.

– Ну... – Тамара сделала гримасу, – Она же совсем простая...

Зина удивилась ещё больше:

– Как – простая? А какая же она должна быть?

– Ну... И говорит как-то просто. И одета просто. Моя мама ни за что в таком платье в гости не пошла бы!

– А моя пошла бы, – с лёгким вызовом ответила Зина. – И Екатерина Егоровна очень хорошая. Она и в будни иногда приходит к маме.

– К твоей маме?

Зина немножко обиделась:

– А разве к моей маме приходиться нельзя? Они вместе на курсы кройки и шитья ходят. И потом, они в родительском совете при заводском детском саде.

– А почему же она к моей маме... – начала было Тамара.

– А потому, что твоя мама ничего не делает, – прервала Зина, – вот и сидит одна. – И тут же, испугавшись, что оби-

дела подругу, Зина ласково обняла её за плечи: – Тamarочка, запой что-нибудь!.. Товарищи, у Тамары очень хороший голос – пусть она споёт!

Неприятный разговор рассеялся, как тучка. Тамара запела «Чибиса», все дружно подхватили – и праздник пошёл дальше своей шумной и радостной дорогой.

Маме всё ещё нездоровилось – глухая боль засела где-то в левом боку и не уходила. Но разве она хоть полсловом обмолвилась бы кому-нибудь об этом? Попробуй обмолвись – тут и забеспокоятся все и праздник испортят!

Мама часто выходила на кухню – то отнести тарелки, то подать ещё что-нибудь на стол. К чаю у неё готовился огромный крендель; он ещё дышал, пыхтел и покрывался румяным загаром в жаркой духовке.

Мама открыла дверцу, посмотрела – готов крендель! Она вытащила его, положила на блюдо. Тёплый сдобный запах наполнил кухню. Мама пошла в комнату посмотреть, можно ли подавать крендель или ещё рано. В комнате стоял гомон. Ребята – и большие и маленькие – встали в круг, держась за руки. Костя стоял, согнувшись на один бок, – с этой стороны у него была Изюмка; по кругу ходила Зина. И все, даже отец и Екатерина Егоровна, изо всех сил пели: «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай!»

Мама стояла в дверях, глядела на детей добрыми, потускневшими от боли глазами.

«За что же я такая счастливая? – думала она. – Чем же я

это заслужила? Такая у меня золотая семья и милые все мои со мной! Только бы вот не болело так сильно... Ну да ничего. Проводим гостей, отдохну – и вся боль кончится. Разве это в первый раз? С такими болями люди до ста лет живут».

И вдруг неясное, но тяжкое предчувствие охватило её. Будто вот сейчас всё радостное кончится, погибнет, и она, мать, не в силах будет защитить свою горячо любимую семью от какой-то неведомой, грозящей им беды.

Холодок прошёл у неё по плечам, и глаза на мгновение заволокло туманом.

Она провела рукой по влажному лбу.

«Откуда это? Что такое на меня нашло? Вот ещё глупость какая-то! Вечно я сама себе придумываю! Просто мне нездоровится... Да и, наверно, крепко нездоровится. Лечь бы мне сейчас...»

В это время ребята допели песню, хоровод распался, и все разбежались по своим местам.

– Подаю крендель! – стараясь казаться весёлой, проговорила мама и внесла большое блюдо с кренделем.

– Ну и крендель! – закричал Антон и захлопал в ладоши.

А за ним и все ребята захлопали, и Екатерина Егоровна, и отец...

Зина тоже хлопала в ладоши, смеялась вместе со всеми неизвестно чему – просто так, просто потому, что ей было хорошо, весело, радостно и вся жизнь впереди казалась светлой, весёлой и радостной. И всем было весело: и отцу, и Ан-

тону, и Изюмке...

И никто не знал, что грозная беда уже стоит у них на пороге и ждёт той зловещей минуты, которая скажет ей: «Можно. Войди».

БЕДА ВОШЛА В ДОМ

Фатъма так и не пришла на праздник. Зина, глубоко обиженная, сидела на уроке поджав губы.

«Даже не спросила, – думала Фатъма. – Наверно, и не заметила, что меня не было!..» И тоже не заговаривала с Зиной.

И обе они, каждая про себя, решили: «После каникул надо сесть на другую парту».

День прошёл как всегда, с той лишь разницей, что было много разговоров в классе о вчерашнем празднике. Девочки спрашивали, какие подарки получила Зина. Зина рассказывала. Отцов подарок – краски – она принесла в школу и показала девочкам. Девочки любовались ими, немножко завидовали – ах, какие краски! Яркие, чистые. Если, например, покрасишь небо голубой краской, то уж небо будет по-настоящему голубое, а сделаешь красный флаг, так уж флаг будет действительно красный!

Только Фатъма молчала – разве Зине есть дело до её мнения?

И не удивилась такому прекрасному подарку Тамара.

– У меня такие краски ещё в первом классе были, – сказала она. – Что же в них особенного?

– У меня, между прочим, тоже были, – насмешливо ответила ей Сима Агатова, – но в наших руках эти краски, ко-

нечно, ничего особенного. А вот в Зининых руках это будет особенное! Нам с тобой хоть в золотой коробке дай – мы всё равно ничего не сумеем.

Тамара пожала плечами:

– Подумаешь!

После уроков Зина и Тамара вышли вместе. Немножко заметало. Крыши домов на фоне тёмно-серых туч казались особенно белыми.

– Значит, после обеда придёшь? – спросила Тамара.

– Конечно, приду, – ответила Зина, задумчиво глядя вдоль улицы.

Она глядела на серые и зелёные заборы, убранные белой кромкой снега, на белые ветки деревьев... Вот кто-то зажёт свет, окно засветилось – жёлтое пятно среди белых, серых и синевато-серых тонов. Приятно сжалось сердце – Зина сейчас придёт и нарисует всё это, обязательно, обязательно нарисует! И назовёт картину «Вечерняя улица» или «Сумерки на окраине»...

– Ну, смотри приходи, – прервала Зинины мысли Тамара.

Её голос ворвался в мир неясных и сладких ощущений и причинил Зине почти физическую боль. Хотелось сказать: «Да отойди ты от меня, пожалуйста, оставь меня одну!» Но Зина сдержалась, только крепче сжала губы.

– Ведь завтра – контрольная, – продолжала Тамара. – Смотри, а то ещё срежусь!

– Я приду, – сказала Зина и поспешила войти в калитку

своего двора.

Она шагала через две ступеньки; сейчас поскорее пообедает, немножко порисует, а потом сходит к Тамаре – и вечером, когда некуда будет спешить, порисует как следует. Ах, хорошо жить!

Но только она открыла дверь квартиры, как улыбка сбегала с её лица. В квартире было уж что-то очень тихо, пахло лекарствами...

Антон, который открыл ей дверь, глядел на Зину глазами, полными тревоги.

– Тише... – сказал он, – мама заболела.

Зина сбросила пальто и почти вбежала в комнату. Мама лежала на диване, какая-то вся ослабевшая, неподвижная, с мокрым полотенцем на груди. Зина присела на край дивана:

– Мамочка, ты что?

На Зину глянули большие серые, почти незнакомые глаза. Зина не видела никогда такого взгляда у мамы, не то сурового, не то испуганного.

«Ведь она и утром еле встала сегодня, – мелькнуло в голове Зины. – Ей вдруг захотелось полежать...»

– Мамочка, что с тобой?

Мама слабо улыбнулась:

– Ну вот, уж и всполошилась. Заболела немножко, да и всё. Все люди болеют, а мне нельзя?

– Может, пойти позвонить папе?

– Что ты, что ты! – Мама почти рассердилась. – Разве мож-

но? Ты ведь знаешь, какая у него работа, – разве можно его тревожить! И ничего ему не говорите – слышите, ребята? Ну, поболит, да и пройдёт... Вот ты, Зина, лучше намочи-ка мне полотенце.

Зина быстро сбегала на кухню, намочила полотенце холодной водой.

– Вот и всё. Вот и хорошо, – улыбнулась мама. – Полежу – и пройдёт.

– Мама, а ты лекарство какое-нибудь пила?

– Конечно, пила. Вот валерьянки с ландышем выпила. – И, взглянув на Антона, который, как испуганный зайчонок, стоял рядом с Зиной, мама опять улыбнулась: – Ну что испугались, дурачки? Ступайте пообедайте да делайте уроки. А я вот полежу и пойду в детский сад за Изюмкой.

Зина пошла в кухню разогревать обед. Жизнь сразу померкла, будто тяжёлая туча заслонила солнышко. В кухню вышла соседка, крановщица тётя Груша.

– Что, шибко мать-то захворала? – спросила она озабоченно.

– Говорит – ничего, – ответила Зина. – Хочет встать.

– Доктора бы надо... Она ещё вчера всё за бок-то хваталась – я видела.

Зина собрала на стол. Присмиривший Антон молча принялся за суп.

– Мама, давай вызову врача? – предложила Зина.

– Никаких врачей! – отмахнулась мать. – Что это из-за

пустяков людей тревожить? Мало ли какие тяжелобольные есть, а то ко мне врача! Чуть нездоровится – уж и врача! Вот ещё ландышевых выпью на ночь – и всё пройдёт. Я и без врачей знаю – не в первый раз. Пустяки всё это.

Зина нехотя съела котлету. Убрала со стола, вымыла посуду.

– Мама, сменить компресс?

– Смени. А я сейчас полежу и пойду за Изюмкой.

Но когда подошёл час идти за Изюмкой, мама встала, прошлась по комнате и снова легла. Зина с тревогой вскочила из-за стола:

– Я сама схожу, мама! Лежи, пожалуйста!

Зина привела Изюмку из детского сада. Изюмка подбежала к матери:

– У тебя головка болит?

– Сейчас болит. А скоро пройдёт, – улыбнулась ей мама.

Изюмка тотчас успокоилась и начала весело рассказывать, что сегодня у них в детском саду был кукольный театр, что там медвежата подрались и разорвали калошу и ещё потом гусёнок потерялся, а Настенька его всё искала...

От Изюмкиной болтовни повеселел и Антон. Он тоже видел этого гусёнка – они ещё осенью всем классом ходили в кукольный театр.

Зина решала задачи, но украдкой то и дело поглядывала на маму. Мама лежала всё такая же неподвижная, будто смертельно усталая.

«Ну, может, всё-таки ничего? – думала Зина. – Может, скоро пройдёт? Вот полежит побольше...»

– Скоро папа придёт? – вдруг после долгого молчания спросила мать.

– Скоро, – ответила Зина. – Можно поставить суп разогревать?

– Поставь, поставь... А я сейчас встану.

Мать поднялась, сняла с груди мокрое полотенце, пригладила волосы.

– Только смотрите отцу ничего не говорите! – приказала она ребятам. – Нечего его зря расстраивать.

В прихожей раздался звонок.

– Ну вот и он идёт. Зина, помалкивай!

И, преодолевая слабость, она стала доставать из буфета хлеб и тарелки.

Отец, как всегда, сначала снял свою пахнущую дымом и гарью спецовку, потом долго мылся под краном. С обычными своими вопросами: как дела? как уроки? какие отметки? что нового у Изюмки? – отец сел за стол, усталый и проголодавшийся.

– Что-то сегодня у нас Зина за старшего? – пошутил он, когда Зина подала на стол горячую кастрюлю.

Мать, чувствуя, что в глазах слегка темнеет, постаралась улыбнуться:

– Да вот, заленилась... Барыней посидеть хочу...

– Здорово! – усмехнулся отец. – Ребята, слышите? Мать-

то у нас барыней захотела быть! Да сумеешь ли? Вот жена нашего инженера Белокурова, говорят, вправду барыня. То подай, это прими, а сама от безделья замучилась! И откуда в наше время берутся такие люди?..

Мать слушала его улыбаясь. Слова доносились до неё откуда-то издалека, сквозь шум и звон в ушах. С трудом уловив смысл его речи, она ответила:

– Может, у богатых родителей росла... Избаловали немножко... То в школе училась... то в институте училась... Работать... человеку не пришлось...

– Где она там училась! – прервал отец. – Семилетку закончить духу не хватило. И кабы правда из учёных, а то ведь из нашего же брата: диспетчером работала. Люди-то ведь знают, помнят её!.. Дай мне соль, пожалуйста.

Мать протянула руку, чтобы подвинуть ему соль. Но рука её беспомощно упала, и, слабо застонав сквозь стиснутые зубы, мать схватилась за грудь и склонилась головой на стол.

Отец, сразу побелевший, вскочил и подбежал к ней:

– Что с тобой? Что с тобой?

– Мама! Мама! – закричала Изюмка.

Антон заплакал в голос. Зина, уронив учебник, выскочила из-за стола.

Отец перенёс маму на диван, подложил ей подушку под голову. Мама подняла на него глаза, и по этому беспомощному взгляду он понял, как тяжело она больна.

– Да ты совсем больная! – сдерживаясь, чтобы не кричать,

сурово сказал он. – И молчишь! Эх ты, «барыня»! И как же тебе не стыдно!

Отец подозвал Зину:

– Зина, положи компресс. Не отходи от мамы. Я сейчас сбегая, позвоню доктору.

Врач пришёл тотчас – заводская больница была недалеко. Детей отослали в спальню.

Зина обняла Антона и Изюмку, прижала их к себе, уговаривая молчать. Из комнаты слышны были негромкие голоса отца и доктора.

– Сердечный приступ, – внятно сказал доктор, – в больницу немедленно. Сейчас пришлю машину. И что же вы так медлили? Ведь она уже давно больна! Не давайте ей ни встать, ни двигаться – ни в коем случае! Слышите? – обратился он к отцу.

– Да, да. Слышу, слышу, – торопливо и как-то растерянно сказал отец.

Доктор ушёл. Отец запер за ним дверь. Потом позвал детей.

– Идите сюда, – сказал он (и Зина не узнала ни его лица, ни его голоса), – побудем все вместе с матерью. Её сейчас увезут.

Зина со страхом поглядела на отца:

– Что, папа? Разве надо в больницу?

Антон, услышав, что мать увезут, заревел, не умея плакать тихо. А Изюмка, не слушая ничьих уговоров, бросилась к

матери на грудь, обняла её и, заглядывая в лицо, закричала:
– Мама, мама, открой глазки! Я больше никогда не буду баловаться! Мама, открой глазки!..

И, словно услышав откуда-то, из неведомой дали, голос ребёнка, зовущего её, мать медленно открыла глаза. В глубине тусклых зрачков постепенно загоралось сознание. Она переводила взгляд с одного лица на другое, подолгу задерживаясь на каждом из них, будто хотела унести с собой отражение их в своих глазах в ту неведомую тьму, куда отходила навеки.

Под окном прогудела машина. Пришла «скорая помощь».

– Зина... жалею маленьких... – сказала мама, прощаясь с детьми, – береги отца... береги отца...

Это были её последние слова.

Под громкий плач детей её на носилках унесли из комнаты. Отец уехал вместе с нею в больницу.

Ночью она потеряла сознание и к утру умерла от паралича сердца. Наступил день. Отец вернулся к своей семье один, оглушённый горем, немой, почерневший, как дерево, в которое ударила молния.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Старшая вожатая Ирина Леонидовна работала в школе первый год. Она старалась держаться независимо, но это ей трудно удавалось – уж слишком недавно она сама была ученицей, и привычка слушаться учителя, вставать, когда он входит, поднимать руку, когда хочется что-нибудь спросить, – эта привычка очень мешала Ирине Леонидовне занять своё место. «Надо придумать что-нибудь очень интересное, – думала Ирина Леонидовна, – такое, что захватило бы всю школу. Ну, поездка за город... Ну, спектакль на Новый год... Однако всё это уже бывало и раньше. А что внесу в школу я – я, комсомолка, старшая вожатая?»

Хотелось придумать что-то новое, своё, такое, что дышало бы сегодняшним днём.

Вот подробное сообщение в газетах о сентябрьском Пленуме Центрального Комитета нашей партии. Ирина Леонидовна не прошла мимо этого события – в школе были собрания, читки, консультации. Ирина Леонидовна собирала вожатых, рассказывала им о значении этого пленума для сельского хозяйства нашей страны, а вожатые рассказывали своим отрядам...

«И всё это – обычная, заурядная форма! – мучительно сознавалась себе Ирина Леонидовна. – Рассказ, доклад...»

И вдруг явилась новая мысль. Оживлённая этой мыслью,

сна, словно на крыльях, влетела по лестнице на второй этаж.

В учительской сидела Елена Петровна, просматривая свои записки, приготовленные к уроку.

– Елена Петровна, простите!

Учительница подняла на неё глаза.

«Чистенькая, свеженькая, как плотичка! – подумала Елена Петровна. – Совсем девочка. И волосы-то по-взрослому ещё не умеет причёсывать...»

– А что, если сделать в школе выставку о передовиках сельского хозяйства? – начала Ирина Леонидовна. – Собрать их портреты и всякие картинки. Обо всём подробно написать. Под каждым портретом, под каждой картинкой поместить какой-нибудь интересный очерк, как они работают... Ну что ж, ведь должны наши ребята знать людей, которые для нас хлеб выращивают!

– Не только знать, но и любить, – вставила Елена Петровна.

– Ну вот, например, Малинина Прасковья Андреевна. Молодец ведь женщина – такое хозяйство подняла! Вот и поместить её портрет, показать молочную ферму, коров, телят... Есть же снимки! И написать всё, что она для своего колхоза сделала... И так про каждого... Правда?

– По-моему, очень хорошо. – Елена Петровна одобрительно посмотрела на вожатую. – Очень интересно и очень нужно. Надо, чтобы и городские дети научились любить деревню – не как дачу, не как место отдыха, а как поприще огромного

и великолепного труда, где – как знать? – может быть, многим из них придётся работать.

– Значит, хорошо? – обрадовалась Ирина Леонидовна и чуть не захлопала в ладоши.

– Хорошо, – твёрдо ответила Елена Петровна. – А я сегодня хотела сама прийти к вам поговорить, только по другому делу... – продолжала она.

И вожатая увидела, что лицо учительницы потемнело и между бровями появилась неожиданная для молодого лба глубокая морщинка.

Ирина Леонидовна встревожилась: неужели у неё опять где-нибудь промах?

Но Елена Петровна думала совсем о другом.

– У нас в шестом классе беда...

– Что такое?

– У одной девочки – Зины Стрешневой... умерла мать.

Елена Петровна умолкла, отошла к окну и стала глядеть на сквозистый узор голых берёзовых веток, качавшихся за окном. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел её расстроенное лицо.

Наступило молчание. В учительскую торопливо вошла учительница немецкого языка, маленькая, кудрявая, с большим портфелем, и сейчас же занялась своими делами. Вошла Вера Ивановна. Её зоркие холодные глаза тотчас обратились на Елену Петровну и Ирину Леонидовну:

– В чём дело, товарищи?

Она глядела то на одну, то на другую, в глазах её можно было прочесть: «Что, поссорились? Это не годится. Мы все служим одному делу. И если вы ссоритесь – значит, вы обе неправы!»

Елена Петровна овладела собой.

– У Зины Стрешневой умерла мать, – сказала она.

– Умерла мать? – Вера Ивановна на мгновение задумалась. – А отец есть?

– Отец есть.

– Ну что ж... Значит, не так страшно, – определила она: – дети будут и сыты и одеты. Каждый день на свете кто-нибудь умирает – и бывает, что остаются сироты, которым некуда идти.

– Почему же некуда? – возразила Елена Петровна (и вожатая услышала в её голосе жёсткую и даже враждебную ноту). – У нас есть детские дома.

– Правильно! – ничуть не смутясь, подхватила Вера Ивановна. – Конечно, в нашем государстве нет сирот!

Елена Петровна нахмурилась и не ответила. В её тёмных глазах появилось выражение боли.

– Мне сходить туда? – тихо спросила Ирина Леонидовна.

– Я сегодня была у них, – сказала Елена Петровна, собирая свои записки: в коридоре уже настойчиво звенел звонок. – Они и сыты и одеты, – она бросила горячий, злой взгляд в сторону Веры Ивановны, – но там столько горя, что...

Елена Петровна махнула рукой и пошла быстро к двери. И уже у двери обернулась к Ирине Леонидовне:

– Сходите. Туда нужно ходить.

– Я схожу, – кивнула головой вожатая. – А сейчас побываю в шестом классе.

– Хорошо. Пойдёмте вместе.

Шестой класс уже знал, что случилось у Зины Стрешневой. Эта весть прошла, как ледяной ветер, и холод его проник до самого сердца. «Мама умерла! Мама... Мама...»

Сегодня Зина Стрешнева не пришла в школу, она хоронила мать. Фатьма сидела одна на парте с опухшими от слёз глазами – она обо всём узнала ещё вчера. У многих девочек навернулись слёзы, когда Елена Петровна сказала, почему сегодня нет Зины. А Сима Агатова, которая только что подшучивала над добродушной Шурой Зыбиной, услышав и поняв, о чём говорит Елена Петровна, вдруг изменилась в лице и горько заплакала, припав головой к парте.

– Девочки, там остались маленькие дети... – сказала Елена Петровна. – А главное – смотрите не покидайте Зину в таком горе...

– Но разве мы оставим её! – всхлипывая, сказала Сима. – Ой, что случилось, что случилось! Ой, почему так сразу?

– Главное – поддержать её сейчас с уроками, ей будет трудно... – Маша Репкина говорила, как всегда, твёрдо и веско; светлые брови её сдвинулись к самой переносице, и губы чуть-чуть задрожали. – Зине сейчас будет очень труд-

но... И ребята ещё маленькие. Изюмку в детский сад водить надо. Очень много дел...

– Девочки! – встала Тамара, и звонкий её голос заставил всех обернуться к ней. – Это наш долг. Мы должны каждый день ходить к Зине, помогать ей, заниматься с нею. И если изменим дружбе – мы недостойны носить пионерские галстуки. – Тамара взяла конец своего пионерского галстука, приподняла его и торжественно заявила: – И если я окажусь плохим другом, снимите с меня его!

– Я знала, что именно так – горячо, искренне – отнесётесь вы к горю вашей подруги... Дети мои дорогие...

У Елены Петровны прервался голос, и она быстро вышла из класса.

Ирина Леонидовна тоже осталась довольна шестым классом. Девочки дружные, так горячо откликнулись на горе своей подруги. Особенно понравилась Ирине Леонидовне Тамара Белокурова. Какое благородство души! Пионерка с большой буквы! «Обязательно надо дать Тамаре какое-нибудь настоящее поручение, – решила Ирина Леонидовна, – привлечь в актив. Такая девочка может многих повести за собой. Это мне помощница, я вижу».

– Надо бы устроить что-то вроде дежурства, – предложила она, – а то, я боюсь, сегодня у Зины будет много помощников, а завтра никого...

– Я буду следить, – сказала Маша Репкина, – я же староста!..

ФАТЬМА

А жизнь шла. Так же, как шла она вчера и как будет идти завтра. Так же в сером мареве раннего зимнего утра запевал свою песню заводской гудок и будил отца. Так же приходили учителя в класс, объясняли предмет и задавали уроки на дом. Так же по вечерам зажигались на улице большие белые фонари, и школьники, смеясь и толкаясь, спешили на каток...

Зине казалось, что она уже больше никогда не будет смеяться. Она ходила в каком-то мрачном отчаянии и недоумении. Мамы нет. Как это может быть? Случилось что-то непостижимое, то, что казалось совершенно неотъемлемым в её жизни, вдруг исчезло, ушло. А почему же стоят дома на улице и не исчезают? Почему растут деревья? Почему не разверзается земля под ногами? Всё это существовало до Зины, оно казалось вечным. Мать тоже существовала до неё. Мать – это каменная стена, на которую обопрёшься, если падаешь, это кровля над головой, если тебе грозит буря... И вот её нет. Её, родной, такой необходимой им всем, нет нигде, на всём белом свете! И никогда не будет. И когда доходило до сознания то, что матери с ними не будет, Зина снова начинала безутешно плакать, и казалось, что слёз этих не выплакать, они не кончатся!.. Как им жить без мамы? Как им теперь жить?..

Но жизнь идёт. И жить надо.

Вечер после похорон прошёл неизвестно как. Утром соседка тётя Груша приготовила им обед. Зина отвела Изюмку в детский сад. Антону сказала, чтобы он мылся обязательно так, как велела мама, чтобы поел чего-нибудь и не опоздал в школу. Сама она, оставшись в пустой, неубранной квартире, села на свою незастеленную кровать и прислонилась лбом к её холодной спинке. Надо идти в школу. Надо убрать квартиру. Надо что-то делать – то, что делала всегда. И ещё что-то делать – то, что делала мама... Но Зина сидела неподвижно, ощущая лбом холодок металлической перекладины и не двигаясь с места. И не хотела двинуться. Какое-то тяжёлое безразличие охватило её. Зима сейчас, лето – не всё ли равно? Идти в школу, а зачем? Сердце лежало в груди тяжёлым камнем и болело. Вот и всё, что ощущала Зина в этот безысходный час.

Кто-то быстрым, лёгким шагом вошёл в комнату и остановился в дверях спальни. Зина не подняла головы: не всё ли равно кто?

– Зина! – окликнул её мягкий, давно знакомый голос. Он донёсся до неё словно откуда-то издалека, из тех светлых дней, которые остались по ту сторону чёрной грани, так резко разделившей её жизнь. Зина обернулась. В дверях стояла Фатьма со школьной сумкой в руках.

– Зина, Зиночка! – Фатьма подошла к ней и, отбросив сумку, крепко обняла её. – Ну, Зина!

Зина прижалась лицом к её плечу. Обе заплакали.

– Не уходи, – сказала Зина.

– Я не уйду! – горячо сказала Фатьма, – Я никогда от тебя не уйду! Что ты! Даже и говорить об этом не надо. Но только, знаешь, Зина, ты одевайся поскорее, и пойдём в школу.

– Я не выучила ничего, – безучастно сказала Зина.

– Ничего, что не выучила! Тебя сегодня не спросят. А потом вместе выучим.

Зина покачала головой:

– Я и завтра не выучу. Я теперь как-то ничего не могу...

Она медленно огляделась вокруг. Вдруг с новой силой защемило сердце: Зина увидела на маленьком столике белый мамин воротничок. Этот воротничок был на ней в день рождения Зины.

– Ой, мама, мама! – Зина с плачем упала лицом в подушку. – Ой, что ты наделала...

Фатьма снова принялась терпеливо утешать её.

– Подумай, – сквозь рыдания еле проговорила Зина, – она устраивала мне праздник, а сама была уже больная... И всё скрывала... чтобы нас не тревожить!.. Ой, мамочка, что ты сделала!

Кто-то позвонил. Фатьма побежала открыть. В квартиру вошла Екатерина Егоровна. Её пухлое лицо было в красных пятнах от слёз, но держалась она бодро и немножко строго.

– Как, девочки? Что у вас? – спросила она, оглядывая необузданную и словно потемневшую квартиру.

Зина поднялась навстречу. Екатерина Егоровна погладила её влажные, нерасчесанные волосы.

– Почему вы обе не в школе?

– Я вот не знаю, – нерешительно сказала Фатьма, – как нам... мы опоздали уже...

– Ничего, ничего, – не допускающим возражения тоном ответила Екатерина Егоровна. – Сейчас же умываться, приводить себя в порядок и идти в школу. Без горя, дети, жизнь не проживёшь. Надо уметь стойко принимать беду. Так или иначе, а дело своё делать надо. Видишь, отец-то небось не лежит и не плачет, а стоит у своего станка, тянет проволоку, А разве ему легче? Эх, дети!.. Тяжко! – Екатерина Егоровна грузно опустилась на стул и закрыла лицо рукой. Но тут же, овладев собой, стукнула ладонью по столу: – Хватит! Иди умывайся, Зина. А ты, девочка, золотая подружка, помоги ей собрать книги. Опоздали уже – ну ничего. Сегодня вам простится.

Зина взяла полотенце и пошла умываться...

Вернувшись из школы, Зина увидела, что комнаты чисто прибраны. Правда, прибраны чужой рукой – подушки на диване положены не так, как они всегда лежали. Коврик постлан у двери, а не около дивана. Посуда поставлена не на ту полку... Зина быстро переставила посуду, переложила подушки и постлала коврик к дивану. Так было при маме, и пусть так будет всегда. Но всё-таки спасибо Екатерине Егоровне. Это, конечно, она убрала квартиру.

На столе Зина нашла записку: «Зина, в кухне за окном мясо. Свари суп». Это соседка тётя Груша ходила утром за мясом и Зине взяла, не забыла.

Зина прошла в кухню, остановилась у своего столика. Кастрюли, горшочки стояли на полке чистые, пустые, холодные, словно давным-давно не были в руках проворной и весёлой хозяйки.

В кухню вошла другая соседка, старушка Анна Кузьминична.

– Ну что ж стоишь смотришь? – сказала она Зине. – Берись-ка за дело. Теперь уж давай управляйся за хозяйку, тётя Груша не будет тебе каждый день обед варить. Умеешь картошку-то чистить?

– Умею, – тихо ответила Зина.

– Вот и хорошо! А теперь поставь мясо варить, потом картошку положишь. Не велика мудрость. Чего не сумеешь – нужда научит. Да ведь и некогда особенно горевать-то. Антон из школы сейчас придёт, Изюмка из сада, отец с работы – все есть запросят. А кто же их накормит? Ты должна. Ты – старшая.

Зина, смахивая снова появившиеся слёзы, принялась готовить обед.

– А слёзы-то в суп не роняй, – заметив это, сказала Анна Кузьминична. – Слёзы-то у тебя сейчас уж очень горькие да солёные. Эхе-хе! – вздохнув, добавила она. – Ни за что погибла бабочка. А давно-давно она припадала – я-то видела.

Да лечиться до смерти не любила. Всё ей, вишь, некогда было, а теперь вот как: сразу со всеми делами управилась...

Вскоре пришёл Антон. Он посмотрел на Зину круглыми голубыми глазами и неуверенно спросил:

– Зина, а чего поесть?

– Возьми хлебушка пока, – ответила Зина и отвернулась, чтобы опять не расплакаться. – Придут папа с Изюмкой – обедать будем. Только вот и за хлебом ещё надо сходить... И суп посмотреть надо. Ты, Антон, сумеешь суп посмотреть?

– А я что буду делать? – Фатьма неслышно вошла в кухню. – Хочешь, я за хлебом схожу?

– Фатьма! – сказала Зина. – Он, как хорошо, когда ты здесь! Ну ладно, сама выбирай: или суп вари, или за хлебом иди.

Не успела Фатьма выйти, раздался звонок. Зина подумала, что вернулась Фатьма. Но это пришли Маша Репкина и Сима Агатова.

– Входите, девочки! – Зина без улыбки кивнула головой.

Девочки вошли молча, неслышно ступая, словно боясь оскорбить шумом то большое горе, которое поселилось здесь.

Поговорили обо всём. Об уроках, о делах, о сельскохозяйственной выставке, которая затевается в школе. Правда, говорила Маша, а Сима только старалась как-нибудь выразить Зине свою ласку и участие. То она подняла ей упавшую ленту, то сбегала на кухню за водой и полила цветы. Спросила

у Антона, как его дела, посмотрела его тетрадки и дневник, похвалила за хорошие отметки...

А Маша серьёзно объясняла Зине:

– Ты пропустила... ну в тот день... а нам новые правила объясняли. Мы обещали Елене Петровне, что объясним тебе, чтобы ты не отстала. С кем ты хочешь заниматься? С Тамарой, наверно?

– С Тамарой? – вмешалась Сима. – Ну уж нет! Тамара сама только и смотрит, чтобы ей кто помог. А кстати, почему её нет? Она уже была у тебя сегодня, Зина?

Зина покачала головой: нет, Тамара у неё не была.

– Не была?! – Сима приподняла брови. – Как – не была? Почему?

Зина не знала почему.

– Ну, в общем, – сказала Маша, – Зина её тянула изо всех сил, а теперь Тамара должна ей помогать.

– Я буду с Фатьмой заниматься, – возразила Зина. – Мы рядом живём...

Маша внимательно поглядела на неё:

– Она... будет приходить к тебе?

– Она уже пришла. Ещё с утра... – И, услышав, что хлопнула входная дверь, добавила: – Она и сейчас здесь.

В комнату заглянула Фатьма:

– А, девочки! Вы пришли – как хорошо!.. А я принесла хлеба.

– И Фатьма здесь, а Тамары нету... Как же так? – Сима

никак не могла понять этого. – Зина, а ведь я думала – она с тобой больше всех дружна!

– Я тоже думала... – тихо ответила Зина.

Вечером Зина, стараясь всё делать так, как делала мама, уложила спать младших ребят. Антон, притихший и какой-то сразу оробевший, тут же послушался Зину и улёгся. Но с Изюмкой пришлось помучиться. Она капризничала, звала маму и никак не хотела ложиться.

– Когда мама придёт, тогда лягу.

– Мама не придёт, Изюмка, ложись, – уговаривала её Зина.

– Нет, придёт!

– Ну, может быть, завтра придёт. А сегодня давай я тебя уложу. Мама велела, чтобы я...

– А она почему...

– Она ушла, Изюмка. Но ты же её слушаешься, раз она велела?

В спальню вошёл отец, хотел помочь Зине, но она замахала на него рукой, и он вышел.

Изюмка плакала, и Зина плакала вместе с ней. Не плакал только Антон; он лежал молча и всё думал о чём-то, пока не уснул.

Зина дождалась, когда уснула Изюмка, и, совсем измученная, вышла из спальни. На столе стоял остывший недопитый чай. Зина тихонько прошла в кухню. Отец стоял возле кухонного стола и мыл тарелки. Выходило это у него очень неук-

люже – вода плескалась и на стол, и на пол, и на брюки.

– Папочка, ну что это ты! – Зина слабо улыбнулась. – Я сама вымою, ты же не умеешь. Смотри, облился весь.

Зина решительно отобрала у него полотенце и оттеснила от стола. Отец смущённо посмотрел на свои подмоченные обшлага.

– Значит, по-твоему, я это не умею? Гм... – Он вытер руки и присел около Зины на табуретку. – Вот как круто нам пришлось! – вздохнул отец. – Всем нам: и мне, и тебе, и им. – Он кивнул в сторону спальни. – Но жить на свете надо.

– Все так говорят, – прошептала Зина.

– И правильно говорят, дочка. Но вот дело-то в чём... Труднее всего приходится тебе. Я – при своей работе. Ребятишки – при своих делах. А у тебя, кроме твоих дел, ещё и материнские заботы...

– Я справлюсь, папа.

– Всерьёз так думаешь?

– Да. – Зина подняла на него глаза. – Девочки мне помогать будут. У меня знаешь какие подруги!

– Я тоже тебе буду помогать. Буду на рынок ходить. Только ты мне говори, дочка, когда что купить надо. Делай заказы, так сказать...

– Хорошо, папочка. – И, серьёзно посмотрев ему в глаза, Зина сказала: – Только ты, смотри, там, на работе, ни о чём не думай. Ни о чём не беспокойся. Ладно?

– Ладно, – согласился отец. – Вот только трудно тебе будет

с ребятами. Ну, уж ты наберись терпения как-нибудь... Что же поделаешь? Уж очень рано у них матери не стало...

– У меня тоже рано, – прошептала Зина.

И, уходя спать, сказала:

– Если проспю, ты, папа, смотри разбуди меня. Я теперь вместе с тобой буду вставать.

– Придётся так... – со вздохом ответил отец.

У ТАМАРЫ ОТ УСПЕХОВ КРУЖИТСЯ ГОЛОВА

Елена Петровна, как делала это часто, на перемене подозвала Зину:

– Девочки не забывают тебя?

– Вчера были Шура Зыбина и Аня Веткина, – ответила Зина. – И потом Фатьма. Фатьма каждый день ходит, мы вместе занимаемся.

– И Тамара, верно, ходит каждый день? – Елена Петровна взглянула на Белокурову, которая в это время проходила мимо.

Но та тотчас отвела глаза.

– Нет, – опустив голову, сказала Зина. – Тамара ещё не была. У неё как-то всё не получается... Не успевает.

– За полторы недели не была ни разу? – удивилась Елена Петровна. – Тамара, подойди сюда.

– У меня мама болела, – не глядя на учительницу, ответила Тамара.

– А бабушка ещё не больна? – Елена Петровна, иронически улыбнувшись, отвернулась от Тамары.

«Дубовые ветки кончились, – подумала она, – так и надо было ожидать. Хорошо, что я не вмешалась тогда в это дело, всё пустяки!»

Зина задумчиво глядела на Тамару. Услышав её всегдашний довод «у меня мама болела», Зина почувствовала, что краснеет от стыда за подругу и от своего унижения. Если бы Тамара сказала что-нибудь другое – не успела из-за уроков, или прокаталась на катке, или что угодно, – только пусть бы это было правдой. Но Зина знала, что Тамара говорит неправду. Значит, она не приходила потому, что ей не хотелось прийти. За десять дней – ни разу! А какие говорились слова!

Оглянувшись на девочек, которые уже стояли около них полукругом, Тамара почувствовала, что сделала ошибку и что её объяснению никто не поверил.

– Да я сегодня пойду... – поспешно сказала она, – я уже говорила. Только вот... Зина, а что там у тебя надо делать?

– Ну как – что? – вмешалась Сима Агатова. – Что придётся. Мало ли дел по хозяйству... Можно посуду помыть. Картошку почистить... Только имей в виду: пирогами там тебя угощать не будут!

– Очень хорошо! – пожала плечами Тамара. – Сделаю уроки и приду. Разве я отказываюсь? И не насмешничай.

– И я приду, – отозвалась Шура Зыбина.

– Но ты же вчера была, – сказала Маша Репкина.

– Ну и что же? А раз мне хочется! – возразила Шура. – И мама мне говорит, чтобы почаще к Зине ходила... Зина, можно?

Зина признательно поглядела на неё:

– Конечно! Что ты, Шура, ещё спрашиваешь!

Елена Петровна, успокоенная, отпустила девочек. «Молодцы девчонки, – подумала она, – крепко подхватили подругу, не оставляют в беде!.. Только вот Тамара... Эта, видно, из тех, кто друзья лишь до чёрного дня. Она к Зине придёт, конечно, но... кому нужно участие по принуждению?»

В этот день Тамару вызвали к доске. Иван Прокофьевич продиктовал задачу и взглянул на Тамару поверх очков:

– Вы поняли задачу?

В классе наступила насторожённая тишина. Тамара немножко подумала, вглядываясь в белые цифры. Что-то знакомое есть в условии этой задачи... Тамара быстро оглянулась и вопросительно поглядела на Зину. Зина подбадривающе кивнула головой. Да, это одна из тех задач, которые они решали с Зиной и в которых Зина помогала ей разобраться.

– Поняла, – спокойно ответила Тамара.

– Пожалуйста, решайте.

Иван Прокофьевич, протерев свои большие очки, раскрыл журнал и ни разу не оглянулся на Тамару. Он никогда не подсказывал и не помогал ученицам, делая вид, что ему совершенно безразлично – решит человек задачу или не решит. Случалось, что какая-нибудь девочка вдруг беспомощно остановится среди задачи и глядит на него, не зная, что делать. Тогда Иван Прокофьевич говорит сухо и вежливо:

– Привыкайте работать самостоятельно. Вы учитесь для

себя, а не для меня. А если не желаете серьёзно заниматься – сделайте одолжение. Не мне оставаться на второй год, а вам.

Тамара уже знала это и не надеялась на его помощь. Но у неё была хорошая память.

«Вот такую задачу мы решали с Зиной. Я хотела начать так... а Зина сказала – нет. Надо вот с этого. Ага! – чуть не крикнула Тамара. – Да, правильно. Знаю уже!..»

И она, бойко стуча мелом по доске, решила задачу. Иван Прокофьевич окинул доску взглядом:

– Можете садиться.

Зина, улыбаясь Тамаре, ждала её взгляда.

Но Тамара прошла на своё место, не заметив её улыбки. Она села, спокойно и ясно окинув глазами класс, и в этом спокойствии был вызов: «Ну что? Плохая я ученица? Попробуйте вы так!»

Зина опустила голову. Она поймала себя на том, что ждала благодарности. Как это нехорошо – помочь в чем-нибудь человеку, а потом ожидать от него благодарности. Будто плату требовать!

Это так. Но сама-то Зина разве могла бы забыть чью-нибудь услугу? И разве сейчас не полно её сердце благодарности ко всем, кто сказал ей в эти трудные дни хоть одно ласковое слово! А Тамара будто и не помнит, что, если бы не Зина, ей бы сегодня ни за что не решить этой задачи. А ведь она-то помнит же!

Когда окончился последний урок, Тамара подошла к Зине

и громко, чтобы слышали окружающие, сказала:

– Ну, значит, я к тебе приду сегодня!

И пошла, не заметив, что Зина глядит на неё каким-то странным, пустым взглядом и ничего не отвечает ей.

Тамара уже вышла из ворот, когда её окликнула Сима Агатовна:

– Белокурова, погоди, разговор есть!

Разговор оказался интересным. Ирина Леонидовна на бюро совета отряда предложила поручить Тамаре ответственное дело.

У Тамары сверкнули глаза: какое? Только если опять собирать заметки для стенгазеты или марлевые юбочки шить для спектакля, то она не будет. Если это действительно ответственное, тогда она посмотрит.

– Это насчёт выставки, – объяснила Сима. – Ирина Леонидовна хочет, чтобы ты была ответственным организатором нашего класса.

– А почему это я должна за всех вас отвечать?

– Да не отвечать! – рассердилась Сима. – Ты организуешь всех девочек, чтобы каждая принесла рисунок, картинку или фото и каждая что-нибудь написала. Она говорит, что ты это сумеешь, тебя девочки послушаются. Ну? Возьмёшься? Или, как всегда, возьмёшься, а потом сдрейфишь?

– А что это ты вечно задираешься?

– Характер такой! – Сима насмешливо взглянула на неё косым взглядом и повторила уже всерьёз: – Ну, возьмёшься?

Или в коленочках слаба?

– Возьмусь! – с вызовом ответила Тамара. – И сделаю не хуже тебя.

– Ну и делай! А провалишь – взгреем. И так с тобой, как с конфеткой, всё время носимся.

И Сима, забыв проститься, побежала на ту сторону, хотя могла бы дойти с Тамарой до угла.

«Противная какая! – поморщилась Тамара. – Вот вообразила!»

Остался неприятный осадок. Но при мысли, что Ирина Леонидовна так отличила её – выбрала из всего класса! – этот осадок улетучился. Просто Сима завидует, вот и задирается.

– Мама! – закричала Тамара, едва войдя в прихожую. – Мама, у тебя есть какие-нибудь журналы?

– Какие журналы? – Мать вышла из кухни, где наблюдала, как Ирина готовит обед. – «Огонёк», что ли?

– И «Огонёк», и всякие другие! Дай мне, мама, сейчас же!

– Но пообедать же надо! Какая ты... экстеричная! – Чувствуя, что произнесла что-то не совсем вразумительное, Антонина Андроновна покосилась на кухонную дверь. – Что такое тебе понадобилось?

– Надо, и всё! Давай скорее!

Тамара разделась, бросила на диван сумку с книгами и пошла в мамину спальню за журналами. Она забрала всё: «Огоньки», какие нашлись, и «Крокодил», и «Работницу».

– Не растеряй «Работницу»! – крикнула ей вслед Антонина Андроновна. – Там рецепты всякие, вышивки!

Тамара взяла ножницы и принялась перелистывать журналы. Она высматривала всё, что касалось сельского хозяйства, – и перед ней раскрылись сады, полные розовых яблок, стада коров на зелёных полях, скотные дворы с автопоилками и подвесными путями, какие-то неведомые и сложные машины, идущие по бескрайним полям...

Сады с яблоками и стадо коров Тамара немедленно вырезала и отложила в сторонку. Но когда стала разглядывать машины, сеялки и тракторы, то почувствовала, что к ней начинает подбираться скука.

«Ну что тут интересного? Какой-то трактор. К нему ещё что-то прицеплено... И как-то это всё работает. Тут написано, можно прочесть. Ну, а толку что? Всё равно не понять ничего!»

Тамара отодвинула журналы, стряхнула обрезки на пол и сказала:

– Мама, давай обедать. Есть до смерти хочется!

За обедом Тамара подробно рассказала матери о том, как её отличила старшая вожатая – одну из всего шестого класса! – и теперь она, Тамара, отвечает за весь класс. Вот какое серьёзное поручение ей дали! А то что там – в редколлегии! Или ещё какие-то пустяки ей поручали... Конечно, она их не выполняла, потому что неинтересно с пустяками возиться. Но вот теперь – они увидят! Особенно Сима Агатова. Ещё

неизвестно, что будет. А может, придёт время, и отряд единоголосно скажет: «Не хотим Симу Агатову. Пусть председателем совета отряда будет Тамара Белокурова!»

– А что – не могу?

– Почему же нет, – уверенно ответила Антонина Андроновна. – Отлично можешь! Естественно!

– И знаешь – ой, чуть не забыла! – Тамара, увлечённая своими успехами, говорила громко, будто мать сидела не рядом с ней, за столом, а в соседней комнате. – Меня сегодня к доске вызывали, и я сразу решила задачу. Сразу! Даже и не задумалась.

– Ну вот. А все говорили, что тебе Зина помогает!.. Какая отметка?

– Пять, конечно!

Мать улыбнулась:

– Отлично! А что ты так на меня поглядываешь?

– А разве я поглядываю?

– Да вижу, вижу. Всё понимаю. Подарок за мной.

Обе рассмеялись.

– Мама, пёстрые варежки и шарфик, ладно? – сказала Тамара, заглядывая матери в глаза. – А то больше ни одной пятёрки тебе не будет!

После обеда Тамара опять взялась за журналы.

– Ты бы погуляла, – посоветовала мать. – Отдохни да за уроки.

– Когда ещё гулять! Столько дел всяких... Мама, у тебя

больше нет журналов?

– Нет.

– А книг?

– Книги есть, но они без картинок.

– Ну вот! А мне нужны именно картинки.

Антонине Андроновне пришла счастливая мысль:

– У отца на столе что-то сельскохозяйственное... Какие-то косилки-молотилки. Он ведь у нас немножко тронулся сейчас этими косилками... Но ты посмотри – может, что подойдёт. – И, не то вздохнув, не то зевнув, сказала голосом, в котором уже слышалась сладкая дремота: – Я полежу. Опять что-то с сердцем нехорошо. И под ложечкой...

Тамара тотчас отправилась в кабинет отца. У него на столе действительно лежали журналы: «Новости техники», «Московский колхозник», «Сельское хозяйство» – целая груда. Тамара сбегала за ножницами.

На минутку её смутила мысль: ведь журналы-то из библиотеки.

«Ничего, – решила Тамара, – я же кое-где... Никто и не заметит».

И Тамара с увлечением принялась вырезать цветные иллюстрации из журналов – то в одном месте выхватывала, то в другом, чтобы не очень заметно было.

«Вот будет выставка! Вот так выставка будет! – думала она. – Посмотрим, чей класс лучше сделает!»

Тамара набрала картинок, сложила журналы, как лежали.

И вдруг вспомнила: «К Зине!..»

Медленно, с погасшим настроением она вошла в свою комнату. Надо ведь идти к Зине, чего-то там помогать ей, мыть посуду... Нахмурилась, она перебирала картинки – весёлые какие картинки, с зеленью, с солнцем, с цветами и яблочками! – и почти физически ощущала тоску оттого, что ей сейчас надо идти к Зине и мыть посуду. Помучившись так минут пять, Тамара вдруг нашла выход.

«Что важнее: пионерское поручение или Зинина посуда? – сказала она сама себе. – Какой же тут вопрос! Какое же тут сравнение! Мне дали поручение, и я должна его выполнять. Вот и всё! И, пожалуйста, отстаньте от меня все!.. – Тамара мысленно отмахнулась от упрёков девочек, зная, что без этого не обойдётся. – Буду делать своё дело, вот и всё!»

Сразу стало весело, легко, свободно. Мысль, что она выполняет пионерское поручение и что пионерское поручение важнее всего, защищала её от неприятных чувств, похожих на упрёки совести. Если бы она из-за своего личного дела не пошла, тогда другое дело!

И Тамара снова вытащила картинки из конверта, с удовольствием начала раскладывать их на столе. Антонина Андроновна, свежая, румяная, приятно отдохнувшая после обеда, вошла к ней в комнату, задернула тяжёлые шторы, зажгла свет:

– Занимаешься?

– Да. – Тамара озабоченно наморщила лоб. – Не знаю, как

мне успеть... Ещё уроки эти... Завтра история, а я ничего не учила. А тут ещё к Стрешневой идти...

– Ну уж нет, – вмешалась Антонина Андроновна решительно, – теперь ты пойдёшь гулять! Никакой истории, никакой Стрешневой!

Тамара не возражала. Ей и самой уже хотелось на свежий воздух.

– Может быть, на каток?

– Пожалуй!

Тамара оделась, захватила коньки и вышла на улицу.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Шёл снег. Тротуары уже покрылись свежей белизной. Следы прохожих чётко печатались на этой мягкой белизне, но тут же снова теряли свои очертания, застилаемые новыми снежинками.

«Э! Какой уж каток, – подумала Тамара, – всё занесло! Вот досада! Может, к Зине всё-таки пойти, раз уж катка всё равно нет?»

Она повернулась и медленно пошла по той улице, где жила Зина.

«Да, а уроки? – Тамара опять остановилась. – Весь вечер там пробуду, а уроки учить когда?»

Тамара повернула обратно. Отвечать историю Зина за неё не будет!

Она уже почти дошла до своей калитки и снова остановилась: «Историю учить... А почему я не могу историю вместе с Зиной учить? И гораздо лучше запомнится».

Тамара пришла в отличное настроение и, размахивая коньками в такт своему шагу, отправилась к Зине. Вот как хорошо она придумала – и Зина будет довольна, что Тамара навестила её, и Тамара выполнит обещание. А кроме того, и урок выучит.

Зина ждала Тамару с той минуты, как пришла из школы. Они с Антоном пообедали побыстрее, убрали со стола, вы-

мыли посуду. Теперь Антон аккуратно относил посуду в буфет, не прыгал с чашками в руках. Он словно повзрослел за эти несколько дней и всерьёз старался помогать Зине. Зина посуше вытерла клеёнку, постелила скатерть – сейчас придёт Тамара, и они сядут за уроки. Но Тамары не было, и Зина пока что принялась штопать Антону чулки.

В хозяйстве было столько мелких, но необходимых дел! То у ребят пуговиц не хватает – надо пришить, то чулки проносились – надо заштопать, то у Изюмки все платья загнулись – надо постирать... А там надо бельё снести в прачечную, сходить за ним. И пол надо вымыть в субботу.

А уроки! Обед!.. Ни одной минуты терять нельзя!

Каждый день кто-нибудь из девочек приходил к Зине – не по одной, а по двое, по трое. Каждая старалась что-нибудь сделать – зачинить ребячью рубашонку, прибрать... И плохо ли, хорошо ли, хозяйство у Стрешневых держалось. Но вот сегодня Зина неожиданно осталась одна.

– Сегодня снегу навалило, – сказала Фатьма, – надо маме помочь снег с улицы свозить.

– Ступай, Фатьма, ступай, – ответила Зина. – Конечно, надо помочь. А ведь ко мне сегодня Тамара придёт!

Тамара не приходила. Зина и Антон сели за уроки. Они сидели за круглым столом друг против друга. Всё как будто было такое же, как и раньше, – и стол, и скатерть на столе, и лампа над ними, как большой жёлтый цветок. Но не сидела рядом с ними мама, не согревала их своим добрым, заботли-

вым взглядом и улыбкой... И скатерть, которая у мамы будто и не пачкалась никогда, нынче была вся в пятнах, и жёлтый абажур не светился так тепло и весело. Чувствовали дети, что их квартира стала какой-то будничной, словно повернули её окнами на север и солнышко перестало освещать её. Зина изо всех сил старалась держать всё в квартире так, как было при маме, но у неё не хватало ни сил, ни умения, ни времени...

Прошло больше часа. Антон сделал свои уроки и дал Зине проверить. Он ждал, навалившись на стол и подпершись локтями, что она скажет.

– Ну что? Много насажал ошибок?

– Нет, не много. А две всё-таки посадил.

– Где это?

– А вот написал «снех». Разве «снег» так пишется? И ещё – «чевер». Что за «чевер»?

– Какой «чевер»?

– Не знаю. У тебя надо спросить.

Антон глядел в тетрадку, почёсывая затылок.

«Вихры отрастил, – заметила Зина, – остричь его надо...»

– А! – Антон обрадовался. – Это не «чевер», а «вечер»! Это никакая не ошибка, просто я буквы не туда поставил.

Исправив ошибки, он поднял на Зину свои круглые голубые глаза и спросил негромко:

– А сегодня, значит, твои подруги не придут?

– Почему это не придут? – возразила Зина. – Тамара при-

дёт. Ты, Антон, сделал уроки, так иди погуляй.

– Я не пойду гулять, – заупрямился Антон, – там снег.

– Ну и что ж, что снег? Можно в снежки играть, горку строить. А ты забыл, что мама всегда гулять велела?

Антон молчал.

– Ну скажи, – настаивала Зина: – мама велела или не велела?

– Велела, – пробурчал Антон и начал сползать со стула.

– Надо бы мне с тобой в парикмахерскую сходить... – сказала Зина, провожая его глазами, – но как же уйти? Сейчас Тамара придёт...

Антон ушёл. Зина принялась за историю. Но, повторяя урок, она прислушивалась, поглядывала на часы, ждала...

«Как же так? – Зина задумалась над раскрытой книгой. Ей вспомнился осенний лес, дубовая ветка, руки подруг, соединившиеся для вечной дружбы. – Как же так? На всю жизнь... Помогать в беде... Ну, вот она – беда. А Тамара?..»

У Зины сжались губы и брови нахмурились. Приходилось признать, что всё это было пустое – пустые слова, пустые обещания. Умеет Тамара произносить складные фразы, ну и произносит... А она-то, Зина, поверила!

«А может, она не могла прийти сегодня? – Зине очень хотелось оправдать и как-нибудь выгородить Тамару перед собой. Но тут же сама себе возразила с горечью: – Сегодня не могла, и вчера, и столько дней не могла. А Фатьма пришла сразу – почему же она могла?.. Помогать... А мне и не нуж-

но помогать. Я всё сама сделаю. Но побыть-то со мной, побыть-то со мной! Ведь мне одной нельзя – я умру, если буду одна!.. Мамочка!.. Мамочка, помоги мне как-нибудь! У меня очень сердце болит...»

Заводской гудок, далёкий, протяжный, пропел свою песню. Зина вытерла глаза и пошла разогревать отцу обед.

Отец и Изюмка (отец теперь прямо с работы заходил за ней в детский сад) явились все в снегу.

– Дед Мороз и Снегурочка, – улыбнулась Зина и принялась раздевать Изюмку.

Изюмка смеялась, глядя на отца:

– У, какой, даже на бровях снег!

А отец ещё с порога спросил:

– Как дела?

Он теперь всегда так: не успеет войти и уже спрашивает, всё ли благополучно дома, а сам тревожно, какими-то странно большими глазами, оглядывает детей, словно боится, что опять какая-нибудь беда забрела в его семью.

– Всё в порядке, папа, – поспешила ответить Зина. – Обедать садись.

Но отец, прежде чем сесть за стол, выложил перед Зиной покупки:

– Вот мясо – купил по дороге, вот масло – взял в заводском буфете, вот колбаса – там же взял...

– Папка, какой ты становишься хозяйственный! – сказала Зина и, очень довольная, отнесла свёртки на холод.

– Учусь помаленьку, – ответил отец. – Скоро буду совсем догадливый. Завтра утречком, до работы, за картошкой схожу. Картошки-то, наверно, нужно?

– Нужно, нужно! – подтвердила Зина. – И моркови захвати. И хорошо бы свёклы...

– Ой, дочка, я такие сложные задачи решать не могу, – запротестовал отец. – Ты напиши мне на бумажке.

– Хорошо, папочка, – улыбнулась Зина, – я всё тебе напишу.

После обеда отец уселся на диван. Изюмка взобралась к нему на колени. Антон сосредоточенно строгал лучинку: ему нужна была ось для тележки, которую он мастерил.

– Антон, иди-ка и ты сюда, – позвал отец. – Ты что-то невесёлый... Не заболел ли?

– Я не заболел, – ответил Антон, – я занятой...

– Ох ты, «занятой»! – засмеялся отец. – Такой занятой, что и вихры причесать некогда. Вот мы с тобой в субботу вместе стричься пойдём.

Зина почувствовала себя виноватой.

– Я хотела с ним сходить сегодня, да не успела, – поспешно сказала она. – Завтра – обязательно!

– Ничего, ничего, – ответил отец. – До субботы и так доживёт.

– Я доживу, – подтвердил Антон.

И, забрав свои лучинки, катушки и коробки, тоже отправился к отцу на диван.

Зина спросила:

– Папа, ты не очень устал? Если не очень, посиди с ними. А я к Фатьме схожу. Они с тётей Даримой снег сгребают, я им помогу. Очень много снегу сегодня...

– Ступай, дочка, – ответил отец. – Какой же разговор! Конечно, помочь нужно.

— Эге, лошадки не подкованы! — смеялась Дарима.

Зина, застёгивая на ходу пальто, бежала через двор. В воротах кто-то загородил ей дорогу:

– Стой! Куда?

– Тамара... – Зина на мгновение растерялась: что же, возвращаться? Сидеть с ней, разговаривать... Нет!

– Ну, вот видишь, я и пришла! – весело улыбнулась Тамара. – Видишь, даже каток из-за тебя отложила!

Зина не ответила на её улыбку.

– А ты и ступай на каток, – сухо сказала она.

– Но я же к тебе! – удивилась Тамара.

– Ко мне? Ну, а меня дома нет! – И Зина, поджав губы, прошла мимо Тамары.

До позднего вечера Дарима убирала с улицы снег, а Фатьма и Зина помогали ей. Дарима большой лопатой сгребала снег в кучи, очищая тротуар. А Фатьма и Зина, впрягшись в салазки, на которых стояла большая корзина, возили этот снег во двор.

– Поменьше накладывайте! Эге! – кричала им Дарима. – Зачем тяжело таскать? Не надо!

– Нам не тяжело! – отвечали девочки и проворно оттащивали салазки.

Они тащили салазки в самую глубину двора, под старые тополя, и тут, остановившись, опрокидывали корзину, вываливая снег. А порожняком мчались уже во всю прыть, скользили на тротуаре, а иногда и падали.

Девочки смеялись, и Дарима смеялась ещё больше, чем

они:

– Эге, лошадки не подкованы! Зачем не подкованы? Хозяин у вас плохой!

И только лишь когда закончили работу и отвезли салазки в сарай, Зина рассказала Фатьме про Тамару.

– Так и сказала: «Меня дома нет»? – Фатьма хлопнула большими дворницкими рукавицами: – Вот здорово! Теперь она обиделась, наверно. И не помирится с тобой.

– А мне и не надо, – ответила Зина.

Зина и Фатьма тихо шли, взявшись за руки. Они устали, им было жарко от работы; пальтишки их распахнулись, шапочки сдвинулись на затылок.

Свет фонаря лежал белым сверкающим квадратом в синеве снежного двора. Окна домов светились жёлтым и розовым светом, а одно, крайнее, было голубое, будто там поселилась луна...

И в первый раз за всё это тяжёлое время Зину потянуло к краскам, к кисти, к бумаге...

– Хочется рисовать, – тихо сказала Зина. И чувство, похожее на смутную радость, возникло на минуту в её сердце.

Но она шла домой, а в доме у них было тяжело, мрачно, у них всё ещё жила беда, жила и не уходила. И радость эта тут же погасла.

Неизвестно какими путями всё это поняла Фатьма.

– Приходи к нам почаще, Зина, – сказала она, – и ребяткишек приводи. Моя мама вот как рада будет! И краски захва-

тьвай. Посидишь, порисуешь – у нас стол большой и лампа светлая. Ты будешь рисовать, а мы – смотреть. Я тоже люблю смотреть, когда ты рисуешь. Приходи, а?

Зина кивнула головой:

– Ладно. – И задумчиво, с оттенком грусти, сказала: – Тамара-то всё просто так говорила – и про ветку, и про дружбу, и про всё... Всё просто так! А я тогда, в лесу, поверила, думала – правда. Но... как случилось с мамой – гляжу, а ей всё равно. Знаешь, тут я сразу поняла, что она не настоящий друг!

– А я это уже давно поняла, – еле слышно ответила Фатьма.

НОВЫЙ ГОД СТОИТ У ВОРОТ

В школе готовились к Новому году. В шестом классе девочки были очень заняты – клеили из разноцветной бумаги ёлочные игрушки, пёстрые цепи из разноцветных бумажных колечек, золотые и серебряные корзиночки, разные фонарики и всё, что только могли придумать... Нанизывали на длинные нитки кусочки ваты, чтобы потом подвесить их к потолку, – эти пушистые белые клочки будут изображать падающий снег. Шили к спектаклю платья из белой и голубой марли в пышных оборках и сборочках, украшали их серебряными звёздами – это костюмы для «снежинок», которые будут танцевать вокруг деда Мороза.

Как и предвидела Зина, Тамара Белокурова отказалась изображать «снежинку».

– Соне Поливановой почему-то главную роль, а мне – снежинку, – сказала она. – Снежинку кто хочешь сыграет – кружись, да и всё... Лучше я совсем не буду играть!

– Ну и ладно, – решили девочки, – пусть тогда выставку делает. Как бы ещё не раздумала да не бросила бы всё...

Но Тамара не собиралась бросать своё дело. Она с увлечением собирала картинки, требовала, чтобы девочки отыскивали иллюстрации и фотографии по сельскому хозяйству. Материала у неё накопилась уже целая большая папка. И Тамара в свободные от уроков и от катка минуты просматри-

вала и перебирала свои материалы с торжествующей улыбкой: «Вот посмотрим, чья выставка будет лучше! Ага! Посмотрим! Ну, может, в других классах тоже найдут такие же картинки – из «Огонька» и «Пионера»... Но вот из таких журналов, которые у папы... Ну уж нет! Дудочки! Скоро все будут около меня кружиться... Не будете говорить, что «меня дома нет».

В последние дни задушевной подругой Тамары стала Шура Зыбина. Шура была добродушное существо, она дружила со всеми. Она всегда была чисто умыта, чисто одета, хорошо причёсана. Все в классе любили её за приветливый характер, за отзывчивость. Шура хорошо училась, и, если кто-нибудь из девочек просил помочь, Шура охотно помогала. Никто не видел её ни сердитой, ни печальной. Она не плакала над грустной книгой, и, если случалось что-нибудь очень смешное и в классе стоял громкий хохот, Шура только улыбалась тихонько.

Наблюдая её, Елена Петровна иногда думала:

«Кто она? Или очень добрый и спокойный человек, выросший в хорошей, доброй семье, или она просто равнодушное существо, ещё не понимающее настоящих привязанностей, не знающее огорчений?»

Тамаре, с её тревожной и сумрачной душой, сейчас была нужна именно такая подруга. А Зина... Тамара никак не могла забыть встречу с Зиной на вечерней улице: «Ты ко мне?.. А меня дома нет!»

Эта фраза оскорбляла Тамару каждый раз снова и снова, как только приходила на память. Подумайте! Тамара, как лучший друг, идёт навестить Зину, даже на каток не пошла... А она – вон как!

– А ты чего хлюпаешь-то? – утешала Тамару мать. – Нашла о ком тужить – о Зине Стрешневой, вальцовщицковой дочке! Ну уж дорогое знакомство, нечего сказать!

Антонина Андроновна присела к столу рядом с Тамарой:

– А я тебе скажу вот что: ты уже большая, и я могу тебе это сказать.

У Тамары глаза заблестели от любопытства.

– Всё это пустяки. Самое главное – помни одно, что ты дочь главного инженера!

– А в пионерском отряде... – начала было Тамара.

Но мать прервала её:

– Пионерский отряд – дело одно, а жизнь – дело другое. Не будь похожа на своего отца. Посмотри на него – кто его друзья? Вальцовщики, крановщики, прокатчики... И всё потому, видишь ли, что он сам когда-то слесарем был и что, видишь ли, они в своё время помогли ему высшее образование получить, как-то там поддерживали его... Видите ли, он не хочет от массы отрываться. Да мало ли что было когда-то? Надо всё это забыть теперь. Ведь он же главный инженер – и вот весь свой престиж с этими рабочими теряет. И ни к какой культуре у него стремления нет!

– Престиж, а не предстиж, – машинально поправила Та-

мара.

Она опустила ресницы, взгляд её заволокло дымкой. Тотчас возникли огромный цех завода, чёрные от гари фермы, уносящие куда-то вверх невидимый потолок, бешеный вой пламени и горячие отблески мартеновских печей... А по цеху мимо воющих печей идёт её отец, уверенный, строгий, прямой, и рядом с ним сталевары в прокопчённых спецовках, с очками на кепках, измазанные сажей, весёлые, дружелюбные люди... Тамара снова услышала их почтительные голоса, слова, полные уважения, обращённые к её отцу...

– Кто бывает у нас? – продолжала мать. – Инженер Машин с Марьей Борисовной, но он же подчинённый отца, и я знаю, почему он бывает: просто хочет подслужиться... Ну и ещё кое-кто. А директор завода когда-нибудь у нас был? А жена его, Екатерина Егоровна, когда-нибудь у нас была? Нет. И не пойдут они никогда. А почему? Потому что я их приглашу, а отец сейчас же какого-нибудь вальцовщика позовёт. А разве директор захочет за одним столом с вальцовщиком сидеть?

– Екатерина Егоровна у Зины Стрешневой на дне рождения была... – задумчиво сказала Тамара.

Антонина Андроновна откинулась на спинку дивана:

– Что? У Стрешневых?

– Да. – Тамара кивнула головой, всё так же задумчиво глядя куда-то в угол комнаты. – И теперь приходит... И Шура к ним приходит тоже.

– Шура? Директорова дочка? А! Ну, видишь вот! Зина

твоя знает, с кем дружить. А через дочку и родители заводят знакомство. А ты вот не умеешь. Почему к тебе Шура не приходит? Ты приведи её. Придёт Шура – придёт и Екатерина Егоровна!

Тамара поглядела матери в глаза и отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала она, – Екатерина Егоровна не придёт.

– Почему?

– Не знаю почему... – Тамара встряхнула кудрями, словно отгоняя какие-то трудные мысли. – А вот знаю, что не придёт – и всё.

Антонина Андроновна рассердилась:

– А вот об этом не тебе судить! Вот и видно, что не понимаешь ничего. Другая бы уже давно пригласила к себе Шуручку, подружилась бы...

– Пожалуйста! – Тамара пожала плечами. – Шура завтра же будет здесь.

– А, хитрюга! – Антонина Андроновна погрозила ей пальцем. – Ты, я вижу, кое-что соображаешь! Есть надежда, что ты будешь во всём похожа на меня – и правильно! Научишься жить на свете как следует. От жизни надо всё самому брать, а милостей не дожидаться, так и Мичурин говорил...

– Мичурин не так говорил, – прервала Тамара. – Мичурин говорил, что нам нельзя ждать милостей от природы...

– Ах, это неважно! – отмахнулась Антонина Андроновна и с горячностью продолжала: – Вот кто такая я была? Про-

стой диспетчер. Жила бедно, в какой-то комнатухе. А теперь? Отдельная квартира, ковры, машина, домашняя работница... И всего этого я добилась. Ну? Есть чему поучиться или нет?

Тамара глядела на неё странным взглядом и не отвечала.

– Мама, а ты счастлива? – спросила вдруг Тамара.

Антонина Андроновна растерянно уставилась на Тамару:

– Что?.. Что?..

– Ну, вот ты скажи, – настаивала Тамара, – вот ты всего добилась: квартиры, ковров, машины... А ты счастлива?

– Вот ещё! Да все мои знакомые от зависти...

– Ну, знакомые – ладно. Пускай. А ты счастлива? Только, чур, правду!

Лицо Антонины Андроновны как-то обмякло, затуманилось. Она обвела глазами комнату, словно ища поддержки у всех этих ковров и хрустальных ваз...

– Чудная ты! – Антонина Андроновна недоумевающе улыбнулась. – А чего же ещё-то надо?

– А о чём же ты плачешь? Думаешь, я не знаю? Плачешь потихоньку. Вот и сегодня плакала. Глаза красные...

Антонина Андроновна опустила ресницы, брови у неё задрожали, и на лбу появились мягкие морщинки. Но она тут же справилась с собой:

– Нервы у меня. Вот иногда и поплачу. – Она не то усмехнулась, не то всхлипнула. – Посидишь вот так-то с утра до ночи одна... да с ночи до утра... ну и заскучаешь. А вам-то

с отцом разве до этого дело есть?

Она сердито выхватила из кармана платок и вытерла глаза. Тамара глядела на неё странным, что-то угадывающим взглядом и не отвечала.

– Ну, я не очень-то и нуждаюсь в вашем с отцом внимании. У вас свои дела, у меня свои.

Она отвернулась, рассеянно посмотрела в окно и, помолчав, добавила:

– Только ты смотри не болтай повсюду насчёт... ну, диспетчера-то. Незачем это... И вообще – что это за разговор с матерью завела?

Тамара, ничего не ответив, встала и молча ушла в свою комнату. Она уселась за письменный стол, разложила учебники, ко долго сидела, запустив руки в растрепавшиеся густые кудри, глядела мимо задачника и думала.

«...Одна с утра до ночи... И с ночи до утра, а вам с отцом разве до этого дело есть?» Очень горько прозвучали эти слова матери. «Но почему же она одна?.. Потому, что ничего не делает, как сказала Зина?»

Наверно, поэтому. Вот она, Тамара, учится – так у неё подруги по школе. Отец работает – так у него друзья на заводе. Но разве так же не могла бы и мать завести себе друзей?

А где же она их возьмёт? Ей ведь хочется, чтобы друзья у неё были инженеры и их жёны. Вот ей хочется, чтобы к ней жена директора приходила. А почему бы и нет? К Стрешневому приходила же...

Хорошо. Тамара поможет матери. Екатерина Егоровна и к ним придёт тоже. Тамара поможет, если отцу ни до чего нет дела.

Отец! Тамара помрачнела. Ей вдруг стало ясно: не к ней, а к отцу обращена вся горечь упреков матери. Мать не жалуется, не бранится. Но это из-за отца она так одинока, это его не видит она «с утра до ночи и с ночи до утра». Это он виноват, что оставил мать устраивать и улаживать жизнь в одиночестве. А она не умеет, у неё ничего не получается. Отец-то знает, что счастье не в квартире и не в коврах... Ведь нет счастья в их богатом доме, нет его! Но почему же отец никак не поможет матери устроить их жизнь так, чтобы им всем было счастливо и хорошо?

Может, он их просто не любит?..

На другой день Тамара попросила Шуру Зыбину прийти позаниматься с ней.

– Зина к тебе не ходит больше? – спросила Шура.

– Нет, – холодно ответила Тамара.

– Да, правда, когда же ей ходить! – вздохнула Шура. – Дома у неё работы пропасть. Надо теперь тебе к ней ходить.

Тамара нахмурилась:

– Да, знаешь... я тебе правду скажу: мне с ней заниматься не очень легко. Она как-то плохо запоминает... И вообще...

– А ты тогда хорошо отвечала, – напомнила Шура, – когда с Зиной занималась.

Тамара покраснела, но Шура не заметила этого.

– Ну, тогда ведь Зине легко было, – продолжала она, – а теперь ей надо помогать. Я-то, по правде говоря, собиралась сегодня к ней, но раз ты просишь...

– Ой, да! Я это новое правило никак понять не могу.

– Ну ладно. Я пойду к тебе. А к Зине Фатьма пойдёт. И потом, хотела пойти к ней Поля Розеткина, и ещё Лида Лимонова хотела. Ладно. Приду.

Антонина Андроновна, как только услышала, что к Тамаре пришла Шура Зыбина, сейчас же, будто лебедь, выплыла из спальни, где она постоянно от чего-то отдыхала.

– Раздевайся, деточка, раздевайся! – заторопилась Антонина Андроновна. – Вот сюда повесь... Тамара, что же ты не поможешь? Гостей надо встречать с уважением!

– Я сама, – пробормотала Шура, смущённая таким необыкновенным приёмом, и поспешно повесила своё пальто.

– Иди сюда. – Тамара провела Шуру в свою комнату. Но Антонина Андроновна поспешила войти туда же и принялась наводить порядок на письменном столе.

– Вам удобно будет, девочки? Может, лампу отсюда взять? Или стол придвинуть вон туда, там как будто светлее?

– Да ничего не надо! – Тамара нетерпеливо отстранила мать. – Мы же всегда тут занимались.

– Но то вы занимались со Стрешневой, а Шурочка привыкла заниматься в лучших условиях, – возразила Антонина Андроновна и, переложив ещё раз с места на место книги и

учебники, наконец ушла из комнаты. – Занимайтесь, девочки. Не буду вам мешать.

Тамара и Шура уселись за стол. Через пять минут дверь снова открылась. Антонина Андроновна глядела на них заботливыми глазами:

– Ну что, девочки? Удобно ли вам?

Тамара сверкнула на неё взглядом, а Шура поспешно ответила:

– Да-да, очень хорошо.

Антонина Андроновна исчезла. Но через некоторое время, когда девочки совместными усилиями решали трудную задачу и уже уловили правильный путь решения, двери открылись снова, и Антонина Андроновна вошла с двумя чашками чаю на маленьком подносе.

– Ну, мама, – нетерпеливо крикнула Тамара, – ты же нам мешаешь!

– Ничего не мешаю, отнюдь, – ответила Антонина Андроновна. – Выпейте чайку, отдохните. А потом снова будете заниматься. Вот и печенье. Берите, Шурочка... Как поживает ваша мама?

Шуре стало неловко от неожиданного «вы» и от этой чрезмерной ласковости. Она почувствовала, что ей хочется уйти из этого дома. Но выражение её лица оставалось спокойным и безмятежным.

– Мама ничего поживает, – ответила она, подняв на Антонину Андроновну большие светлые глаза. – Она сейчас всё

шьёт и шьёт.

Антонина Андроновна удивилась:

– Что шьёт?

– Подарки. Она хочет подарить платье Зине к Новому году и Изюмке. И Антону костюмчик тоже. У них ведь нету мамы теперь...

– Это, конечно, очень хорошо. Но зачем же терять время? Можно бы купить в магазине. Это же такая нудная работа!

– А мама любит шить.

– Ваша мама, Шурочка, очень добрая. Но вот уж не знаю, стоит ли это... Обычно за добро люди спасибо не говорят, а только обижаются. Дашь – мало. Ещё дать – всё равно будет мало. Лучше уж вообще не давать – тогда и обижаться не будут. Но, впрочем, это так, я немножко философствую. А как же? Нас, знаете, приучают философствовать. Вот политкружок сейчас – и там всё философия, философия... Николай Сергеевич занимается, а я, по правде сказать, не могу, голова болит... Ешьте печенье, Шурочка. И вот что попрошу: передайте вашей маме, Екатерине Егоровне, что я, мол, её к себе приглашаю. Просто так – посидим, поболтаем. Обещаете передать?

– Хорошо, передам, – ответила Шура и поглядела на Тамару.

Тамара поняла её взгляд:

– Мама, ну нам же заниматься надо!

– Я уже ухожу! – Антонина Андроновна собрала чашки на

подносик. – Но ты, Тамара, не забудь – Шурочка обязательно должна быть у тебя на ёлке. Если до Нового года Екатерина Егоровна не выберется, то уж на Новый год обязательно. Так, Шурочка, и передайте.

– Я маме передам, – сказала Шура. – Только на ёлку... на Новый год... я не могу к вам прийти: мы к Зине пойдём.

– Но, голубчик, – весело удивилась Антонина Андроновна, – что же там за ёлка будет? Наверно, наша всё-таки будет и побольше и понаряднее. И угощение получше.

– Нет, – снова отказалась Шура, глядя на неё спокойными, ясными глазами, – я не могу. Я обещала к Зине...

И снова взглянула на Тамару.

– Мама, уходи же, – сказала Тамара, – ты нас совсем сбила – то с чаем, то с ёлкой. Ну что ты всё к нам пристаёшь и пристаёшь!

– Каждый делает своё дело, деточка, – возразила Антонина Андроновна, закрывая за собой дверь.

Девочки снова уселись за стол. Но мысли уже бежали по разным путям, далёким от задачника.

– А почему ты на ёлку непременно должна к Зине идти? – хмуро спросила Тамара. – Там и без тебя хватит...

– Я очень Изюмку люблю и Антона, – с тёплой улыбкой ответила Шура, словно эти ребяташки стояли перед её глазами. – Их повеселить нужно... И я же обещала!

– Подумаешь – обещала!

– Да если бы и не обещала, пошла бы, – продолжала Шу-

ра, – и обязательно пойду. А к тебе – потом. Ладно? Праздник-то не один день! Сначала пойдём к Зине, а потом к тебе. Ладно?

– Почему-то ко мне – всегда потом! А сначала – всегда к кому-нибудь другому! – недовольно сказала Тамара.

Шура с упрёком посмотрела на неё:

– Тамара, но ведь там же маленькие дети! Сиротки! Как же им одним на Новый год?..

Тамара пожала плечом.

– Ну, пусть тогда твоя мама придёт к моей маме! – потребовала она.

Шура смутилась. А разве она распоряжается своей мамой?

И она ответила как могла мягче:

– Я попрошу маму. Я скажу ей. Если она сможет, то, наверно, придёт. Но я же не знаю...

Тамара замолчала и нахмурилась. Она поняла, что Екатерина Егоровна не придёт к её маме.

НЕУДАЧА ЕЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ

Директор школы Марья Васильевна просматривала списки успеваемости. Услышав лёгкий стук в дверь, она сдвинула очки на лоб:

– Войдите.

Вошла Елена Петровна. Усталые, с припухшими веками глаза Марьи Васильевны приветливо засветились, сразу украсив её немолодое, давно утратившее свежесть лицо.

– Вы расстроены? – сказала она, жестом предлагая Елена Петровне сесть.

– Я пришла посоветоваться с вами, – ответила Елена Петровна садясь.

Марья Васильевна молча ждала, всё так же приветливо глядя на Елену Петровну, на её опущенные большие ресницы, на морщинку меж тёмных красивых бровей.

– Мне трудно, – сказала Елена Петровна, и морщинка стала ещё резче, – со мной не считаются. А как заставить считаться – не знаю.

– А что же случилось, друг мой? Что вас встревожило? Ваш шестой класс... – Марья Васильевна перелистала несколько страниц, лежащих на столе. – Ну, что же? Ваш шестой по успеваемости на одном из первых мест. Даже Белокурова подтянулась – последний раз по математике у неё пятёрка...

– Это случайная пятёрка, – хмуро возразила Елена Петровна. – И я знаю, откуда она взялась. А посмотрите, что у неё по другим предметам.

– Да-а... Какие скачки! Одно время совсем было выровнялась, а потом опять – вниз, вниз...

– Выровнялась, когда с ней занималась Стрешнева Зина. А как стала самостоятельно заниматься – так и пошла вниз.

– Может, кто-нибудь другой из девочек помог бы ей?

– А почему ей всё время должен кто-то помогать? – горячась, возразила Елена Петровна. – Почему это? Что она – убогая, больная? Или у неё дома заниматься негде? Она в лучших условиях, чем любая девочка в классе, и почему-то другие без конца должны ей помогать, тащить её, тратить на неё и силы и время... Разве у других девочек больше сил и времени, чем у неё? Это неправильно – нянчиться с лентяями!

Марья Васильевна спокойно ждала, пока Елена Петровна выскажется. И, встретив её ясный взгляд, Елена Петровна сказала:

– Ну, вот видите... У меня совсем нет терпения.

– Насчёт того, что мы иногда напрасно нянчимся с лентяями, вы правы, – ответила Марья Васильевна.

– Это просто несправедливо по отношению к другим ученицам! – возмутилась Елена Петровна. – Разве им без этого мало дел?

– Дружок мой, я согласна с вами, – повторила Марья Ва-

сильевна, не повышая голоса, однако в этом спокойном тоне послышалась такая твёрдая и даже немного повелительная нотка, что Елена Петровна больше не решилась прервать Марию Васильевну. – Об этом я не раз думала сама, – продолжала Марья Васильевна, – и, если помните, не раз высказывала эту мысль на педсовете. Очень рада, что вы так горячо относитесь к делу. Но что же вас волнует сейчас?

– Вот я и подумала, – сказала Елена Петровна: – пусть Белокурова возьмётся за уроки как следует, без чужой помощи. Девочка, которая тащила её, как ленивого осла, больше не может... У неё слишком большое горе дома... Я говорю о Зине Стрешневой.

– Так что же вы решили?

– Я решила вызвать мать Белокуровой. Хотела поговорить с ней.

– Поговорили?

– Нет. Я послала с Тамарой записку, но мать не пришла.

– Бывает и это.

Елена Петровна встала и отошла к окну.

– Вот вы спокойно относитесь к этому, а я не могу! – сказала она. – Когда нашалят девочки, или напрокажут, или ошибутся в чём-то, я все эти дела разбираю спокойно, уверяю вас. Но когда взрослый человек, мать ребёнка, который учится у меня, отказывается прийти на моё приглашение, я этого не понимаю! Ну ещё если бы ей было некогда, но ведь она же нигде не работает...

– Друг мой, – остановила её Марья Васильевна, – люди есть на свете всякие. И родители есть всякие. Иногда неизвестно, кто больше нуждается в наставлении: ребёнок или его мать. Ну, представьте, что вы врач, а она – больной...

– Больной! – Елена Петровна негодуяще пожала плечами.

– Да, да, больной, – продолжала Марья Васильевна. – Ну не туберкулёзом, скажем, и не ангиной или ещё там чем, а болен этот человек зазнайством, или некультурностью своей, или, может быть, ленью... Вот и надо попробовать как-нибудь полечить этого больного.

Елена Петровна улыбнулась и снова села:

– Так, значит, надо мне самой к ней идти?

– Да, дружок, надо сходить. – Марья Васильевна подняла на неё глаза и согрела взглядом. – Обязательно надо сходить.

Елена Петровна снова вскочила.

– Вот это-то мне и обидно! – почти закричала она. – Ведь у меня уроки, у меня класс на попечении, и у меня ученические тетрадки, у меня подготовка к завтрашним урокам... У меня каждая свободная минута на счету, а я должна идти к ней, терять несколько часов! Почему это так?

– Это не всегда будет так, дружок, – тихо возразила Марья Васильевна. – Эта порода людей, которая не считается с другими, которая не умеет ценить чужой труд, – эта порода выведется, уйдёт. Ну, а пока... Сходите, непременно сходите. Посмотрите, что и как там у них дома. Тогда вам и с девочкой ладить будет гораздо легче...

Елена Петровна поглядела ей прямо в глаза:

– Марья Васильевна, скажите: как это вы умеете быть всегда сдержанной, всегда спокойной? Почему вы никогда не раздражаетесь, никогда ни на кого не кричите? Откройте мне этот секрет!

Марья Васильевна усмехнулась:

– Да что вы, дружок мой, помилуйте! Если учительница на кого-то кричит, это уже не учительница. А я ведь работаю почти тридцать лет.

– Но какой же силой вы так держитесь?

– Стараюсь, дружок. Силой воли. А ведь по существу-то и я не ангел. Да не только не ангел, а самый обыкновенный человек, с нервами, со слабостями, – засмеялась она. – Такая же, как все. Да ещё, может, и похуже многих.

Елена Петровна протестующе покачала головой:

– Вы лучше многих, Марья Васильевна! – и вздохнула. – Если бы и мне так научиться!

– Всё придёт в своё время, – успокоила её Марья Васильевна. – Вы ещё молоды.

Тамара делала уроки. Задача всё не выходила и не выходила.

«Вот прошлый раз я решала на почтовой бумаге – у меня и вышло, – подумала Тамара. И она пошла к маме попросить у неё почтовой бумаги. – Может, и теперь выйдет!»

У мамы сидела её приятельница Лидия Константиновна

– жена технолога Петушкова. Она часто приходила к Антонине Андроновне – то показать вышивку, то поболтать о заводских делах, о которых рассказывал ей муж, да посудачить о толстой директорше Екатерине Егоровне, которая совсем и на директоршу-то не похожа: и одеться не умеет, и знакомства не выбирает, вечно с простыми работницами дружбу водит...

Обе женщины сидели сегодня призадумавшись. Лицо Лидии Константиновны, белое, пухлое, всё в ямочках, обычно улыбающееся, нынче глядело изумлённо и растерянно. Чуть приоткрыв по-детски маленький рот, она сочувственно слушала Антонину Андроновну.

– Так я ничего и не могу понять, – говорила Антонина Андроновна, проводя по глазам скомканным платком. – Уж, кажется, всё сделала, всё! Отдельную квартиру достала? Достала. Пошла куда следует, и не раз ходила, и не два. И вот – квартира. Можно бы за это хоть спасибо сказать, а?.. Тебе что надо? – обратилась она к Тамаре.

– Мне листочек почтовой бумаги.

– Возьми в ящике.

– Неужели и спасибо не сказал? – потрясение спросила Лидия Константиновна.

– Что вы! – Антонина Андроновна махнула рукой. – Даже обиделся, что я у начальства пороги обивала. А не обивала бы – и кабинета у него не было бы, и ванны не было бы. Ну, да что ему! Ведь он у нас такой отсталый. Он и без ванны будет

жить. И вот ещё: зачем, дескать, я одеваюсь да завиваюсь. Ну и ты одевайся. Что же я, не даю? А у него одно: сестре помочь надо – у неё семья большая, да брату – он учится... А почему это, спросить? Мы вот устроились и живём. Ну и вы устраивайтесь, если голова на плечах есть, я вам не мешаю. А так-то что ж: одному дай, другому дай... И вот ещё: почему я не работаю. Зачем же мне работать, если у нас и так всего хватает? Ну, зачем, а? И вот всё недоволен и всё недоволен... Необязательно, говорит, из-за денег работать. А из-за чего же тогда, спрашивается?

– Не понимаю я Николая Сергеевича! – Лидия Константиновна тяжело вздохнула и покачала головой.

– Вот и я не понимаю! – снова вытерев глаза, сказала Антонина Андроновна. – Уж и понять отчаялась. А вот теперь, видите, собрался... третьего дня говорит... Тамара, ты что стоишь? Иди отсюда сейчас же!

Тамара вышла. Но, прикрыв дверь, остановилась: ей очень хотелось узнать, что же такое страшное сказал третьего дня её «отсталый» отец.

– Я спокойно просто повторить не могу! – продолжала мать, задыхаясь от волнения. – Он вдруг заявляет: «Как жаль, говорит, что я не могу поехать в эмтээс...»

– Ай-яй-яй! – всплеснула руками Лидия Константиновна. – Да что же ему там делать? Ну, чудак, чудак...

– И – вы слышите? – что «сейчас все сознательные люди едут в эмтээс»! Я просто похолодела. Что ещё в голову

взбрѣдетъ человеку? Ну я, конечно, на другой же день – к директору... Я заявила, что Николая Сергеича ни в коем случае нельзя отпускать в колхоз.

– А директор?

– Ну, директор усмехнулся – не могу сказать, чтобы приятно... Но это абсолютно неважно. Говорит: «Не пошлѣм, потому что Николай Сергеевич заводу тоже нужен». Ну, я на всякий случай заявила: «Имейте в виду: вы разрушите советскую семью, потому что я, имейте в виду, в колхоз с ним не поеду!» Я там так воевала, прямо в пот их всех вогнала! Приходится воевать иногда.

– Э! Не стыдно подслушивать? – вдруг сказала Ирина, входя в столовую: она вошла накрывать стол к обеду. Тамара надменно посмотрела на неё:

– Уж ты-то меня не учи, пожалуйста!

– А чего ж не поучить, если плохо делаешь?

– А то и не учи, что не твоѣ дело. Иди в свою кухню.

– Я вот и в кухне сижу, стряпаю для вас да стираю, а на паре, однако, домой не езжу.

– Я на тебя маме пожалуюсь!

– Жалуйся. Подслушивай. Это как раз всё по-пионерски!

Зачем ты галстук-то носишь?

Ирина пренебрежительно улыбнулась и ушла в кухню. Тамара в мрачном настроении снова уселась делать задачу. Но и на почтовой бумаге задача не получалась. В голову лезли какие-то посторонние мысли. Вспоминался подслушанный

разговор о желании отца уехать в МТС. И тут же ей представлялось, как он собирает свой чемодан, а мама бранится и плачет.

Из коридора донёсся разговор: мать провожала Лидию Константиновну.

– Может, останетесь пообедать? – говорила мать. – Оставайтесь! Мы всегда обедаем вдвоём с Тamarой...

– А Николай Сергеевич?

– А я, право, не знаю, когда и где он обедает. Он никогда не приходит вовремя. Оставайтесь, душечка!

Но Лидия Константиновна спешила – ей надо скорее домой. Муж придёт обедать, надо, чтобы всё было готово, он ждать не любит, да и некогда ему ждать.

– А наш никогда домой не спешит! – вздохнула Антонина Андроновна. – Нашему в столовой обед вкуснее...

Антонина Андроновна села за стол и, думая да раздумывая всё о том же: почему же это Николай Сергеич всё дальше и дальше уходит от неё? – молча ждала, пока Ирина подаст обед.

В прихожей неожиданно прозвенел звонок. Антонина Андроновна встрепенулась: неужели он, Николай Сергеич, лёгок на помине, сегодня вспомнил, что иногда и дома пообедать можно?

Но послышался чей-то чужой женский голос.

Спрашивали Антонину Андроновну. Голос показался Тамаре знакомым. Она выскочила из-за стола и выбежала в

прихожую. Там стояла Елена Петровна.

– Здравствуйте... – растерянно сказала Тамара, забыв, что, они с Еленой Петровной не так давно расстались.

– Кто там? – громко спросила из столовой мать.

– Мама, это Елена Петровна... наша учительница, – сказала Тамара, не зная, что ей делать: то ли предложить Елене Петровне раздеться, то ли провести её в комнату.

В дверях кухни стояла Ирина и с любопытством глядела, словно ожидая чего-то интересного.

– Мне нужно видеть твою маму, – сказала Елена Петровна без улыбки.

Антонина Андроновна вышла из столовой. Она окинула Елену Петровну хмурым взглядом и спросила с холодком в голосе:

– В чём дело?

– Здравствуйте, – сказала Елена Петровна, еле сдерживаясь, чтобы не вспылить от обиды за такой приём. – Мне нужно поговорить о вашей дочери.

– О дочери?.. – Антонина Андроновна обернулась к Тамаре. – Ты что натворила?

Тамара недоумевающе подняла брови:

– Я? А что я? Я ничего! Что ты, мама!

– Ну, а в чём же тогда дело? – повторила Антонина Андроновна с нетерпением.

– Я бы хотела поговорить... посоветоваться с вами, – сказала Елена Петровна, чувствуя, что на лице у неё начинают

проступать красные пятна.

– Ну что ж, войдите! – со вздохом пригласила Антонина Андроновна. – О чём советоваться-то нам с вами, не знаю... Тамара, иди-ка отсюда.

Тамара молча наблюдала эту встречу. Она подошла было к двери послушать, о чём будет разговор, но, встретив насмешливый взгляд Ирины, быстро ушла в столовую.

«Жаловаться пришла, – думала она, – Ну и пусть! Не очень испугалась».

Антонина Андроновна, жестом пригласив Елену Петровну сестру, уселась первая. Кресло скрипнуло под её тяжестью. Елена Петровна села тоже.

– Ваша дочь плохо учится, – сказала учительница. – Она не делает домашних заданий, не учит уроков...

Антонина Андроновна посмотрела на неё с удивлением:

– А я-то при чём же? Я, что ли, буду за неё уроки учить?

– Но вы можете и должны последить за тем, чтобы она готовила уроки.

Антонина Андроновна отвернулась, махнув рукой:

– Не до того мне. Не до того! Сами управляйтесь.

– А разве вам всё равно, как учится ваша дочь? – спросила Елена Петровна спокойно, хотя в глазах уже горели огоньки. – Поймите меня, прошу вас! Я не жаловаться пришла, а просто посоветоваться... Помогите мне!

Антонина Андроновна пожала плечами:

– Ну уж, голубушка...

– Меня зовут Елена Петровна.

– Очень хорошо, что вас зовут Елена Петровна, Но уж я вам скажу откровенно, Елена Петровна. Вот, скажем, для примера, моя портниха шьёт мне платье – и помощи никакой не просит. Вот, скажем, приходит монтер чинить электричество – и тоже помощи не просит. Да и чудно было бы, если бы они помощи просили, ведь они же за свою работу деньги получаю!. А почему же вам надо помогать? Ведь вам тоже деньги платят за то, что вы наших детей учите! Моё дело – кормить ребёнка, одевать. А уж учить – это дело ваше. А если моя дочь плохо учится, значит, вы, голубушка... уж вы меня извините... значит, вы учительница так себе... Неважная вы учительница.

Елена Петровна вскочила.

– Ваша тупость меня потрясает! – сказала она дрожащим от гнева голосом. – Может быть, я неважная учительница, но вы очень плохая мать!

Она с пылающим лицом быстрыми шагами вышла из комнаты. Хлопнула входная дверь.

Антонина Андроновна слегка покраснела, глаза её сверкнули.

– Ещё чище! Здравствуйте! Теперь уж и мать плохая! Не видали вы плохих-то матерей. Вон по двору детишки бегают: у другого и под носом не промыто, и пуговицы все оборванные... А у моей всё начищено да наглажено. Ишь ты! Это я-то плохая мать!

Но вдруг, сообразив, что её никто не слушает, Антонина Андроновна встала и пошла в столовую обедать.

– Ещё забота мне – за уроками смотреть! – ворчала она, усаживаясь за стол. – «Плохо учится»! Да как учится – так и выучится. Что ей – министром, что ли, быть? Я вот нигде не училась, а на-ка тебе: и квартирка отдельная, и ванна, и живу – другие пусть позавидуют, а то... Ишь ты!

Тамара спокойно ела суп, сделав вид, что не слышит воркотни матери.

«Так и есть, пожаловалась, – подумала она, склоняясь ниже над тарелкой. – Сейчас начнётся проборка...»

Но, прислушавшись к словам матери, Тамара подняла голову – оказывается, ругают не её, а учительницу.

– Она у нас самая задавака, – сказала Тамара.

– А ты хорошая? – вдруг обрушилась на неё мать. – Вон как, учительница жаловаться на тебя приходит! Ишь ты, как красиво! Мало мне забот, так ещё за тебя задачки решать надо!

Тамара поспешно принялась за второе. Скорее доесть да вон отсюда, подальше от гнева матери. А то ещё и стукнет, если очень разойдётся!

Кое-как пообедав, Тамара встала из-за стола.

– Мамочка, я сейчас прямо за уроки сяду! – сказала она. – Я прямо сейчас же, вот увидишь.

Но мать уже вся погасла. Она думала свою думу. Досадливо поморщившись, она слабо махнула рукой, сверкнув

перстнем:

– Ах, ну иди, иди ты, пожалуйста!..

И полезла в карман за своим скомканным, ещё не высохшим платком.

А Елена Петровна, злясь на себя и стыдясь до отчаяния, шла по улице и плакала. Всё не так сделала, всё не так, всё не так! Опять всплыла, не сдержалась – никакой силы воли у неё нет. Надо сохранять спокойствие. Но вспомнила Антонину Андроновну – и снова то же яростное возмущение заставило её вскипеть.

«Ещё раз встретиться с этой глупой гусыней... да ни за что! Разве доходят до неё человеческие слова, разве могут дойти? Так для чего же мне портить себе нервы? Разве они не нужны мне для более настоящего дела, чем учить ослиц понимать человеческие слова!»

Елена Петровна, подходя к дому, замедлила шаг: пусть обдует ветерком. Не хочется приходить домой с заплаканными глазами.

НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ У ЛЮДЕЙ

Зина и ребяташки очень любили стоять около витрин игрушечных магазинов в эти предпраздничные дни. Каждый день, ранними сумерками, Зина выходила погулять с Антоном и Изюмкой. Открывая калитку, она спрашивала:

– Куда пойдём? На сквер?

Но и Антон и Изюмка отвечали в один голос:

– На большую улицу, ёлку смотреть!

И они все трое, держась за руки, отправлялись на большую улицу, полную прохожих, огней и широких магазинных витрин. Их влекла к себе всегда одна и та же обрамлённая огнями витрина. Достигнув её, они останавливались и с увлечением разглядывали волшебное царство, сверкающее за толстыми зеркальными стёклами.

Во всё окно, до самого потолка, стояла там зелёная, живая ёлка, вся сверкающая серебряной мишурой и разноцветными огнями лампочек. А что же творилось под её распахнутыми лапчатыми ветками! Тут румяные куклы в синих и белых шапочках катались на санях с горки. Бежали на лыжах весёлые лыжники. Снегурочка в серебряной шубке кормила морковкой плюшевых зайцев. Красная Шапочка разговаривала с волком, а волк поблёскивал зелёными прозрачными глазами-пуговицами. Здесь, у ствола ёлки, стоял весёлый дед Мороз в красной с золотом шубе, с серебряной бородой и с

большим мешком за плечами. Яркие парашюты спускались сверху, а над ними парили серебряные самолёты с красными звёздами на крыльях... И над всем этим сказочным миром висели неподвижные ватные снежинки, отливающие серебром, – словно и правда снег идёт, только снежинки летят так медленно, что не заметно, как они опускаются вниз.

– А у нас ёлка будет? – спросил однажды Антон, стоя у новогодней витрины.

– Будет, – ответила Изюмка уверенно.

Но Антон смотрел на Зину и ждал ответа.

Будет у них ёлка или нет? Зина и сама не знала. Отец ничего не говорил... Может, пойти да купить самой? А как она её понесёт? А может, обойтись без ёлки?..

Зина поглядела на ребят и встретила две пары глаз, устремлённых на неё.

– Будет ёлка, конечно, будет! – поспешила ответить она.

«Хоть волоком, да притащу им ёлку!»

До Нового года оставался один день. А перед Зиной стояла гора дел и забот. И она не знала, как ей справиться. Только что прошли контрольные. Отец ей настрого приказал:

«Дома делай только самое необходимое, уроков не запускай. Дома потом и выстирается и вымоется. А сейчас самое главное – учись».

И Зина большие хозяйские дела всё откладывала да откладывала.

Контрольные прошли хорошо, но Зина была недовольна:

затесались две четвёрки – по русскому и по географии. Уже не круглая пятёрочница. Конечно, с такими отметками закончить полугодие не стыдно. Лида Лимонова, например, которая только и держится на тройках, могла бы позавидовать Зине. Но что из этого? Зина-то всегда училась отлично.

Огорчился этим и отец. Но виду не показал, а сделал ве­сёлое лицо:

– Молодец! Норму держишь! Не хуже, чем у людей, а?

Зина тоже постаралась улыбнуться. Однако не нашлась что ответить.

– Ну, а теперь как же, дочка, у нас с хозяйством будет? – спросил отец. – За что приниматься?

Зина окинула взглядом комнату. Скука давно не мытого и не чищенного жилища смотрела из всех углов: запылённые цветы, застиранная, плохо проглаженная скатерть, смятые чехлы на диванных подушках... Эти подушки где только не побывали! И на полу под столом, когда Антон и Изюмка устраивали себе там квартиру, и в углу за диваном, где они строили пещеру... А уж про пол и говорить нечего. Зине трудно было мыть полы: не хватало времени и не хватало сил.

– А ещё целый бак белья нестиранного, – прошептала Зина, подытоживая запущенные хозяйские дела.

– Да... – Отец подавил вздох и только крякнул, словно поднимая большую тяжесть.

Зина сжала губы и молча глядела на отца. И хотя оба они

молчали – каждый из них знал о тяжести, лежащей на сердце другого.

«Береги отца... Береги отца...» – эти слова прозвучали в воспоминании так отчётливо, будто Зина сейчас снова услышала их. «А как же мне беречь его? Вон он какой худой, чёрный, и морщины на лбу.... Раньше всегда бритый ходил, чистый, причёсанный. А сейчас? Вон борода-то... И на висках седина. А рубашка... ворот-то какой заношенный!»

Зина ещё крепче сжала губы и, чтобы отец не увидел, что к глазам её подступили слёзы, отошла к окну, раздвинула шторы. Морозные стёкла переливались огоньками при свете уличного фонаря, а в круглые проталинки глядел синий вечер.

«Не смей! – приказала Зина сама себе. – Не смей плакать! Не смей!»

Это помогло. Будто кто-то посторонний приказал ей, и Зина, переводя дух, отошла от окна.

– Ну и что же? – бодрым голосом начала она, снова подойдя к отцу. – Вот как возьмёмся завтра за всё сразу да всё и сделаем! И квартиру вымоем. Бельё я после праздника в прачечную отнесу, а кое-что сегодня ночью постираю.

Отец поглядел на неё:

– Постираешь! Эх ты, канареечка моя! Да где ж тебе с бельём справиться?

– Вот и справлюсь! – горячо возразила Зина, тронутая ласковым словом «канареечка». У них в семье такими словами

зря не разбрасывались. – А ты, папочка, пойдй побрейся и новую рубашку надень. И причешишь как следует!

– Ну, я и так хорош, – усмехнулся отец.

Но Зина не отступилась:

– «Хорош»! Вот так хорош! Папочка, а если бы мама тебя таким увидела, что бы она сказала, а?

Отец вдруг встал и подошёл к зеркалу. Он глядел на себя немножко изумлённым взглядом, будто был не совсем уверен, он ли это.

Антон, который строил для Изюмки домик из карт, оглянулся на отца и засмеялся:

– Папка сам себя не узнал!

– Да-а... – Отец покачал головой, не спуская глаз со своего отражения. – Вот это да-а... – И, виновато поглядев на Зину, провёл рукой по колючим щекам и взлохмаченной голове. – Да она меня, пожалуй, и домой-то не пустила бы, – сказал он. – Просто бродяга какой-то!.. А ведь послезавтра праздник!

Сказал – и вдруг, хлопнув себя по лбу, остановился среди комнаты:

– А ёлку-то? А ёлку-то мы что же?..

– Давай я схожу! – живо предложила Зина.

Отец с усмешкой поглядел на неё:

– Ты, кажется, и этого мне не доверяешь? Ну уж нет! Ёлку я сам куплю. Пойду завтра с работы и захвачу. Не беспокойся, выберу хорошую.

«Если ещё ёлки к тому времени останутся...» – подумала Зина, но ничего не сказала, лишь улыбнулась отцу.

В дверь постучали. Вошла тётя Груша. Она была приземистая, широкоплечая, скуластая, говорила грубым голосом с хрипотцой. Но тётю Грушу любили все: и рабочие на заводе, и соседи, и все ребяташки во дворе. Из её небольших ярко-синих глаз глядела горячая, добрая душа.

Изюмка и Антон, как только появилась тётя Груша, уронили свой карточный домик, подбежали к ней и ухватились с двух сторон за её наглаженный серый фартук.

– Ну вот, ну вот! – загудела тётя Груша своим простуженным басом. – Свалите с ног-то! А поднимать кто будет?

Она пошарила в карманах и достала два мятных пряника – розовый и белый.

– Мне розовый! – закричал Антон.

– И мне розовый! – ещё громче закричала Изюмка.

– Начинается! – с упрёком сказала Зина. – Это вместо того, чтобы спасибо сказать...

– Спасибо! – крикнули ребята в один голос.

Но Изюмка тут же добавила:

– А мне розовый!

– Антон, уступи, – попросила Зина. – Ты ведь у нас уже большой!

Антон поглядел на Зину и протянул розовый пряник Изюмке.

– Слушает сестру, молодец парень! – Тётя Груша похло-

пала Антона по спине. – Ну, что же вы сидите, воробьи под-
застрешные, а? – обратилась она к отцу и к Зине. – Праздник
ведь на дворе!

– Да, праздник, – согласился отец и снова провёл рукой
по небритым щекам.

– А что-то у вас праздника не видно, – продолжала тётя
Груша. – Пироги-то будете печь?

– Я не умею... – негромко сказала Зина и покачала голо-
вой.

– Не умеешь – так сумеешь, – возразила тётя Груша. –
Пойдём тесто ставить.

– Эх, до пирогов ли... – сказал отец. – Тут вон и пол...
и бельё там...

В комнату без стука вошла Анна Кузьминична:

– Мир вам, и я к вам!

– Милости просим! – ответила Зина. Так отвечала мама.

– Вы что же, хозяйева, – начала старуха, – когда-нибудь
свой черёд по квартире справлять будете, ай нет? Одну неде-
лю пропустили, и другую, и третью... И конца этому нет.
Значит, так и дальше будет? Топтать – топчете... вон у вас
людей-то сколько, одни ребятишки взад-вперёд... а коридор
мыть – я?

– Я вымою... – Зина покраснела и украдкой взглянула на
отца.

– Ну вот видишь? – обратился отец к тётя Груше. – А ты
– пироги!

– Ещё что! – загудела тётя Груша на Анну Кузьминичну. – Заставь, заставь, старая, девчонку всю квартиру мыть, благо она сиротка! Вот так... Со слабыми-то воевать не велик труд!

– А что, я должна за всеми убирать? – закричала Анна Кузьминична. – Мне ведь скоро на седьмой десяток, не молоденькая!

– Давайте-ка я вам пол вымою, – предложил отец. – Не сумею, что ли?

– Подожди, не спеши, – сказала тётя Груша. – Всё это дело не трудное. Чего проще? Заплати нашей уборщице – она придёт, да и вымоет, да ещё спасибо скажет.

– Правильно! – обрадовался отец. – И как же я сам-то не догадался? Конечно, так и сделаем. Только где эту уборщицу взять?

– А чего её брать – вон она в том флигеле живёт, – вмешалась Анна Кузьминична. – Утром схожу да позову. Только деньги оставь, не забудь.

– Вот и уладилось, – заключила тётя Груша. – А теперь, дочка, всё-таки пойдём тесто ставить. Ну что за праздник без пирогов!

Зина отправилась с тётей Грушей на кухню, и ребятишки потянулись за ними. Тётя Груша говорила:

– Нагрей молока... клади масла, сахару... Дрожжи размешай...

Зина всё это делала, а ребята глядели. Так все вместе они

поставили тесто для праздничных пирогов.

Утром, когда Зина спешила в школу, она ещё издали увидела, что Фатьма поджидает у ворот. А рядом, с метлой в руках, стоит её круглолицая, черноглазая мать – Дарима.

– Здравствуйте! – закричала им Зина и прибавила шагу.

– Здравствуй, здравствуй, белый преник! – Дарима улыбалась ей, блестя крупными зубами. – Подойди поближе, говорить надо!

– Что?

– Как праздник справлять будешь?

– Вчера тесто поставила! – живо сообщила Зина. – Тётя Груша пирогов напечёт.

– А в доме-то небось ничего не прибрано?

Зина замялась:

– Нет ещё... Уборщица придёт...

– Мама, мы с девочками соберёмся, – сказала Фатьма, – вымоем всё.

– Эге! Вымоете вы! – Дарима махнула своей брезентовой рукавицей. – Ты лучше скажи мне, белый преник: там в комнату меня кто-нибудь впустит?

– Там Анна Кузьминична... А ключ – на вешалке.

– Хорошо, очень хорошо! – Дарима похлопала Зину по спине. – Бегите в школу теперь. Насчёт уборки не беспокойся – всё будет чисто к празднику!

– Спасибо! – обрадовалась Зина. – Спасибо, тётя Дарима!

А я вам потом тоже буду помогать снег возить!

Девочки взялись за руки, как маленькие, и побежали в школу.

В первую же перемену к Зине подошла Елена Петровна.

– Как у тебя дома? – спросила она, внимательно заглядывая ей в глаза. – Девочки ходят? Помогают?

– Ходят, – ответила Зина, – помогают всё время.

– А ёлка уже есть у вас?

– Ёлки ещё нету. Папа сегодня принесёт.

– Пойдём-ка.

Елена Петровна повела Зину в кабинет завуча, где был телефон.

– Как позвонить на завод, знаешь?

Зина сказала номер. Елена Петровна вызвала её отца.

– Андрей Никанорыч? Это учительница... Да, Елена Петровна. Вы за ёлкой не ходите. Мы сами сходим... Доставьте нам это удовольствие... Да, уверяю вас, что это для нас удовольствие!.. Ну, за что же столько благодарности?

И, положив трубку, она обернулась к Зине:

– За ёлкой вместе пойдём.

Зина радостно вскинула на неё глаза:

– С вами?

– Со мной.

Зине хотелось обнять Елену Петровну, прижаться к ней лицом, но разве она посмела бы? Она только зарумянилась и заулыбалась, с гордостью поглядывая на девочек, которые слышали этот разговор: вот видите, Елена Петровна сама

пойдёт покупать им ёлку!

Когда кончились занятия и звонок прозвенел в последний раз, отпуская учителей и учеников на новогодние праздники, Елена Петровна и Зина пошли за ёлкой. Вместе с ними отправилась и Фатьма. У самой калитки школьного сада их нагнала Шура Зыбина. А если ёлка попадётся большая, то без неё и не дотащат! И обязательно захотела пойти с ними Сима Агатова. Чем больше народу, тем веселее.

Было солнечно, морозно, в воздухе сверкали искорки. Праздник уже бродил по улицам. Спешили прохожие с покупками. Несли ёлки. Проезжали гружённые ёлками машины. Магазины сверкали ёлочными украшениями. Весёлые ребяташки пробегали стайками и толпились возле витрин с игрушками...

Недалеко от вокзала, в заснеженном сквере, вырос еловый лесок. Ёлочки стояли, увязнув в сугробе или прислонившись к ограде, растопырив зелёные ветки, украшенные снегом, и каждая словно говорила: «А посмотрите-ка на меня! Вот я какая хорошенькая!»

Покупатели ходили по скверу, выбирали ёлки. Ходили и выбирали ёлку и наши друзья. Выбирали, присматривались, и всё казалось, что не эта ёлка самая лучшая, а самая лучшая, пожалуй, вон та.

Наконец Елена Петровна сказала:

– Кажется, лучше этой не найдём.

Ёлочка была небольшая, пушистая, с красивой макушкой.

Заплатили деньги, вытащили ёлочку из сугроба, связали её верёвкой, чтобы не топорщилась, и понесли домой. Зина шла и улыбалась: «Вот теперь ребятишки обрадуются!»

Едва войдя в квартиру, Зина почувствовала, что праздник заглянул и в их дом. Пахло тёплыми пирогами, свежестью чисто промытых полов... И как только внесли ёлку, по всем комнатам побрёл весёлый запах леса, смолы и хвои...

Навстречу вышла Дарима, румяная, слегка растрёпанная. Она только что кончила уборку и стояла, вытирая покрасневшие от воды руки:

– Входите, входите! Всё готово! Управилась.

– Спасибо, тётечка Дарима! – сказала ей Зина.

А Дарима, увидев ёлку, радостно всплеснула руками:

– Ай-яй, и ёлочка есть!

Комната показалась Зине и просторнее и светлее, словно Дарима каким-то волшебством раздвинула и осветила её. Пол стал белым, как свечка. Коврик, вычищенный снегом, ярко пестрел голубыми и красными цветами. Полотняные чехлы на диванных подушках, выстиранные и проглаженные, сияли свежестью. Большая полотняная скатерть, с тугими складками на сгибах, лежала на столе, словно впервые выпавший снег. Цветы на окнах стали зелёными и живыми... Так вот было при маме. Будто это она вошла и прибрала у них и сделала всё, как было... На мгновение Зине показалось, что мама дома, что она здесь, что она лишь на минуту вышла в кухню, а сейчас войдёт, улыбнётся и скажет что-ни-

будь весёлое... Но мгновение пролетело, и Зина сжала губы от душевной боли. В комнату вместо мамы вошла тётя Дарима.

Девочки суетились, развязывали ёлку, прикидывали, куда поставить. И никто не заметил волнения Зины. Заметила только Фатьма.

– Зина, что ты? – спросила она потихоньку.

– Нет, ничего, – поспешно ответила Зина. – Мне показалось, что мама дома. А она... Не спрашивай ничего, не говори. У нас Новый год, а она... в могиле...

Голос у Зины прервался. Но, почувствовав, что ещё немножко – и слёзы хлынут из глаз, она грозно приказала себе: «Не смей!» И ещё раз: «Не смей!»

И это опять помогло.

Елена Петровна тревожно взглянула на неё, но тотчас поняла, что Зину надо отвлечь от её тяжёлых воспоминаний.

– Где у вас всегда стояла ёлка, Зина? – спросила она, будто не замечая, что у Зины глаза блестят от слёз. – У окна?

– Нет. – Зина торопливо отодвинула маленький столик. – Вот здесь, чтобы её в зеркале было видно. Тогда у нас будто две ёлки: одна здесь, а другая в зеркале.

Разыскали старую деревянную крестовину, установили ёлку. Достали со шкафа коробку с ёлочными игрушками.

– Давайте, я прикреплю звезду на верхушку, – сказала Елена Петровна. Взяла звезду и, подставив стул, влезла на него. – Вот так не криво?.. Хорошо?

Ёлка стояла вся зелёная, как в лесу, и только на вершине сияла серебряная звёздочка.

– А теперь я, девочки, пойду домой, дома меня тоже ждут. – Елена Петровна слезла со стула и полюбовалась на звёздочку. – Вы поможете Зине наряжать ёлку?

– Конечно, поможем! – закричали и Сима, и Шура, и Фатима – все сразу.

Елена Петровна улыбнулась им, нежно провела рукой по гладким белокурым волосам Зины, простилась и ушла. А вслед за ней ушла и Дарима.

– Девочки, а вот я читала «Детство Никиты», – сказала Сима, – там знаете как? Пока ёлку не нарядят, ребятшек не пускают. А потом сразу – хлоп! – двери настежь. Ребятишки входят, а ёлка уже вся наряженная и в огнях! Давайте и мы так сделаем, пока их нет дома!

Девочки весело согласились:

– Давайте!

– А вдруг Антон сейчас возьмёт да придёт со двора? – сказала Сима.

– Не придёт! – ответила Зина. – Они всем классом в кукольный театр пошли. А мы в это время все игрушки повесим, лампочки зажжём! У нас ведь игрушек не очень много... Бусы побились... Шариков тоже мало осталось... А канитель-то какая! Не блестит уже... Ну ничего. Что есть, то и есть.

Всё вышло так, как задумали девочки. Зато и было же ра-

дости, когда перед Антоном и Изюмкой вдруг раскрылись двери комнаты и наряженная ёлка встала перед ними вся в огнях и блеске! Изюмка закричала, засмеялась и бросилась к ёлке, под самые ветки, начала прыгать, хлопать в ладоши. Антон, весь расплывшись в улыбке и затаив дыхание от счастья, подошёл к ёлке, словно боясь, что она сейчас исчезнет. Ведь ещё утром никакой ёлки не было. Откуда же она взялась? Постоял, посмотрел, а потом и сам начал прыгать вместе с Изюмкой. Девочки были довольны: вот сколько веселья доставили они ребятам!

Впрочем, тут произошёл маленький эпизод, который чуть не разрушил эту непрочную радость осиротевшей семьи... Антон попрыгал, поплясал, а потом снова задумался о чём-то и вдруг потихоньку исчез из комнаты. Зинины подружки, развеселившись, потешали Изюмку как могли – пели песенки, водили хоровод, читали маленькие смешные стихи. А Зина, тотчас заметив исчезновение Антона, вышла из комнаты. Она нашла его в кухне. Антон стоял, открыв дверь кладовки, и смотрел туда, в холодную темноту. Услышав шаги, он обернулся, и Зина увидела, что глаза его широко открыты.

– Ты что тут делаешь? – негромко спросила Зина. – Что ищешь?

Антон тихонько прикрыл кладовку:

– Я думал – может, она там...

У Зины сжалось сердце.

– Кто – там? Что ты говоришь, Антон?

– Да так просто... – Антон отвёл глаза. – Я подумал... может, мама? А кто же принёс ёлку? А может, она вдруг взяла да и пришла из больницы?

Ёлочку связали веревкой и понесли домой.

Зина взяла его за руку и повела в комнату.

– Нет, – сказала она ласково, – наша мама не пришла. Это мы с Еленой Петровной купили ёлку. Иди попляши с Изюм-

кой, не надо сейчас говорить про маму – ладно? А то папа придёт, и ему станет скучно... Не будем папу расстраивать. Знаешь, мама велела его беречь!.. Ладно?

– Ладно, – согласился Антон и кивнул своей остриженной круглой головой.

Вскоре пришёл и отец. Он пришёл чистый, выбритый, подстриженный, в свежей рубашке – видно, прямо с работы успел сходить в баню. Он вошёл в комнату и развёл руками:

– Что такое? Куда я попал? Домой я пришёл или нет?

– Домой! – закричал Антон. – Это наш дом!

– Это наша ёлка! – подхватила Изюмка. И тут же быстрые глаза её подметили, что отец, войдя, поставил на стул большую белую коробку. – Папочка! А это что? Покажи скорее!

Белую коробку тотчас окружили:

– Что там такое, а?

– Торт! – сказала Шура и причмокнула. – Наверно, с кремом!

– Ничего подобного, торт завязывают ленточкой, а здесь верёвочка, – возразила Сима.

– А может быть, пирожные?.. – мечтательно предположила Фатьма.

Зина вздохнула с улыбкой:

– В такой большой коробке-то? Что ты! Этого не может быть. Наверно, папа себе ботинки купил...

Отец, молча улыбаясь, исподлобья поглядывал на ребят и, забавляясь их нетерпением, не спеша развязывал верёвочку.

– Ну, папка, скорее же! – Изюмка кричала и дёргала его за рукав. – Ну что ты, развязывать не умеешь?

Наконец верёвочка развязана, коробка открыта – и в комнате раздался общий вздох восхищения. Из коробки хлынули серебряные лучи, искры и молнии...

Игрушки! Такого подарка никто не ожидал. Новые ёлочные игрушки!

Девочки тотчас принялись разбирать их и вешать на ёлку. Потянулись цепи круглых блестящих бус, закачались на ветвях большие шары с красными и синими вмятинами, полились серебряные нити дождя, засверкали рыбки, птички, парашютики, корзиночки, зайчики, снежинки из тонкого серебра...

В эту минуту вошла Екатерина Егоровна.

– Ах, какая богатая ёлка! – сказала она. – Вот так ёлочка! Хороша!

Отец вскочил, обрадовался:

– Вот спасибо, Екатерина Егоровна! Спасибо, что не забываете нас.

– Выдумал! Почему же это я буду вас забывать? Вот тут ребятишкам кое-что. Хозяйки-то в доме нет, а вы, мужчины, в этом ничего не понимаете... Зиночка, поди-ка сюда! На вот посмотри, что тут – годится ли?

Зина поблагодарила Екатерину Егоровну и унесла свёрток в спальню. И подружки и ребятишки гурьбой бросились туда же. В свёртке оказалось голубое платье из лёгкой шер-

сти – Зине. Розовое платье, всё в складках, – Изюмке. И синий костюм с матросским воротником – Антону. Девочки пристали, чтобы всё это надеть сейчас же. Антон, ничего не говоря, уже стаскивал с себя старую рубашку, а Изюмка приплясывала на месте от радости. Шура и Фатьма принялись одевать ребятшек, а Сима помогала одеться Зине. И вот они все трое, нарядные и немного смущённые, вышли из спальни. Зина бросилась к Екатерине Егоровне, крепко обняла её и поцеловала. Отец покачал головой:

– Как благодарить вас, Екатерина Егоровна, не знаю...

– А и знать-то нечего! – засмеялась Екатерина Егоровна. – Ещё неизвестно, кому и кого надо благодарить. Неизвестно, что приятнее: получать подарки или дарить? Мне вот, например, дарить всегда веселее... А между прочим, – Екатерина Егоровна оглянулась на пустой стол, – соловьёв баснями не кормят. Давайте-ка Новый год встречать!

– А как же хозяин? – спросил отец.

– Сейчас и хозяин прибудет. Заедет на минутку. Встретим у тебя, а потом на банкет поедем. Что ж делать? Директор. Обязательно – банкет. А по мне, хоть бы и дома посидеть.

– Сюда приедет? – обрадовался отец. – Ах, какой же вы мне праздник устроили!

Отец засуетился. Он шепнул, чтобы Зина и Фатьма сбежали за Даримой: она была добра к ним – нельзя же не позвать её на праздник. Позвали и тётю Грушу – без тёти Груши тоже нельзя. И Анну Кузьминичну позвали: хоть и не сходила

Анна Кузьминична за уборщицей, но ведь всё-таки сходить хотела же!

Скоро вокруг белоснежного стола собрался весёлый круг гостей. Приехал и «хозяин», директор завода, муж Екатерины Егоровны – Владимир Никитич. Он вошёл с шумом, с громким говором, румяный, коренастый, голубоглазый человек.

За стол вместе со взрослыми посадили и Шуру, и Фатьму, и Антона, и Изюмку, и Зину. Только Сима ушла – было уже поздно, а она жила далеко.

– С наступающим Новым годом! – Владимир Никитич поднял рюмку и чокнулся с отцом. – С наступающим! Желаю тебе, Андрей Никанорович, твёрдо стоять на земле. А пошатнёшься – протяни руку: поддержим. Не забывай, что рядом с тобой товарищи и друзья. С наступающим!

– Спасибо! – ответил отец. – Желаю вам всем счастья... Желаю того, что вам самим хочется. А говорят, когда пожелаешь людям чего от чистого сердца, обязательно сбудется! С наступающим!

Звенели рюмки и стаканы, люди говорили друг другу добрые, хорошие слова, от которых всем становилось тепло и радостно... И богато убранная ёлка празднично и торжественно сияла своими огнями.

Зина выбрала минутку, вошла в спальню. И, подойдя к портрету матери, который она повесила над постелью Изюмки, прошептала:

– С Новым годом, мамочка! Видишь, мама? Вот и у нас не хуже, чем у людей. Видишь, мамочка? Ты за нас не бойся...

ТАМАРА ТОЖЕ ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ГОД

Тамара видела, как девочки, окружив Зину и Елену Петровну, отправились покупать ёлку. Минуты две она глядела им вслед блестящими глазами: может, побежать догнать и пойти вместе с ними? Она уже сделала несколько шагов... и остановилась: а зачем? Разве они звали её?

«Звали! Вот ещё! Агатову тоже не звали, а она взяла да и пошла. Может, и мне?»

Тамара выбежала за калитку и опять остановилась.

«Даже и не оглядываются... А что, я им буду навязываться? Не буду. Стрешнева тоже хороша. То друзья на всю жизнь, а то... А может, догнать всё-таки...»

Но девочки и Елена Петровна уже скрылись за углом, и Тамара повернула домой. Ещё в прихожей Тамара услышала, что дома у них неурядица. Из столовой доносились раздражённые голоса.

– А я нахожу, что это возмутительно! – говорила Антонина Андроновна. – Я берегу девочку, чтобы никакой работы, никакой заботы, не позволяю ей носового платка выстирать! Да-да, и незачем ей это делать, у нас есть Ирина, мы ей за это деньги платим... Естественно. А тебе непременно нужно, чтобы Тамара шла к каким-то Стрешневым что-то мыть,

что-то убирать!

– Ничего позорного не вижу, – холодно отвечал отец. – Моя мать сама мыла полы, обшивала и обстирывала всех своих детей, а у неё нас было пятеро. И ничего не внушала людям, кроме уважения.

– Что ты всё говоришь мне о своей матери! Вот ещё! У твоей матери отец не был главным инженером. Какое сравнение!

– Ох, не кричи так!

Отец резко отодвинул тарелку, и что-то со звоном полетело на пол.

– Как это – не кричи? – прибавила голосу Антонина Андроновна. – Я и так всё одна. Весь дом на моих плечах, а ты даже и посоветовать ничего не хочешь.

– Я тебе уже сказал, что девчонка могла бы пойти и помочь подруге в такой день, как сегодня. Ведь там матери нет! Доходит это до тебя или не доходит? А ты боишься, как бы она ручки не запачкала...

– Если твоя мамаша мыла полы, то, значит, не надо нашей дочери создавать хорошую жизнь?

– Ах, создавай, создавай, пожалуйста! Делай из неё парикмахерскую куклу без души и сердца!.. Такую же, как ты сама!

– Ну вот, ну вот! – Антонина Андроновна заплакала. – Если я люблю культуру... если ты сам отсталый... грубый...

Отец стремительно вышел из столовой и захлопнул за собой дверь кабинета.

Тамара неподвижно стояла у вешалки, наполовину растегнув шубку. Праздничное настроение – ёлки, подарки, Новый год – сразу исчезло. Она медленно разделась и подошла к большому зеркалу. «Парикмахерская кукла»... Почему «парикмахерская кукла»? Она уже не носит клетчатого банта на голове, а форменное платье у неё такое же, как у всех девочек, только получше сшито. Почему же «парикмахерская кукла»? Может, потому, что её рыжеватые кудри копной стоят на голове? Но ведь она их приглаживает и припачивает, когда идёт в школу: ей уже не раз доставалось за эти завитки от учительницы. Так почему же «парикмахерская кукла»?

И вдруг она догадалась: «...без души и сердца!»

А-а, значит, вот почему! Но разве отец знает, почему Тамара не пошла к Зине сегодня? Разве он знает, как Зина ответила ей однажды: «Ты ко мне? А меня нет дома!»?

Горькие, противоречивые чувства кипели в сердце Тамары. Каждый раз, когда отец и мать ссорились, Тамаре казалось, что в квартиру входила тоска, наполняя все комнаты, придавая каждой вещи мрачное выражение. Так и сегодня: всё сделалось скучным и тёмным. Даже огромная ёлка, протянувшая во все стороны тяжёлые от игрушек лапы, словно скучала и томилась в углу её спальни.

Как быть Тамаре? На чью сторону стать, за кого заступаться? А ссорятся они чаще всего именно из-за неё. Как-то отец послал Тамару за хлебом (Ирина была в отпуску), но мать

не пустила её и пошла за хлебом сама. Отец тогда так рассердился, что уехал без обеда. Так же рассердился он из-за дорогого шёлкового платья, которое мать сделала ей к Первому мая. Он сказал, что девчонкам, которые ещё не знают, как зарабатывать на хлеб, незачем носить дорогие платья. Ну, мать, конечно, тоже не молчала – она так кричала на отца, что он сразу убежал из дому. Они кричали и бранились, не выбирая выражений, а Тамара так и не знала: кто же из них прав? И как ей жить на свете: так, как велит мама, или как живёт отец? Её избалованным рукам нравилось безделье, шёлковые платья ей тоже нравились... Но Тамара уже начинала понимать, что отец презирает мать за её праздную жизнь, за её самомнение, за эгоизм, за то, что от неё на земле «ни пользы, ни радости людям»... Ведь она не раз слышала всё это, при ней не стеснялись высказываться. Раньше, когда Тамара была поменьше, всё было просто: мать балует её – значит, мать и права. А на отца вообще нечего обращать внимание: он отсталый, некультурный, и считаться с ним не стоит. Даже Ирина и та с ним не считается!

Но теперь, особенно после того, как Тамара увидела своего отца на заводе и почувствовала, каким уважением и симпатией он там окружён и что как раз с ним-то очень считаются, тревожные и трудные мысли стали одолевать Тамару. Так ли уж права её мать? И такой ли уж отсталый и некультурный у неё отец? И почему директор сколько раз приглашал к себе отца на совет, а потом увозил его домой и там принимал как

гостя, а мать в это время сидела дома? Тамара слышала, как она горько пеняла отцу за это. И почему Екатерина Егоровна так любила Зинину мать, а прийти к Тамариной матери отказалась? И почему теперь – Тамара чувствует это – подруги всё дальше дальше отходят от неё самой?

Тамара сумерничала в своей комнате и думала. Алые отблески дня, горевшие в бусах и цветных ёлочных шарах, тускнели и гасли один за другим. Слышно было, как ходит за стеной мать, как Ирина убирает со стола, гремя посудой... Только в кабинете отца стояла тишина. Вдруг мать, шурша жёстким шёлком, вошла в комнату и включила свет.

– Ты здесь? – удивилась она, увидев Тамару. – Ты не обедала?

– Нет.

– А почему же? Какие странные фантазии! Может, потому, что у твоего отца мамаша нередко без обеда оставалась?

Тамара понимала, что это говорится для отца, и молчала.

– Иди обедай сейчас же! – приказала мать. – Что это за фокусы? Сидит одна и думает о чём-то, будто какой-нибудь Стократ.

Лукавое лицо Ирины, проходившей мимо с посудой, появилось в двери:

– Как, Антонина Андроновна? Как его звали?

– Кого? – гордо спросила Антонина Андроновна, чувствуя, что у неё краснеют уши.

– Ну, вот того, кто сидел и думал?.. Стократ? Может, Со-

крат?

– Делай своё дело и не лезь, где тебя не спрашивают!

Ирина тотчас скрылась, но Тамара уловила насмешливую улыбку, скользнувшую по её круглому лицу.

– Ступай обедай! – приказала Антонина Андроновна дочери. – Скоро собираться надо – Новый год встречать. Только я и заботься обо всех! Всё я да я. А больше никому и дела нет! Стократ, Сократ – подумаешь, разница!

На улице стемнело. Тамара пообедала и уселась с книгой в уголок дивана. Но ей не читалось. Шум улицы и блеск праздничных огней не проникал в её окна, плотно закрытые шторами. Вечер, от которого она ожидала столько радостей, тянулся медленно и как-то бесцельно и никаких радостей не приносил.

Между тем её мать готовилась к банкету. Новое ярко-фиолетовое платье лежало на кресле, широко раскинув модные рукава. Антонина Андроновна причёсывалась перед зеркалом.

– Тамара, что же ты сидишь? – укладывая крутые локоны, спросила она. – Ты бы хоть платье примерила. А вдруг что не так? Тогда в последнюю минуту и начнётся горячка!

– В последнюю минуту я лягу спать, – ответила Тамара.

Антонина Андроновна чуть не выронила щипцы из рук:

– Что такое? Ляжешь спать?

– Да.

– А что же к Шурочке?..

– Она меня не звала.

– Вон как! – Антонина Андроновна начала яростно накручивать на щипцы прядь волос. – Знаться не хотят! А кого же они позвали, интересно?

– Никого. Они сами к Стрешневым пошли.

– Чудно! – Антонина Андроновна усмехнулась и пожала плечами. – Подходящее общество для директорской семьи! Ну так поедем, как и собирались, к Лидии Константиновне. Я тебя взяла бы на банкет, но это неудобно, неприлично!

– Я не поеду к Лидии Константиновне.

– Как? Но не сидеть же мне с тобой дома?

– Я буду сидеть одна. А ты не сиди.

– Опять фокусы! – закричала Антонина Андроновна.

Тамара заткнула уши.

Мелодично прозвенел телефон. Антонина Андроновна поспешно взяла трубку, но звали не её, а Николая Сергеевича. Она остановилась у двери и стала слушать. Тамара видела, что мать стоит и слушает, и тотчас представила, как она сама не раз подслушивала у двери. Тамара отвернулась.

– Сейчас приехать? – говорил кому-то отец. – А вы тоже у Стрешневых?.. Хорошо. А как же банкет, Владимир Никитич?.. Успеем? Хорошо, Владимир Никитич. А Стрешнева нельзя с собой утащить?.. Хочет побыть с детьми?.. Да, да. Он прав. Хорошо, еду.

– Это куда такое, разрешите спросить? – вскинулась Антонина Андроновна.

– К Стрешневу. А ты бери машину и поезжай на банкет...

– Одна? При живом муже?

– Пригласи Петушковых. Я потом приеду.

Отец оделся и ушёл. Мать, разгневанная, скрылась в спальне.

Тамара сидела в уголке дивана и прислушивалась, что делает мать. Вдруг она сейчас выйдет из спальни в своём домашнем халате, с косой, заплетённой на ночь, и скажет:

«Стрешнев хочет побыть с детьми сегодня. Знаешь, я тоже решила сегодня побыть со своей дочкой».

«Да, да, мамочка! – закричит тогда Тамара, вскочит с дивана и закружится по комнате. – Как я рада, что мы с тобой будем встречать Новый год! Мы накроем стол, поставим всё, что у нас есть, зажжём ёлку. Потом мы с тобой споём песенку, которую ты пела мне, когда я была совсем маленькая. Помнишь? Я ложилась спать, а ты около меня пела, и я засыпала... Такая хорошая песенка! Отец ушёл. Он сказал, что Стрешнев сегодня хочет побыть с детьми. А у нашего отца, значит, нет никого! Ну и ладно. А мы с тобой встретим Новый год, мамочка! Ты со мной не соскучишься, вот увидишь!»

Большие часы в столовой медленно пробили десять. Мать в ярко-фиолетовом платье с золотыми пуговицами и золотым поясом, завитая и надушённая, вошла в комнату. Тамара вскочила, но, взглянув на неё, снова забилась в угол дивана.

– Ты что? – спросила Антонина Андроновна.

– Ничего... – И вдруг спросила: – Мама, а что, если бы ты побыла дома немножко?.. Ещё рано...

Но мать, расстроенная исчезновением отца и озабоченная тем, как сидит её новое платье и не скажет ли кто, что жена главного инженера небогато одета, не обратила внимания на эти слова.

– Глупости, глупости, – сказала она, заглядывая в зеркало. – Ещё рано? Ничего. Я заеду к Петушковым... Запри дверь хорошенько и никому не открывай. Слышишь? Никому. Ирина сегодня не вернётся, а у нас есть ключ. Спокойной ночи, девочка. В буфете торт. Отрежь себе кусочек!

Тамара так и сделала. Заперла за матерью дверь, отрезала себе торта. Но что же делать дальше одной в пустой квартире в такой вечер, когда все люди веселятся?

«Твоя мама ничего не делает и никого не любит, вот и сидит одна!» – сказала ей как-то Зина. Может, и она, Тамара, тоже сидит одна потому, что не любит никого? Она – никого... И её – никто...

Ну и пусть! Тамара будет одна встречать Новый год! Она запустила радио на полную мощность, обошла все комнаты и всюду зажгла свет. Включила разноцветную сеть лампочек на ёлке, отчего ёлка зажглась серебром и блёстками... Хотела достать из буфета вина и хрустальный бокал, во оказалось, что вино и бокалы заперты. Тогда она налила в чайную чашку холодного чая. И, подойдя с этой чашкой к зеркалу, крикнула:

– С Новым годом, Тамара!

Странное отражение взглянуло на неё – растрёпанные волосы, скрутившийся в трубочку пионерский галстук, смятое платье. Тамара Белокурова, у которой сегодня нет ни матери, ни отца, – вот она какая!

Тамара поспешно убрала чашку, погасила огонь, выключила радио. Только разноцветные лампочки на ёлке оставила. И легла спать. Так она встретила Новый год, В этот вечер она особенно остро поняла, что такое остаться одной, когда у тебя нет друзей и когда никто не ждёт и не зовёт тебя...

ПЕРЕМЕНЫ

Прошли, прошумели зимние каникулы. Школьницы наши веселились как могли. Многие побывали в Колонном зале Дома союзов на ёлке. Зина с ребяташками тоже ходила. И долго все трое рассказывали отцу, каких чудес они там нагляделись. Они видели ёлку ростом с большой дом, и ёлка эта не стояла неподвижно, а медленно кружилась и вся блестяла. Они плясали там со Снегурочкой и с Котом в сапогах; у Кота были длинный хвост и красная шляпа с пером. Там был клоун, который играл на гармошке, дудел в дудку и в то же время стучал в медные тарелки... И там в кукольном театре бегала мышка. А всем ребятам раздавали золотые и серебряные шапочки. Антон свою шапочку уронил и сам же наступил на неё нечаянно. А Изюмка свою принесла – вот она!

Подруги собирались и толпой ходили на каток. То-то радость, то-то веселье мчаться под музыку по зеркальному льду, в котором сияют, словно в тёмной воде, отражения больших фонарей...

Ходили в кино. Побывали в кукольном театре. Ездили в Третьяковскую галерею.

Зина в Третьяковской галерее была первый раз. Да, пожалуй, и никто из девочек не бывал здесь раньше. Школьницы сбились в кучку, стараясь не отстать от Ирины Леонидовны и

боясь потеряться в толпе. Экскурсовод вёл их из зала в залу, объяснял, кто написал эти картины, чем эти картины замечательны, рассказывал, как они были написаны... Зина жадно слушала, боясь проронить слово, старалась всё понять, всё запомнить; некоторые картины она радостно узнавала. Вот мишки – «Утро в сосновом лесу» Шишкина. А вот «Берёзовая роща» Куинджи – репродукция с этой картины висит у них в классе. Вот и репинские «Бурлаки» тянут тяжёлую баржу, вот и «Алёнушка» Васнецова – печальная девушка на камне у тёмной воды...

Царство картин, неведомое и прекрасное, встало перед Зиной, окружило и ошеломило её. Оттого, что хотелось всё увидеть и запомнить, заболела голова. Внимание притупилось. И Зина сердилась на себя за то, что начинает проходить мимо некоторых картин не глядя... Но дошли до картин Левитана, и Зина встрепенулась снова. Школьницы посмотрели их и пошли дальше. А Зина осталась. Она не заметила, как ушла экскурсия. Фатьма потянула её за руку, но она сказала: «Сейчас, сейчас», а сама всё стояла и глядела на неподвижную воду омута, на золото берёзок над синей водой, на первую весеннюю зелень... Девочки потом еле отыскивали Зину, а она стояла перед этими картинами, как во сне.

– И что ты в них увидела? – небрежно сказала Тамара. – Тут даже и людей нету.

– Зина, а правда, почему ты тут стояла? – спросила её Маша Репкина. – Вот Иван Грозный убил сына – это да! А что

туж стоять?

– Не знаю, – ответила Зина.

– Моей маме тоже, наверно, эти картины понравились бы, – сказала Фатьма. – Она очень любит деревья.

«А правда – почему?» – думала Зина. И не знала почему. Она чувствовала только, что новый мир открылся перед ней, волнующий мир красок, настроений, мир, куда бессознательно всё время тянется её душа...

«Я ещё приду сюда, – решила Зина, – обязательно приду! Приду одна и буду глядеть сколько захочу. Завтра же приду!»

Но на завтра Зине не удалось прийти в Третьяковскую галерею: оказалось, что дома кончились крупа и масло, надо было идти на рынок и в магазины. И послезавтра не удалось – у Антона прохудились локти на курточке: надо было зачинить. Очень долго чинила Зина эту курточку; всё получалось как-то нескладно: то заплатка велика, то заплатка мала, то стягивается кульком – как же Антон наденет такую? Потом надо было ребятам постирать чулки; а стала стирать – увидела, что их и штопать нужно. Мелкие хозяйственные дела обступили Зину со всех сторон, а руки у неё были ещё неопытные, неумелые, и что мама делала между прочим – у Зины отнимало много труда и много времени. Иногда ей очень хотелось бросить всё и убежать к подружкам: к Фатьме, к Шууре, к Маше Репкиной... У Маши всегда затевались какие-нибудь игры – народу в семье было много. Или пойти к Си-

ме Агатовой? Там тоже было не скучно: Костя созывал своих товарищей, устанавливал аллоскоп и показывал картины, как в кино.

Убежать? А Изюмка пусть ходит с оторванными пуговицами? Недавно Анна Кузьминична увидела, что у Изюмки оборвался шнурок на ботинке, и начала вздыхать: «Эх, без матери-то! Всё вкривь да вкось!»

Ну нет! Не будет у них всё вкривь да вкось! Зина не бросит всё и не убежит к подружкам. Что же делать, ведь она старшая сестра!

В свободные минуты тянуло рисовать. Рисовала что придётся: тропический лес, возникающий на морозном стекле, цветок на окне, освещённый солнцем, луга и берёзки над синей речкой, которые часто мерещились ей...

Но свободных минут этих было так мало! А когда кончились каникулы, то их не стало совсем. Зина вымыла кисти, сложила бумагу и краски и убрала в ящик своего стола. В ящике она увидела засохшую жёлтую веточку дуба с потускневшими жёлудями. Зина взяла её в руки – сразу вспомнились обещания в лесу: «Пусть будет наша дружба крепка, как этот дуб!» Зина улыбнулась: какая маленькая и глупая девочка была она тогда! И небрежно бросила веточку на стол.

«Кто был со мной, когда пришла беда? Кто настоящий друг – тот и был. А кто клялся на всю жизнь – ту я и не видела. Да и я сама... «На всю жизнь»! Тамара... А где она? Я Фатьме не обещала. И Фатьма мне не обещала. И правда,

зачем обещать? Мы и без обещания никогда не разлюбим друг друга».

И чтобы дубовая веточка не напоминала больше ни о чём, Зина открыла форточку и выбросила её за окно.

После Нового года, в первый же день занятий, шестой класс услышал неприятную новость: Елена Петровна тяжело заболела, и к ним в шестой пришла Вера Ивановна. Когда Вера Ивановна вошла в класс и, окинув девочек светлыми глазами, сообщила это, над партами пронёсся встревоженный вздох.

– А что с Еленой Петровной? – раздались голоса. – А когда она придёт?

Вера Ивановна спокойно поглядела на всех:

– Когда хотите спросить – поднимайте руку. И, обращаясь к учительнице, надо вставать. Разве вы этого не знаете?

Сима Агатова подняла руку.

– Встань и скажи, что ты хочешь, – сказала Вера Ивановна.

Сима встала. Смуглое лицо её жарко загорелось.

– Я хочу узнать, чем заболела Елена Петровна. Потому что мы её очень любим и...

– У Елены Петровны воспаление лёгких, – ответила Вера Ивановна, – и вернётся она в класс тогда, когда будет здорова.

Вера Ивановна прошлась от стола к окну, от окна к столу. Класс молчал.

– Надеюсь, вы каникулы не пробежали зря, – сказала она. – Полагаю, что вы читали, повторяли пройденное, готовились к занятиям? Наша главная задача – овладеть знаниями. И я надеюсь, мне не придётся напоминать вам об этом. А теперь начнём урок.

Зина слушала, поджав губы и опустив ресницы. Елена Петровна больна! Милая, добрая Елена Петровна! Зина только сейчас почувствовала, как ей нужно, как необходимо тёплое внимание их дорогой учительницы, и поняла, что эта учительница действительно дорога её сердцу. Уже напуганная одной страшной катастрофой в своей жизни, она ждала и здесь какой-то беды. Скучными, мрачными показались ей грядущие дни. Елены Петровны не будет у них. А Вера Ивановна, которую Зина боялась и сжималась в комок, когда та вызывала её отвечать, и от взгляда которой делалось холодно, – эта Вера Ивановна теперь будет всё время у них. Всё время, каждый день!

Зина оглянулась на девочек и увидела на их лицах то же выражение печали и разочарования. Казалось, родной класс утратил свою приветливость, и даже в «Берёзовой роще» на стене словно потускнело солнце В тот же день Сима Агатова, Шура, Фатьма и Зина побежали к Елене Петровне.

Дверь открыл долговязый подросток, с белокурыми волнистыми волосами, с торчащим на макушке завитком и тёмно-карими, такими же, как у Елены Петровны, глазами. Весь он был немножко несуразный – широкоплечий не по возраст-

ту, ноги он ставил как-то носками внутрь, из рукавов вязаной курточки далеко вылезали крупные руки, с широкими запястьями – сразу видно, что курточка становилась ему мала. Он снисходительно, с высоты своего роста, поглядел на девочек:

– К Елене Петровне?

– Да! – ответила за всех Сима.

– Она в больнице. Только вы туда не ходите – к ней вас не пустят.

Девочки молчали, переглядывались. Так и уйти, ничего не узнав?

– Вам ясно? – осведомился подросток и поглядел на девочек – на каждую по очереди.

У него была какая-то своя, особая манера глядеть: ясные глаза ничего не выражали, губы складывались без улыбки – маленькая верхняя губа плотно прилегала к толстой нижней губе. И ничего не понять было по его лицу: рад ли он, что девочки пришли к Елене Петровне, или, наоборот, досадует на это. И тон такой категорический, что поворачивайся да уходи.

Но Зина никак не могла уйти, ни о чём больше не спросив.

– А как же нам узнать о здоровье? – нерешительно произнесла она. – Нам очень нужно!

– Нам очень нужно! – повторила и Фатъма, испугавшись, что он сейчас выпроводит их, ничего не ответив.

– Можете позвонить. Мы с мамой... Вернее, то я, то мама

каждый день бываем в больнице.

– А как вас зовут? – осмелев, спросила Сима. Даже на неё подействовало это холодное, сдержанное обращение. – Вы родственник?

– Меня зовут Артемий. Я брат. Ещё вопросы будут?

Тот же ясный, ничего не выражающий взгляд, те же плотно сложенные губы. Только широкая бровь с маленьким шрамчиком у виска чуть приподнялась, словно спрашивая и ожидая ответа.

– Нет, не будут! – ответила Сима. Что-то сердило её в этом человеке, и она, резко повернувшись, распахнула дверь.

Шура и Фатьма, пробормотав «до свиданья», поспешили за нею. Но Зине было всё равно, как смотрит и как разговаривает этот суровый «брат». Она думала только об Елене Петровне.

– Скажите, а она очень больна? Очень сильно?.. А может, всё-таки в лёгкой форме?.. – спросила она, заглядывая ему в глаза.

– Мы с мамой думаем, что поправится. Она должна поправиться... – ответил он.

И вдруг Зина заметила, что в его лице что-то жалобно, поребачьи, дрогнуло.

– Я буду звонить вам. Ладно?

– Звони. – Он поерошил рукой свои пепельно-светлые волосы, словно собираясь сказать ещё что-то, но только нахмурился чуть-чуть и повторил: – Звони.

И закрыл за девочками дверь.

– Ну и воображала! – возмущалась дорогой Сима. – А само что? Ну, восьмиклассник – и всё. А воображает!

– Смешной какой-то, – добродушно улыбалась Шура. – Неуклюжий!

– Косолапый медвежонок! – вторила ей Фатьма. Зина молчала. Артемий понравился ей. У него глаза совсем такие же, как у Елены Петровны.

Вскоре и ещё одна перемена произошла в жизни: Зина стала плохой ученицей.

Как же это случилось? Как произошло, что у круглой пятёрочки Зины Стрешневой появились тройки? И чем дальше, тем больше троек, они постепенно вытесняли последние пятёрки из её табеля.

Случилось это не сразу. Дни шли за днями, и в классе, где шла своя кипучая жизнь, постепенно отошло на какой-то далёкий план тяжёлое событие, которое ворвалось в жизнь ученицы Зины Стрешневой. Бывает так: попал человек в яму – его вытащили. Может быть, ценой больших усилий, но вытащили. И беда кончилась. Или заболел человек тяжело: его вылечили, выходили – и опять беда кончилась. Но то, что случилось у Зины, не могло кончиться. И, может быть, легче совершить ради друга героический поступок, даже подвиг, чем изо дня в день помнить о каких-то мелочных заботах и неурядицах, которые твоего друга одолевают. У каждого человека свои дела и свои заботы. То надо готовить уроки, то

надо помочь маме – помыть посуду, сходить в магазин. То слишком хороша погода на улице и слишком заманчиво блестит лёд на катке – ну как же не сбегать, не покататься! А там – пионерские поручения, школьные дела... Да мало ли...

Так понемножку всё реже и реже стали приходиться к Зине подружки помогать ей в хозяйстве.

Ирина Леонидовна в первые дни очень горячо интересовалась жизнью Зины, забежала к ней домой, подбадривала её. А потом тоже остыла – у старшей вожатой ведь так много дел, в школе такая большая пионерская дружина! Дела эти шли, как шумный, пёстрый поток: то сборы, то приём в пионеры, то стенгазеты, то экскурсии... Где же ей взять времени для Зины?

«Время всё лечит, – повторяла она старую пословицу, успокаивая себя. – И ведь Зина не одна. Зина в коллективе!»

А Елены Петровны, которая каждый день спрашивала: «Девочки, а не забыли вы Зину Стрешневу?», у них уже не было.

Елены Петровны не было долго. На звонки из школы отвечали сдержанно: «Опасность миновала, но с постели вставать нельзя. Придётся полежать». Придётся полежать!.. Да сколько же ещё придётся лежать ей?

Шестой класс казался сиротой в школе. Вера Ивановна не могла заменить Елену Петровну – у неё был свой класс, пятый «А», и она не знала как следует девочек шестого, ей не хватало времени узнать получше каждую из них. А уж если

говорить правду, то и особого желания не было. У неё есть свой пятый – и хватит с неё. А с шестым – как-нибудь. Ведь она же тут временно.

Девочки видели это и понимали. И тоже так думали: это временно, Вера Ивановна от них всё-таки уйдёт. И если бы эта холодная, уверенная в себе Вера Ивановна знала, как они ждут не дождутся этого дня!

Если бы она знала это, она бы очень удивилась и огорчилась. Почему так? Разве она к кому-нибудь несправедлива? Разве она обидела кого-нибудь? Разве она отступает от правил школы? И никак бы она не могла понять, что для всех детей – и маленьких и больших – важно не только, чтобы с ними были справедливы и не отступали от правил, но и чтобы интересовались их жизнью, радовались их радостям, сочувствовали горестям, а проще всего сказать – чтобы их любили!

Марья Васильевна, понимая это, стала сама то и дело наведываться в шестой класс.

– Что же это у вас стенгазета всё ещё прошлогодняя болтается? – сказала она как-то, остановив Машу Репкину на большой перемене. – Почему же так?

Маша покраснела, оглянулась на Шуру Зыбину, которая стояла рядом, на Олю Сизову... Те молчали.

– Потому что Катя Цветкова – она редактор – то приходит в класс, то не приходит. Она болеет. И заметок мало. А потом, Зина Стрешнева никак не может заголовок нарисовать

– ей некогда... Вот и газеты нет.

– Эх, вы! – Марья Васильевна покачала головой. – Значит, у вас дело на Кате да на Зине повисло? А помощники где же? Редколлегия? Актив?..

Замечание Марьи Васильевны было как искра, брошенная в костёр. Машу окружили девочки из шестого, пошли разговоры, расспросы. Тут же решили, что если Катя болеет, то член редколлегии Шура Зыбина заменит её, а заголовок нарисуют Оля Сизова и Мотя Щеглова – они тоже неплохие рисовальщицы.

Мимо прошла Вера Ивановна, молча посмотрела на эту кучку шестиклассниц, громко щебечущих о чём-то, и вернулась:

– Что случилось, девочки?

– Мы хотим выпустить новую стенгазету, – ответила ей Маша.

Вера Ивановна кивнула головой:

– Конечно, конечно. И давно бы надо! – и пошла дальше.

А девочки тотчас забыли о ней, продолжая обсуждать свою будущую газету.

Как-то заговорила Марья Васильевна и с Зиной Стрешневой. Увидев её в коридоре, Марья Васильевна подошла к ней:

– Зина, как ты поживаешь? Как у тебя дома, девочка? Как ты справляешься?

– Ничего, – застенчиво ответила Зина.

– Ты почему такая бледная? Устаёшь, наверно? А девочки

помогают тебе?

Заботливый голос Марьи Васильевны, теплота её глаз, нежное прикосновение руки – всё это взволновало Зину.

«Я очень устала, – хотела ответить Зина, – очень я устала! Девочки ходят ко мне редко, часто ходит только одна Фатьма... Она помогает мне, но мы ничего не успеваем. И уроки делать я не успеваю тоже...»

Так бы она хотела ответить. Но вместо этого опустила глаза и промолчала. Если девочки услышат, что она жалуется, – хорошо ли это будет? Если Марья Васильевна узнает, что девочки почти перестали помогать Зине, то не будет ли неприятностей её подругам? А неприятностей Зина им не хотела – они тогда были добры к ней, они много заботились о ней, много помогали... И Зина ответила:

– Нет, ничего. Я справляюсь... И Фатьма приходит.

Но Марья Васильевна, внимательно глядя ей в глаза, покачала головой. Нет-нет, не так благополучно у этой девочки, как она говорит! Может быть, Елене Петровне сказала бы всё, как есть, а ей, директору, сказать стесняется.

Не откладывая дела, Марья Васильевна вызвала к себе Веру Ивановну.

Вера Ивановна вошла к ней с толстой тетрадкой в руках.

– Мои наблюдения, – сказала она Марье Васильевне, – когда-нибудь пригодятся молодым учителям. Это о девочках шестого класса.

– Можно?

Марья Васильевна раскрыла тетрадь Веры Ивановны. «Сима Агатова слишком много и громко смеётся – это изобличает легкомыслие характера. Она председатель совета отряда – это ошибка. Председателем должна быть Алла Сергеева, она скромна, тиха и умеет вести себя прилично...»

– Алла ленивая! – заметила Марья Васильевна, прочитав эти строчки. – Она вялая, безынициативная. А разве председателю совета отряда надо непременно быть тихим? Разве в этом главное качество пионера? Да с Аллой весь отряд просто заснёт!

– Я думаю иначе, – возразила Вера Ивановна.

«...Благородная девочка Тамара Белокурова. Недавно она сказала: «Перед лицом друзей моих обещаю, что выставка нашего класса будет самая лучшая в школе!» Такие слова может произнести только человек с высокой душой...»

– Такие слова может произносить и пустой, самонадеянный человек тоже, – сказала Марья Васильевна.

Вера Ивановна взяла тетрадь из её рук:

– У нас разные взгляды.

Марья Васильевна пожала плечами:

– Возможно. Только, пожалуй, я этих девочек знаю лучше... Но я вас попросила вот зачем. Там у вас – Зина Стрешнева. Сирота. У неё недавно умерла мать.

– Знаю, – сказала Вера Ивановна. – Так что же?

– Так вот: что-то очень плохой вид у неё. Боюсь, что трудно ей приходится. Надо бы проследить, помогают ли ей пио-

нерки. Ведь девочек много. Если забежит одна, другая – Зине будет гораздо легче. В таком случае, как у Зины, нельзя ограничиться, так сказать, «кампанией», тут всё время надо помнить о ней, поддерживать...

Марья Васильевна подняла глаза и встретила холодный взгляд Веры Ивановны.

– Я поговорю с ней. Но, – круглые брови Веры Ивановны поднялись к самым волосам, – у меня метод воспитания другой. Я считаю, что не надо расслаблять человека всякой помощью и поддержкой, а надо закалять его. Пионер должен быть сильным и закалённым.

Марья Васильевна мягко остановила её:

– У всякого свой метод воспитания. У вас – свой. У меня – свой. А так как руковожу школой я, то давайте применять мой метод. Хорошо?

– Я схожу, – коротко ответила Вера Ивановна и вышла из учительской.

Зимний день играл морозными искорками на стёклах. Зина стояла у плиты и задумчиво глядела на эти искорки, машинально помешивая кашу.

«Что сначала – сделать уроки или убрать комнату? – думала она. – А на улице как хорошо... Девочки сегодня собирались в Зоопарк... Красиво там, деревья в инее и снежок хрустит под ногами. А что, львы боятся морозов? Наверно, боятся. Они привыкли в пустынях жить... Да, так что же сначала? Повторю географию. Завтра география, а я ещё

и прошлый урок не выучила, спутала всё... К завтраму обязательно подготовиться надо, обязательно, а то совсем провалюсь!.. Или всё-таки комнату убрать, а уроки вечером? А то отец придёт – ничего не убрано...»

Запахло горелым. Зина поспешно сняла кастрюлю с огня.

В коридоре тотчас послышалось знакомое шарканье туфель Анны Кузьминичны.

– Опять горит что-то? Эх ты, хозяйка! Стоит у плиты – и спит. Полну квартиру гари напустила.

– Чуть-чуть, – негромко возразила Зина.

Но лучше бы не возражала. Анне Кузьминичне хотелось поговорить, а не с кем было. Ну, хоть поворчать на Зину – и то разговор. И Зина должна была выслушать, что в старину в её годы девчонки в поле работали и за станками на фабрике стояли, копейку для дома зарабатывали, а она вот не умеет даже кашу сварить! Зина не отвечала. Она начинала привыкать к воркотне Анны Кузьминичны. А главное – боялась, как бы старуха не начала жаловаться на неё отцу. Отца нельзя расстраивать – он на опасной работе.

«...Знаешь, какая у него работа опасная! – Зина каждый раз словно наяву слышала эти слова матери. – Расстроится, задумается, а раскалённая полоса и вырвется из рук и опояшет...»

Зина молчала. Она поставила на огонь большую кастрюлю с супом и пошла убирать комнату. В открытую форточку хлынул морозный воздух, и Зине опять захотелось на улицу,

на каток, к Фатьме. Хоть бы снег повозить вместе с нею и с тётёй Даримой!

Зина уже научилась быстро готовить свой незатейливый обед, быстро убирать комнату и справляться со всеми хозяйскими делами. Пол в комнате уже не был грязным и запущенным, как прежде. Зина каждый раз протирала его сырой тряпкой. Скатерть тоже была чистая – Зина приноровилась вовремя относить в прачечную бельё. Убравшись в комнате, она полила и сбрызнула цветы. Всё хорошо – свежо, чисто убрано!

«Теперь – за географию!»

Но взглянула на часы – какая там география! Скоро уже и отец с Изюмкой придут. И когда это пролетело время? И когда успели погаснуть искорки на морозных стёклах? А тут ещё Антон убежал куда-то. Разболтался парень, где-то ходит по целым дням, а Зина и не знает где. Что с ним делать? Ну ладно, сегодня Зина как следует поговорит с ним.

Антон явился поздно, когда уже и Изюмка и отец были дома. Отец встретил его сурово.

– Ты что – уже взрослый? – спросил он нахмурившись. – Можешь жить самостоятельно? Если ты так считаешь, то можешь и вообще не приходить домой!

Антон сопел носом, ковырял пальцем дырочку на обшивке дивана и не поднимал головы.

– Ну, что молчишь? – продолжал отец. – Где был?

– Там, у Федьки Клеткина голуби... На том дворе... – на-

чал Антон, еле удерживая слёзы. – Он их гонял... А потом турман улетел... Мы искали...

– Вот в следующий раз запомни, – отец хлопнул ладонью по столу: – если это повторится, домой не приходи! Так и живи тогда у Клеткина вместе с турманами...

Антон помолчал немного и, вдруг всхлипнув, громко заревел – он представил, как страшно и холодно будет ему с турманами на тёмном чердаке.

– Папочка, он больше не будет! – закричала Изюмка и тоже заплакала.

– Ну, а ты чего? – смягчился отец. – Ты-то ведь из дому не бегаешь?

– Он тоже не будет бегать, – вступилась за Антона Зина. – Правда, Антон?

Зина уже и сама готова была заплакать от жалости, хотя только что крепко сердилась на Антона. И, стараясь, чтобы все поскорее забыли об этой ссоре, она весело сказала:

– Сейчас обедать будем! Ах, и суп же у нас сегодня! С грибками, со сметаной!.. Мойте руки, ребята, садитесь!

Антон, который пробежал целый день на морозе, первым побежал мыть руки и первым уселся за стол.

– А после обеда смотри не засыпай! – предупредила Зина. – Не дам спать, пока уроки не сделаешь.

– Ладно, – бодро ответил Антон.

Однако пришлось помучиться с ним Зине, пока он приготовил свои уроки. Антон решил, что засыпать не будет, а

сон одолевал его. Отец ушёл на политзанятия, а если бы он был дома, то, наверно, опять рассердился бы на Антона.

Но вот наконец прошёл день. Тихо в квартире. Ребята спят. Посуда вымыта. Теперь можно и за географию!

Зина уселась за стол, раскрыла учебник, разложила карту. Синие моря, жёлтые пустыни, зелёные степи, звёздочки и кружочки больших городов... Зина любила географию, любила рассматривать рисунки в учебнике и старалась представить: а как это всё выглядит в жизни? Здесь было раздолье для мечтаний. Земля – огромный неведомый мир, полный чудес и неожиданностей. Как бы хотелось увидеть своими глазами всё – и сполохи северных сияний, и друзья хрусталя в недрах гор, и плеск синих морей, и тесные улицы восточных городов, где рядом с машинами проходит верблюд... С каждым уроком всё новые и новые картины жизни земного шара раскрывает перед ними учительница географии Софья Николаевна. Как интересно она рассказывает! Учебник лишь скупо, краткими фактами подтверждает её рассказы.

«Сейчас выучу за прошлый урок. А потом – за сегодняшний...»

Зина жадно принялась перечитывать заданный урок.

«Азия – огромная часть света; она занимает несколько меньше трети всей поверхности суши и около одной двенадцатой всей поверхности Земли...»

Показалось, что неудобно сидеть. Зина забралась на стул с ногами, подпёрлась рукой и продолжала готовить урок.

«...На юге полуостровов Малакка доходит почти до экватора...» – Зина зевнула. – «Малакка доходит до экватора...» Ой, как устала, оказывается, и как хочется спать! Нельзя, нельзя спать, не смей! «Доходит... до экватора...»

Песчаные барханы пустыни заперестрели перед глазами. Экватор... Солнце над головой и никакой тени. Усталый караван пробирается через пески... Зелёные пальмы, вода... Как много воды и как она блестит на солнце – режет глаза...

Зина во сне отворачивается от света лампы, закрывает ладонью глаза...

Отец вошёл, посмотрел на Зину, и лицо его затуманилось. Он тихонько тронул её за плечо:

– Дочка...

Зина тотчас проснулась. Она провела рукой по лицу и откинула со лба белокурые прядки растрепавшихся волос.

– Дочка... как же ты? – каким-то виноватым голосом сказал отец. – Видно, совсем замучилась?

Зина поспешила улыбнуться:

– Что ты, папа! Просто повторяла географию, да вот... заснула! Как маленькая всё равно...

– А ты успеваешь ли уроки-то учить? – спросил отец.

– Конечно, успеваю, – ответила Зина как можно увереннее. – Всё успеваю, ты не беспокойся.

– Мужественный ты у меня человек! – сказал отец и вздохнул. И, взглянув на часы, добавил: – А теперь иди спать.

– Я вот ещё хоть страничку...

– Нет-нет! – Отец решительно закрыл учебник. – Завтра вставать рано.

Зина проворно сложила книги и ушла в спальню. Отец задумчиво проводил её взглядом:

«Мужество – мужеством. Но сил-то хватает ли?»

И – уж который раз! – горько упрекнул жену:

«Ах, что же ты... ну что же ты наделала!..»

Зина так и не успела выучить географию и получила двойку. Первую двойку за всю свою жизнь.

Маша и Фатьма провожали её домой. Они утешали её, говорили хорошие, ласковые слова, стараясь подбодрить... Зина не отвечала и словно не слышала, что они говорят.

– Ничего, – говорила Маша, – ты лучше позанимайся, и опять у тебя будут четвёрки и пятёрки... Ты немножко заценилась, наверно!

Зина молчала.

– Я буду к тебе почаще ходить, – ободряла её Фатьма. – Вот не пришла я вчера – ты и не успела выучить. Это я виновата. Это моя двойка, не твоя! Но теперь обязательно буду приходить! Буду тебе картошку чистить, за хлебом бегать!..

Зина молчала. Слова подруг летели мимо её ушей. Ей было всё равно – одна двойка, две, три... Всё равно. Теперь уже всё пошло вкривь и вкось, и не остановишь этого и не поправишь.

Маша и Фатьма проводили её до дому. Фатьма хотела что-нибудь поделать по хозяйству, но Зина сказала, что ничего не

надо, что она всё сделает сама. Ей хотелось остаться одной и чтоб никто её не трогал. Она машинально накормила ребят, убрала посуду.

– Уроки вместе будем делать? – спросил Антон.

– Делай один, – ответила Зина, – нам не задали.

Отец, придя с работы, сразу увидел, что у Зины что-то случилось. Он тревожно поглядывал на неё и молчал. И лишь поздно вечером, когда Зина уложила ребят, позвал её и посадил против себя за стол:

– А теперь, дочка, скажи мне всё.

Зина попыталась улыбнуться, но отец остановил её движением руки:

– Не обманывай меня. Говори.

У Зины сбежала улыбка с лица.

– Я получила двойку сегодня...

У неё вдруг задрожали губы, и слёзы брызнули из-под крепко зажмуренных ресниц.

– Так... – Пальцы отца нервно забарабанили по столу. – Так... Довели мы тебя... Как же это я не подумал раньше? Растерялся, видишь ты, растерялся я немножко... Виноват я в этом.

– Папочка, что ты говоришь! Как же вы меня довели? Я просто не выучила... И в тот раз не выучила...

– Дай-ка мне табель.

Зина достала табель и подала отцу.

– Так, – снова повторил отец, просмотрев табель. – Конеч-

но, больше так нельзя.

– Я буду учить уроки, папочка!

– Конечно, будешь. Только дальше так жить нельзя. Так мы тебя не только в двойки, а прямо в гроб загоним! Посмотрела бы на нас мать в эту минуту – ох, и досталось бы мне за тебя!

– Что ты, папочка...

– Нет, нет, довольно. Давай посоветуемся, как нам быть. Я вот думаю: не позвать ли нам к себе из деревни бабушку? Пусть она живёт у нас, варит обед, за ребятами смотрит...

– А я?

– А тебе учиться надо, дочка. Ты будешь помогать ей. И будешь учиться.

Отец помолчал, дожидаясь ответа Зины.

– Ну, как же – позовём бабушку? – ещё раз спросил он.

Зина посмотрела на него и кивнула головой:

– Давай позовём, папочка. Я очень устала. Ох, и до чего ж я устала, папочка!

БАБУШКА

О бабушке Устинье у Зины сохранились неясные, полусказочные воспоминания. Зина была совсем маленькая, такая же, как Изюмка, когда они с мамой ездили к бабушке в деревню. Тогда всё казалось волшебным, нереальным, как во сне. Зина помнит бабушку Устинью в огороде, среди смородиновых кустов, а кусты огромные, выше Зининой головы. Зина влезла под эти кусты, в зелёный полумрак, а там висело множество чёрных круглых, как бусы, ягод. И эти ягоды можно было рвать – рви сколько хочешь! Только надо спросить у бабушки...

Помнит Зина солнечный огромный луг, такой огромный, что если собьёшься с тропинки, то и потеряешься. На этом лугу росли необыкновенные цветы, красные, белые, лиловые, и такие они крупные были, что лишь несколько штук помещалось в Зининой руке. Зине хочется побегать по траве – здесь можно бегать, никто не запрещает. Хочется сорвать вон тот розовый цветок, что покачивается на бугорке, и вон тот, в серебристых серёжечках... Но надо поспевать за бабушкой Устиньей, которая широким шагом, не оглядываясь, идёт впереди по тропинке, а то отстанешь и останешься одна... Зина тогда очень боялась остаться одна, да ещё среди такого огромного луга! Надо было поспевать за бабушкой и не жаловаться, что устала: бабушка не любила, когда устают.

Помнится Зине светлая речка с белым песком и маленькими рыбками... Бабушка Устинья стоит на камне и колотит вальком бельё. А Зина, робко переступая, бродит по мелкой воде, пугая рыбок, и смотрит, как у того берега тихонько колеблется тёмная тина и зелёная осока, кивая, нагибается к воде и опять выпрямляется. И Зина старается понять: кто же там сидит, на тёмном дне, и трогает осоку?..

Мама почему-то слишком скоро увезла Зину из этого волшебного мира, полного необыкновенных тайн и неожиданных радостей. Может, потому, что бабушка из-за чего-то накричала на неё...

Видела Зина бабушку Устинью и ещё один раз. Как-то утром, когда Зина ещё в одной рубашонке сидела в постели, бабушка вдруг вошла в спальню с красными и лиловыми маками в руках... Как обрадовалась ей Зина, как бросилась ей на шею! А потом, позже, почему-то поняла, что мама ей не очень обрадовалась и что сама-то Зина не столько бабушке обрадовалась, сколько тому, что явилась она из того прекрасного мира, который так и остался для Зины полным очарования...

И вот много лет прошло. Зина выросла, и ребятишки появились в доме, а бабушка Устинья так и не приезжала больше. И мама не ездила к ней. Отец иногда отпрашивался в отпуск к бабушке Устинье – «походить по траве», как он говорил, половить рыбки. Но мама – нет, никогда. Она говорила: бабушка живёт далеко, лучше снять комнату под Москвой –

солнце и тут такое же и зелень такая же. Отец не спорил. И теперь, вспоминая всё это, Зина поняла, что мама и бабушка в чём то на всю жизнь не ладили друг с другом...

Зина вертела в руках только что полученный голубой конверт, на котором крупными неровными буквами был написан их адрес.

– А что, если открыть? – сказала Фатьма. – А может, она уже выехала, её встретить надо?

– Нельзя. – Зина положила конверт на стол. – Чужие письма не открывают.

– Ну, а если нужно? – настаивала Фатьма.

– Всё равно нельзя. Не могу я... – Зина отложила письмо на комод, подальше от соблазна. – Лучше давай приберём почище, а то скажет – грязно у нас...

Зина радовалась приезду бабушки. С бабушкой хорошо! Вон у Симы Агатовой бабушка всё хлопочет по дому, всех кормит, за всеми смотрит, заботится... А по вечерам, когда свободна, рассказывает ребятам сказки. Как бы они жили без бабушки?

А теперь и у них будет бабушка. Она будет сама хлопотать по хозяйству, обо всём заботиться. Зина только теперь созналась самой себе, как надоели ей и плита и посуда. Она станет помогать бабушке, конечно станет – и за покупками ходит, и посуду вымоет. Что бабушка скажет, то Зина и делает. Только бы не думать каждое утро: а что сегодня сварить на обед, а чем накормить ребят, а не пора ли нести бельё в

прачечную... Обо всём этом будет думать бабушка, а Зина будет думать об уроках, о стенгазете, о рисовании... Порисовать! Ой, как давно не доставала Зина из стола свои краски!

– Послушай-ка! – вдруг окликнула её Фатьма, бросив на диван взбитую подушку. – А что, если нам сейчас сбегать к твоему отцу на завод. А?

– Правильно! – обрадовалась Зина. – Как мы сразу не догадались!

Девочки быстро оделись и, захватив голубой конверт, исписанный крупными буквами, побежали на завод.

– Только скажите, что плохого ничего не случилось, – предупредила Зина дежурного в проходной завода, который взял телефонную трубку, чтобы вызвать Стрешнева. – Мы получили письмо от бабушки – вот и пришли. А плохого ничего, а то он ещё испугается...

Дежурный переговорил по телефону и подозвал девочек:

– Отец велел вскрыть конверт и прочитать, а сам он выйти сейчас не может.

Тут же, выйдя из ворот, девочки вскрыли конверт.

«Здравствуйте, дорогой мой сын Андрей и дорогие внучки мои Зинаида, Антон и Катя! Желаю, чтоб вам бог послал здоровья...»

«Бог послал!» – улыбнулась Зина.

«Вы пишете, чтобы я приехала. Когда всю жизнь прожили, то я была тебе, сынок, не нужна. А как нужда приспела, то и мать вспомнили. Трудно мне

тревожить свои старые кости – ну, бог даст, соберусь с силой. Колхозники наши во вторник повезут в Москву картошку на рынок и меня захватят. Во вторник и приеду. Затем до свидания, желаю всего хорошего и в делах ваших успеха.

Устинья Стрешинева».

– Во вторник! – Зина и Фатьма поглядели друг на друга. – Завтра, значит!

Неожиданно какое-то неприятное, смутное чувство тронуло сердце Зины.

– Я боюсь! – вырвалось у неё.

– Что ты! – удивилась Фатьма и засмеялась. – Чужая она, что ли? Своей бабушки боится!

Вечером пришла Дарима.

– Хочу ваше хозяйство проверить, – сказала она отцу, улыбаясь и сверкая зубами. – Новая хозяйка приедет – ругать будет. Там грезно, там плохо... Надо, чтобы квартира как зеркало блестела!

Проворные, сильные руки у Даримы! Всё она перебрала, всё заново перемыла, перечистила. Нестираные Антоновы рубашонки и платьца Изюмки забрала с собой: «Выстираю дома...»

А наутро приехала бабушка. Дома никого не было. Соседка Анна Кузьминична открыла ей дверь, помогла втащить узлы и корзинки. Бабушка вошла в комнату, взглянула в один угол, в другой.

– Что ж это – и перекреститься не на что! – сказала она. – Эхе-хе, выгнали бога, а потом обижаемся, что жить тяжело...

– Вот именно! – подхватила Анна Кузьминична. – Все очень умные стали... Да, признаться, и я, старая, свои иконы в самоваре сожгла...

– Ой! – охнула бабушка. – Да как же это ты?

– А все жгли, ну и я... Как съездила в Лавры – давно, ещё в старое время. Со стариком своим ездили...

– В Киево-Печерские?

– Да, в Печерские. Пошли мы там угодникам поклониться. Гляжу я, а один-то гроб со святыми мощами не закрыт. Говорят, сушить выносили да закрыть-то не успели. Я и заглянула. Батюшки! Гнилые кости, а больше и нет ничего. «Вот так святой! – думаю. – Да такие-то кости и от меня останутся, не хуже!...»

Анна Кузьминична засмеялась. Усмехнулась и бабушка Устинья:

– Греховодница ты, я вижу, Кузьминична! Ну, увидела кости – и молчи. Зачем же людей-то смущать! Раз говорят тебе – мощи, ну ты и молись. А чего тебе надо в гробы-то заглядывать?

– Ну, «чего, чего»! Поглядела – да и всё. А с тех пор и не молюсь. Бог-то – он, может, и есть, а угодникам не верую. Ну и пожгла иконы.

– И руки не отсохли?

– Ещё чего! И не подумали. – Анна Кузьминична показала

бабушке Устинье свои старческие, жилистые, ни ещё крепкие руки. – Вот они! Всё сама делаю, без помощи обхожусь. А ты, сватья, давай-ка бросай тут свои узелки, да пойдём ко мне чай пить. Варенье есть, вишню варила.

– Да неплохо бы, – согласилась бабушка Устинья. – Сейчас лепёшки достану. Тут у меня сдобные, на сале...

Бабушка Устинья достала из мешка две большие лепёшки, и они с Анной Кузьминичной отправились пить чай. Анна Кузьминична была довольна: вот наконец-то в квартире будет с кем поговорить, поспорить, посудачить, вспомнить прежнее житьё-бытьё и свои молодые годы...

Возвращаясь из школы, Зина увидела, что на улице, у калитки их дома, стоит Антон. Он стоял и помахивал своей школьной сумкой, румяный, с покрасневшим носом, с инеем на ресницах.

– Ты что стоишь? – удивилась и встревожилась Зина.

– Ничего. Тебя жду.

– Почему это вдруг?

– Пойдём домой вместе.

– А почему один не шёл?

– Потому... – Антон опять начал раскачивать сумку. –

Там же бабушка...

– А! – Зина улыбнулась и взяла его за руку. – Ну, пойдём. Ты ведь нашу бабушку никогда не видел. А чего ж её бояться? Она же наша бабушка, не чужая! Ох, и глупый же ты, Антон, ну и глупый!..

Зина уговаривала Антона, посмеивалась над ним. Однако и сама, чем меньше оставалось ступенек на лестнице, тем нерешительнее шагала. Но, может, бабушка ещё не приехала?

В квартире бродили новые, незнакомые запахи. Пахло деревенскими сдобными лепёшками, и как будто овчиной, и сеном – тёплые, волнующие запахи, пришедшие сюда по лесным и полевым дорогам. Из комнаты открылась дверь, и навстречу Зине и Антону вышла бабушка – толстая, румяная, с белой головой и чёрными, как сливы, глазами. На ней была широкая синяя юбка, на плечах лежал чёрный, с яркими цветами платок, а обута она была в добротные деревенские валенки. Бабушка раскрыла руки, протянула их к детям.

– Ах, сиротки мои, горемычные мои... – В голосе её начались всхлипы. – Идите, идите ко мне, под моё, под сизое крылышко...

– Бабушка, здравствуй! – обрадованная ласковой встречей, закричала Зина и бросилась обнимать её. – Ой, как хорошо, что ты приехала!

Антон же стоял и ждал, когда бабушка обернётся к нему, а сам поглядывал, стараясь понять, где же у неё эти сизые крылышки, под которые им, сироткам, надо идти.

ТАМАРИНА ВЫСТАВКА

Вот наконец открылась в школе выставка по сельскому хозяйству. Каждый класс выставил свои материалы – картины, репродукции, фотографии, рисунки, статьи, очерки, рассказы, и большой зал во время перемен гудел, как улей.

«Вот теперь увидим, что будет, – думала Тамара Белокурова, весёлыми глазами окидывая стены зала, – чья выставка окажется самой лучшей! Ага! А вот и нет ни у кого таких картинок, как у шестого класса, – не в каждом классе есть девочки, у которых дома найдёшь заграничные журналы! Ага!»

Если окинуть взглядом стены выставки, то сразу видно, что самый яркий и нарядный уголок – это уголок шестого класса. Солнечные зелёные луга и рощи, синие озёра, белые гуси на синей воде... А внизу – какие-то необыкновенные машины, яркие, как реклама.

Тамара стояла около окна, недалеко от своей выставки, и волновалась: заметят ли? Похвалят ли?

Выставку шестого класса заметили. Девочки спешили подойти именно к этому уголку – как тут всё было красиво и ярко! Правда, задерживались они здесь недолго, но подходили новые, и уголок этот не пустовал.

– Как бабочки на цветы, – улыбнулась Марья Васильевна. – Летят туда, где поярче... Но боюсь, что они там не най-

дуг ничего, кроме удовольствия посмотреть пёстрые картины.

– Вам не нравится? – насторожилась Ирина Леонидовна. – А по-моему, очень красиво сделано. И ведь знаете: это всё Тамара Белокурова сделала почти одна.

– Это видно. – Марья Васильевна с неопределённой усмешкой кивнула головой.

Ирине Леонидовне, по молодости, очень хотелось отличаться, хотелось, чтобы в школе чувствовалось её влияние, чтобы опытные учителя признали в ней талант руководителя, жоака, умеющего с одного взгляда распознавать людей. Она жаждала похвалы, и всякое замечание огорчало её. Лицо её приняло немножко обиженное выражение, как у маленькой школьницы, получившей не ту отметку, которую она ожидала. После занятий на выставку пришли все учителя. Вера Ивановна ходила по залу, разглядывала большими холодными глазами одинаково равнодушно и телят, и пшеницу, и столбики диаграмм, и сложные комбайны. Это был чужой, непонятный для неё мир. Каждый делает своё дело. Вера Ивановна преподаёт в школе, а те люди работают на земле. А есть люди, которые прокладывают железные дороги. А есть, которые добывают уголь. Неужели Вере Ивановне надо всё это знать и понимать? И не всё ли ей равно, гнездовым или не гнездовым способом будут сажать картошку? Это их дело. Вера Ивановна прочитала решение Пленума ЦК – и хватит.

Ирина Леонидовна, подметив скупающее выражение на её лице, огорчилась ещё больше:

– Вам не нравится, Вера Ивановна?

– Почему же? Это очень интересно, – ответила Вера Ивановна. – Особенно шестой класс... Такие пейзажи!

Ирина Леонидовна просияла:

– Вот видите! А Марье Васильевне не нравится. Сделала всё почти одна Тамара Белокурова. Способная, талантливая девочка!

– Да, – согласилась Вера Ивановна, – я тоже заметила, что эта девочка стоит выше своих одноклассниц. У неё благородный образ мышления. А ведь когда-то я отсылала её из класса за опоздания, за неряшливость... Вот что значит правильное воспитание – никогда не давать поблажки, – оно и сказалось... Я очень рада.

Ирина Леонидовна, улыбаясь, подошла к Тамаре:

– Всем очень нравится твоя работа. Думаю, что мы отметим это на дружине.

Тамара покраснела от радости. Ну вот, теперь можно не волноваться, теперь все увидят, что такой пионерке, как Белокурова, можно давать серьёзные поручения, а не какую-то там редколлегию!

Пришли и учитель математики Иван Прокофьевич, и учительница географии Софья Николаевна. Пришла и завуч, сидя, чернобровая Людмила Ефимовна.

– Это очень хорошая иллюстрация к докладу товарища

Хрущёва на сентябрьском Пленуме, – громко сказала Марья Васильевна. – Вы умница, Ирина Леонидовна!

Ирина Леонидовна счастливо зарделась и покосилась на учителей. Слышат ли они, что её, Ирину Леонидовну, хвалят?

Но тут математик Иван Прокофьевич, который молча ходил и рассматривал выставку, вдруг снял очки и сказал:

– Ничего не понял!

По залу пронёсся смех.

Марья Васильевна переглянулась с ним. В глазах её мелькнул лукавый огонёк.

– Что ж, девочки, придётся помочь Ивану Прокофьевичу, – сказала она. – Да, пожалуй, не только ему, но и нам всем. Дежурные, объясните нам, что тут такое у вас выставлено: какие тут машины, что с этими машинами делают и зачем они нужны... Не всё же учителя должны объяснять вам – объясните и вы нам!

Дежурная седьмого класса Леночка Лазаревич взяла приготовленную палочку и, вся пунцовая от смущения, принялась объяснять:

– Это картофелесажалка. Раньше картофель сажали примитивно – просто клали в борозду как попало. А теперь будут поле делить на квадратики и в каждый квадратик класть картофель, по несколько штук. Вот и будет квадратно-гнездовой способ посадки.

– Но какая же разница? – спросил Иван Прокофьевич. –

Земля-то от этого не изменится?

Леночка, почувствовав сопротивление, сдвинула чёрные бровки и приготовилась к бою:

– Земля изменится, потому что обработка изменится! То её... ну, картошку-то... с двух сторон опашником окучивали, а теперь будут с четырёх сторон окучивать. Машина будет и вдоль поля ходить и поперёк – вот и надо, чтобы ровные квадратики были. Этим маркером всё поле на квадратики делят.

– И зачем столько хлопот? – возразил Иван Прокофьевич. – Вот ещё поле маркеровать надо!

Учителя, сдерживая улыбки, молча наблюдали за этой борьбой. Леночка, услышав такие отсталые речи, засверкала глазами:

– Да ведь это же всё машины сделают! Если картошку руками сажать – за день десять человек посадят всего два гектара, а машина за день может посадить десять гектаров, и работать там будут только три человека. Машина освобождает человека – пусть он учится, читает, повышает свою культуру.

– Так учение партии нашей осуществляется в жизни, – добавила Марья Васильевна и обернулась к Ивану Прокофьевичу. – Ну как, друг мой, сдаётесь?

– Сдаюсь! – Иван Прокофьевич развёл руками и надел очки.

– Пойдём дальше, – предложила Марья Васильевна, – посмотрим, что нам в пятом расскажут... Вот тут, я вижу, ко-

ровы хороши. И телятки. Только не пойму что-то – почему они каждый в своём домике?

– Это совхоз «Караваяево», – начала объяснения дежурная пятого класса, сероглазая, спокойная Таня Дроздова. – В этом совхозе очень хорошее молочное хозяйство...

Обстоятельно, не горячася, Таня рассказала и о знаменитом зоотехнике Штеймане, и о холодном воспитании телят, которое ввёл Штейман, и о необыкновенных удоях костромских коров... Таня даже и цифры приводила, только для верности заглядывала в бумажку, где эти цифры были у неё записаны...

Доклад Никиты Сергеевича Хрущёва оживал в наглядных примерах, в ярких иллюстрациях. Марья Васильевна была очень довольна; тёмные глаза её сияли и лучились, и улыбка не сходила с лица.

Видя это, сияла и Ирина Леонидовна.

Дошла очередь и до Тамары Белокуровой. Но что случилось с ней? Куда девался её победоносный вид? Почему она так растерянно взглядывает на Ирину Леонидовну, словно ища у неё помощи?

Заметив это, Марья Васильевна решила помочь Тамаре – она сказала:

– Девочки, спрашивайте теперь вы, а мы просто так послушаем.

Но неизвестно, помогла ли этим Марья Васильевна Тамаре. Девочки оживились, вопросы посыпались со всех сторон:

– А чьё это стадо? Какого колхоза?

– А почему здесь луг выставлен – чем он замечателен?

– Тут вот лошадь мчится – это какой-нибудь породистый конь? А кто его вырастил?

– А машины? Это какие машины, что ими делают?

Тамара нервно вертела палочку в руках, глаза её тревожно сверкали, отыскивая Ирину Леонидовну. Ирина Леонидовна подошла поближе:

– Ну что же ты, Тамара? Ты хорошо знаешь материал, ведь это ты его собирала! Ну же...

Наступило странное молчание.

– Ну что же, Тамара? – уже сама встревоженная, сказала Ирина Леонидовна.

– А что говорить? – вся подобравшись и овладев собой, сказала Тамара. – Ну, это луг. А это коровы. Это относится к сельскому хозяйству? Относится.

– А машины? – прозвучал чей-то одинокий голос.

– Ну и машины, – продолжала Тамара. – Всякие молотилки, сеялки. Ну вот те, что сейчас самые новые...

– Позвольте, – сказал, приглядываясь к ярким фотографиям машин, Иван Прокофьевич, – но ведь, насколько я понимаю, это врубовые машины. А это угольный комбайн. Последнее достижение техники. Но при чём же тут сельское хозяйство? Белокурова, объясни, пожалуйста. Ты, наверно, знаешь, если поставлена здесь дежурной.

– Врубовые! Угольный комбайн! – разнеслось по залу.

Лицо Ирины Леонидовны потускнело. Она начинала понимать, что произошло.

– Вы что же, девочки, значит, просто так собирали картинки? – спросила Марья Васильевна, обращаясь к пионерам из шестого класса, стоявшим рядом. – Лишь бы красиво было?

Сима Агатова с пылающими щеками выступила вперёд.

– Мы не собирали ничего, Марья Васильевна, – сказала она, и в голосе её звенела обида. – С нами Тамара даже и не советовалась. Она хотела одна...

– А когда мы спрашивали, то говорила, что не наше дело, – вмешалась и Маша Репкина, староста класса. – Она хотела одна выполнить поручение... Говорила, что ей доверили, а не нам!

– Да, я хотела, чтобы она выполнила это поручение, – сказала Ирина Леонидовна. – Я думала; что она справится одна... Но вот что получилось...

При этих словах Тамара положила палочку и быстро, почти бегом, расталкивая по пути девочек, вышла из зала.

– Девочке не помогли вовремя, – сказала Марья Васильевна. – Мудрено ли, что дети верят громким словам, если даже взрослые придают им значение!.. Громкие слова – болезнь этой девочки. А мы иногда этой болезнью любимся...

Марья Васильевна говорила вполголоса. Но слова её прозвучали отчётливо в притихшем зале.

– А я нахожу, что выставка шестого класса ничуть не ху-

же других, – холодно и независимо произнесла вдруг Вера Ивановна.

– Значит, вы не поняли, для чего эта выставка устраивалась, – ответила ей Марья Васильевна и добавила негромко: – как и многого не понимаете в нашей жизни.

– Я плохо веду свой предмет? – осведомилась Вера Ивановна.

И Марья Васильевна впервые увидела румянец у неё на щеках.

– Преподавательница вы хорошая, – возразила Марья Васильевна, – но... прошу вас, зайдите после уроков ко мне – поговорим ещё на эту тему.

Тем временем Зина, увидев, как убежала Тамара Белокурова, поспешила за ней. Следом выскочила в коридор и Фатьма:

– Зина, куда ты?

– За Тамаркой... Куда она умчалась: наверх или в раздевалку?

– Ага, утешать! – Фатьма с возмущением отвернулась. – Как она на тебя наплевала! А ты беги скорей, утешай!..

Но Зина, не слушая Фатьму, уже бежала вниз по лестнице. Как теперь стыдно Тамаре! Как ей теперь тяжело! И как же не побыть с нею в такую минуту!

Но Тамары уже не было в раздевалке. Тётя Саша сказала, что она схватила своё пальто и ушла.

Фатьма догнала Зину:

– Знаешь, у тебя самолюбия нет!

Зина поморщилась:

– Ну, Фатьма, ведь она провалилась! Легко, думаешь?

– Если бы не так высоко себя ставила, то и падать было бы не так низко, – возразила Фатьма. – И никакого горя тут нет, а только наука. Лучше пойдём к нам, я тебе покажу, что моя луковица вытворяет.

– Уже росток? Но ведь февраль только наступил... Неужели росток?

– Увидишь.

«А может, и правда Тамаре лучше побыть одной, – решила Зина. – Ей, может быть, теперь никого и видеть-то не хочется...»

И Зина пошла к Фатьме посмотреть, что вытворяет её луковица.

А Тамара и в самом деле хотела побыть одна. Она сидела в своей комнате, забившись в угол дивана, не зажигая света. Она никого не хотела и не могла видеть сейчас. Матери не было – она уехала в гости к Лидии Константиновне, и Тамара была рада этому. Хотелось всё продумать и понять, где и как она ошиблась.

Почему она оттеснила всех подруг от этой выставки? Потому что это было особое пионерское поручение, которое дала именно ей старшая вожатая.

Но почему же тогда она и с вожатой не посоветовалась? А потому, что тогда сказали бы, что вожатая ей помогала и что

она не сама выполнила это поручение.

В комнату, напевая, вошла Ирина и зажгла свет. Она слегка вскрикнула, увидев Тамару:

– Фу, испугала! Что ж ты сидишь в темноте – двойку получила?

– Хотя бы и кол! – ответила Тамара, не глядя.

Ирина подошла ближе:

– Да ты не заболела ли?

– А хотя бы и умерла! Тебе-то что?

Ирина внимательно поглядела на неё, взяла со столика стеклянный кувшин, чтобы налить свежей воды, и вышла.

«И свет не погасила!» – с досадой подумала Тамара, но сама не встала: не хотелось двигаться, не хотелось шевелиться. Пусть горит.

А ведь и девочки, её подруги, не очень-то настаивали, чтобы выставку делать вместе. Не очень-то приставали к Тамаре. А почему? Хотели посмотреть, как она выдвинется или как провалится? Это всё Сима Агатова. Она не любит Тамару, завидует ей...

«Завидует? – тут же прервала себя Тамара. – А почему она будет мне завидовать? Чему? Что я всегда сижу одна и не знаю, что мне делать?»

Тамара чувствовала себя глубоко несчастной и, насупясь, глядела куда-то в одну точку. Хоть бы умереть, раз она не нужна никому на свете!

Хлопнула дверь. Пришёл отец. Вот он раздевается. Вот он

заглянул в столовую...

– Антонины Андроновны нет?

– Нету! – ответила из кухни Ирина. – Велела обедать без неё. Накрывать?

– Накрывай, – ответил отец и прошёл в свой кабинет.

«А про меня и не спросил даже», – не то усмехнулась, не то всхлипнула Тамара.

Но что с отцом? Он открыл дверь и громко позвал Ирину:

– Кто трогал мои журналы?

Ирина не знала, кто трогал журналы. Она их не трогала. Отец вошёл к Тамаре. Тамара выпрямилась. В руках у отца трепетали истерзанные ножницами страницы журналов.

– Это ты сделала?

Тамара со страхом поглядела в его чёрные гневные, окружённые тенью глаза. Сознаться? Отказаться?

– Ты зачем трогаешь мои вещи? Зачем ты трогаешь без спросу, а?

– Я спросила... – ответила, запинаясь, Тамара. – Мама сказала – можно.

– Ах, мама сказала «можно»! – Отец принялся ходить взад и вперёд. – Но вещи-то не мамины? Может, следовало бы у меня спросить – можно ли? И зачем, для чего нужно было так всё уродовать, для какой прихоти, если бы я мог понять! Такие нужные мне журналы!

Тамара вдруг успокоилась.

– У тебя спросить... – сказала она. – А где я тебя вижу?

То на заводе, то в кабинете на запоре... У тебя спросить, да?

Видно, отец уловил в голосе Тамары какую-то особую, горькую интонацию, потому что он остановился и внимательно поглядел на неё.

– А я не для прихоти изуродовала... – продолжала Тамара, – мне нужно было. Для пионерского поручения, для выставки... По сельскому хозяйству.

– Ну, и ты сделала выставку?

Голос отца звучал уже гораздо мягче, и гневный огонь в глазах погас.

– Сделала, – ответила Тамара, – только... не так. Не сумела. Провалилась – вот и всё.

– С кем же ты советовалась?

– Ни с кем.

– Но почему же ты не посоветовалась со мной? – опять загорячился отец. – Я ведь кое-что понимаю в сельскохозяйственных машинах... и вообще в сельском хозяйстве, ты же знаешь. Иначе мне бы незачем ехать в ЭМТЭЭС.

– Как – в ЭМТЭЭС?

– Да вот так. Ты же знаешь, что в сельском хозяйстве нужны специалисты – агрономы, зоотехники, инженеры... Слышишь? Инженеры. А я ведь инженер.

– А почему же именно тебя посылают? – Тамара по привычке пожала плечом, сама не заметив этого.

Но Николая Сергеевича передёрнуло от этого жеста.

– Пожалуйста, не пожимай так плечами, – резко сказал

он, – это вульгарно!

– А мама...

– Чем меньше ты будешь подражать маме, тем будет лучше.

Тамара внимательно посмотрела на него, нахмурилась, но ничего не сказала. Отец с минуту молча ходил по комнате.

– Да, эта задача трудно решается... – пробормотал он в замешательстве.

Как объяснить дочери, что её мать – несчастье его жизни? И хорошо ли, допустимо ли говорить плохое ребёнку о его матери? И, не сумев решить этой задачи, Николай Сергеевич продолжил прерванный разговор:

– Меня никто не посылает. Я сам поеду. Здесь инженеров и без меня хватает, а там... там специалисты до зарезу нужны!

– И тебе хочется туда ехать? – Тамара поглядела на него недоверчиво. – В деревню... в деревянную избу...

– Хочется ли? А я об этом даже и не думаю. – Взгляд отца стал далёким и каким-то чужим, как тогда, на заводе. – Мне надо ехать. Я коммунист. Если бы, скажем, началась война – разве я думал бы, хочется мне воевать или не хочется? Я должен. Ты же знаешь, как это бывает.

Тамара покачала головой:

– Я не знаю ничего... Как будто бы когда-нибудь ты со мной разговариваешь! Вот с Зиной Стрешневой отец всегда разговаривает. А ты... только ругаешься... да кричишь... да

уходишь и запираешься...

Голос Тамары прервался. Она замолчала – гордость не позволяла заплакать при отце. Пусть не думает, что это для неё так уж важно.

Но отец видел, как это важно для неё и как ей больно. Он потупил глаза, брови его сошлись. Он сел к письменному столу и задумался. Тамара, также насупясь, молчала. Ирина заглянула в комнату и незаметно скрылась.

«Сидят, как два воробья, – нахохлились, – подумала сна. – А как похожи-то друг на друга!»

– Ты говоришь – я запираюсь, – после угрюмого молчания сказал отец, – не говорю с тобой. Ну, а ты-то хоть раз пришла ко мне с чем-нибудь, а?

Их глаза встретились.

– Да, – Тамара снова перешла в наступление, – а в Новый год я одна была! Во всей квартире! Хорошо мне было, потвоему?

– Наверно, плохо, – сочувственно сказал отец. – Но неужели ты совсем одна была?

– А, вот ты и не знаешь ничего! Очень нужны мне всякие шёлковые платья! А я всё одна да одна! Посоветуйся с тобой! А если бы посоветоваться, то выставка не провалилась бы? Посоветуйся с тобой, как же!..

Тамара вдруг расплакалась. Отец подошёл, смущённо и неловко погладил её по густым рыжеватым волосам.

– Ну ладно... ну ладно, – виновато заговорил он. – Ну,

теперь мы договорились с тобой. Мы с тобой теперь всё поняли, правда? Всё теперь поняли. Оба мы виноваты... и оба не виноваты... правда? Ну я, может быть, побольше виноват. А?

Тамара утёрлась подолом чёрного школьного фартука и, взглянув на отца, усмехнулась сквозь слёзы.

– Не знаю, кто больше, – сказала она. – Только ты... не уезжай в энтээс. А если уедешь – мне опять одной быть?

Отец задумчиво посмотрел на неё.

– Вот какое дело-то, – он обращался к ней, как к взрослой: – я, пожалуй, всё-таки поеду. А ты пересмотри-ка себя. Если хочешь, давай вместе подумаем. Почему ты одна? Почему у тебя нет верных друзей? Все другие плохие – одна ты хорошая? Так не бывает. Если у человека нет друзей, это очень опасно. Такой человек должен хорошенько посмотреть на себя самого: а может, это я плоховат, что людям со мной и скучно и холодно, что людям не хочется прийти ко мне, что людям всё равно – трудно мне или легко? А может, это я сам такой холодный и равнодушный – так и люди платят тем же? Горячий, внимательный, добрый к людям человек никогда не остаётся один. Никогда! Приглядишься-ка ты получше к себе. Приглядишься, я тебе советую.

Тамара молчала.

– А насчёт энтээс... видишь ли, какое дело... – продолжал отец. – Я уже подал заявление. И согласие получил... А ты летом ко мне приедешь – правда? Приедешь?

– Приеду, – со вздохом ответила Тамара. И добавила, жалобно заглядывая отцу в глаза: – Папочка, прости меня за журналы!

Тамара и Николай Сергеевич мирно и дружно пообедали вдвоём. Николай Сергеевич расспрашивал дочь то о том, то о другом – о её школьных делах, о пионерском отряде, о подругах... Из её скупых ответов, неясных и недобрых отзывов о девочках и учителях Николай Сергеевич понял, как трудно и сложно живётся Тамаре. Он с горечью и болью открывал, что дочь его, только ещё вступающая в жизнь, уже тронута, как ржавчиной, недоверием к людям, что в характере её много чёрствости и глубокого, словно врождённого эгоизма. Он глядел на свою дочь – свежую, белолицую, с живыми, быстрыми глазами девочку, напоминающую цветок, который только что раскрылся... А вместо цветка ему почему-то представлялась новенькая стальная деталь, только что отлитая, свежая, блестящая. Как будто отличная деталь – а глаз инженера видит в ней непоправимые дефекты: тайные раковинки внутри, делающие эту деталь негодной и ненужной...

После обеда Тамара, надев недавно подаренные мамой шапочку и рукавички, ушла на каток. А Николай Сергеевич ещё долго ходил по своему кабинету и думал, думал... Кто виноват, что Тамара становится второй Антониной Андроновной? И кто виноват, что Антонина Андроновна оказалась такой тупой обывательницей? А где же был он, когда всё это

происходило с его близкими людьми?

Трудно было внушить что-нибудь высокое и благородное Антонине Андроновне: она была человеком недалёкого ума и огромной энергии. Легче было просто отойти – пускай по-ступает и живёт как хочет.

И что же вышло? Он, коммунист, едет в село, потому что считает своим долгом быть на «переднем крае» – так сейчас говорят о работе в селе. И на войне он тоже был на переднем крае, всю войну на передовой позиции. И не по приказу начальства, а по приказу своей партийной совести. А его дочь только что со снисходительной улыбкой сообщила ему:

«Все люди говорят о подвигах – и все притворяются. Подвиги только в книжках бывают!»

И так уверенно в этом сообщении прозвучал голос Антонины Андроновны, что Николая Сергеевича охватила тоска.

«Подвиги бывают и в жизни», – ответил он.

Но Тамара только улыбнулась на это.

«Надо взять её с собой в село, – решил Николай Сергеевич. – Поеду, устроюсь, а потом возьму и её. Поживёт без матери... Что ж делать, не всякая мать может вырастить настоящего человека».

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

Первое, что сделала бабушка Устинья, поселившись в квартире Стрешневых, – это повесила в спальне икону.

Изюмка вечером увидела в углу тёмное лицо с яркими белками глаз и выбежала оттуда с криком. Зина вздрогнула и сделал кляксу в тетради.

– Ну что ты, Изюмка! – Зина обняла сестрёнку, прижавшуюся к её коленям. – Чего испугалась?

– Картинка страшная... – Изюмка показала рукой на дверь спальни.

– «Картинка»! – Бабушка сдвинула на лоб очки и опустила чулок, который штопала. – Да нешто это картинка? Это лик божьей матери, богородицы... Ох, греховодники, ничего-то они не знают!

Антон поднял голову от задачника:

– Это богова мама, да?

– Ты решай, решай, Антон, – остановила его Зина. – Когда сделаешь уроки, тогда и разговаривай.

Но тут вмешалась Изюмка:

– А у неё от головы лучики идут. Разве так бывает?

– Никогда не бывает, – ответила Зина.

– У бога всё бывает, – возразила бабушка, задетая уверенным тоном Зины: – он всё может и всё знает. Вот ты сидишь и уроки учишь, а он знает. И о чём ты сейчас думаешь – он

тоже знает.

– Бабушка, – вмешалась Зина, – а он знал, как фашисты в наши дома бомбы бросали?

– А нешто не знал? Он всё, батюшка, отец небесный, ви-дел.

Зина сердито усмехнулась:

– Вот так отец! В людей бомбы бросают, а он сидит да смотрит.

– А значит, так надо было. Испытание посылал. Пути божий неисповедимы. На всё его святая воля. А без его воли и волос не упадёт с головы! Так-то...

– Значит, и все плохие дела тоже по его воле делаются? – Зина начинала горячиться. – Вот я сейчас возьму да изобью Изюмку ни за что – значит, божья воля будет? Или дом подожгу?

– Ну, бог тебя и накажет.

– Но, бабушка, – закричала Зина, – за что же он будет меня наказывать, раз всё по его воле делается? Это нечестно. Значит, он сам решит – пусть Зина отколотит Изюмку, а потом сам же за это и накажет!

– Тьфу ты, греховодница! Согрешишь тут с вами! – Бабушка отложила чулок и встала. – Пойти к ужину сварить чего-нибудь...

А Зина, разволновавшись, глядела в учебник и никак не могла понять, что там написано.

– Ты смотри не спорь с бабушкой, – прошептал Антон Зи-

не, – а то ещё возьмёт да уедет!

Зина мрачно взглянула в его широкие, светлые, встревоженные глаза и, ничего не ответив, снова уткнулась в книгу. Да, с бабушкой спорить нельзя. При ней все дела у них наладились. Придёшь домой из школы, а на плите уже обед варится, и в комнатах чисто, и пуговицы у ребятешек пришиты, и чулки заштопаны. И сама бабушка такая опрятная, бодрая, никогда ни на что не жалуется, как другие: то болит да другое болит. Если даже что и болит у неё, то помалкивает. Может быть, привыкла молчать, долго жила одна, а когда человек живёт один, то кому же жаловаться! И красивая у них бабушка, хоть и морщинки на лице. А чуть выйдет на улицу, так и разругается вся, как ягодка. Но вот дался ей этот бог! Дня не пройдёт, чтобы не поговорила бабушка про бога да про святых угодников божьих. Сначала Зина молчала, потом стала возражать, спорить...

Изюмка долго не могла привыкнуть к тёмному лицу с белыми глазами, которое глядело из угла в спальне. Она боялась спать – и Зине приходилось сидеть у её постели, пока Изюмка не заснёт. Зина повесила на спинку её кровати тёплый платок, чтобы ей не видно было иконы.

– А она меня тоже не видит? – спрашивала Изюмка.

– Нет, не видит, – успокаивала её Зина.

– А она смотрит?

– На тебя мама смотрит, а не она. Видишь нашу мамочку?

Изюмка поворачивалась к маминой фотографии. И ей ка-

залось, что то страшное белоглазое существо в золотом венке, которое зачем-то поселилось в их тёплой уютной спальне, боится маму. И если мама смотрит на Изюмку, то можно спать спокойно – уж мама-то её в обиду не даст никому.

Бабушка как-то нечаянно вошла в спальню и услышала этот разговор.

– Ну и чему же ты ребёнка учишь? – рассердилась она на Зину. – Нешто мать-то у вас святее богородицы была? Ну, погоди ужо, погоди! Вот бог-то тебя накажет! Ещё как накажет-то – спохватишься!

Изюмка, услышав, что бог накажет Зину, раскричалась и расплакалась.

– Я не дам Зину! – плакала она. – Зина, я не дам тебя! Пусть он не приходит! Это наш дом!

Зина еле успокоила её. Она шептала Изюмке в ушко, что никто её не накажет, потому что никакого бога и на свете-то нет. Но уж так шептала, что бабушка ничего не слышала.

Зина с затаённой тревогой ждала, не скажет ли бабушка что-нибудь отцу за ужином, не пожалуется ли на неё. Но бабушка уже опять была весела и приветлива, пила горячий чай, дула в блюдце и с каждой чашкой становилась всё румянее. Зина успокоилась. Вот и хорошо. А зачем отцу знать все их размолвки да маленькие неурядицы – мама велела беречь отца.

Зина стала осторожнее с бабушкой. Не хотелось её сердить. Но что было делать ей, если она сама невольно сердит

лась на бабушку!

Следующая ссора у них произошла из-за Антона. Зина немножко запоздала из школы. Она пришла, когда Антон сел обедать. Антон не видел, как она вошла, а Зина так и застыла в дверях от изумления. Парнишка, собираясь сесть за стол, стоял перед открытой дверью спальни и, глядя на богородицу, крестился широким крестом.

– А теперь кланяйся боженьке, – учила его довольная бабушка, – «Господи, благослови!»... Вот так. Тебе бог здоровья пошлёт.

– Бабушка! – не сдержавшись, крикнула Зина. – Зачем вы его учите? Зачем, ну?

– А нешто я плохому учу? – возразила бабушка. – Я не плохому учу. У сиротинки бог – первая защита.

– Антон, ты что это... – Зина готова была наслёпать его от досады. – Богу молишься, да? Отсталый ты человек! Ведь тебя же в пионеры не примут!

– А почему не примут? Вот ещё! – сказала бабушка, наливая Антону супу. – Ещё как примут-то! А нешто мы пойдём в трубы трубить, что богу молимся? Эва! Мы ведь тоже не дураки, жизнь понимаем.

– Значит, обманывать будете?

– Какой тут обман? – Бабушка снисходительно махнула рукой. – Да если и обмануть маленько – с умом, конечно, обмануть, – то какой тут грех? Сиротке простится, ему свою жизнь-то потруднее устраивать, чем у кого отец да мать для

него дорогу пробивают. Ничего. Я плохому не научу – кровные, чай, внуки-то, не чужие. Надо к порядку привыкать. А то что же за порядок: садятся за стол – лба не перекрестят, вылезут из-за стола – также. Не поблагодарят отца небесного.

– Отца небесного! – Зина нервно засмеялась. – А за что благодарить-то?

– А за то, что хлеб-соль нам посылает.

– Хлеб-соль нам отец зарабатывает, нам никто его не посылает. А если бы наш папка не работал, то и хлеба-соли не было бы.

Зина пришла домой голодная, но сейчас ей и есть расхотелось.

– У нас скворца говорить обучили – он так же трещал, – сказала бабушка, начиная сердиться. – Птица небесная не жнёт, не сеет, а бог кормит её.

– А зачем же ты-то, бабушка, ходила в колхоз на работу? – не сдавалась Зина. – Ты бы не сеяла и не жала, пускай бы тебе бог посылал!

– А что, не посылал бы? Вот один святой пророк удалился в пустыню, заповеди там писал, и нешто с голоду умер? Не умер же! Потому что ворон ему пищу приносил. Прочитай, прочитай-ка – ведь про это всё в церковных книгах написано!

И чтобы избежать крупного спора – Зина, пожалуй, ещё что-нибудь такое скажет, на что и ответить не найдёшься, –

бабушка поспешно подхватила грязные тарелки и скрылась в кухне.

– Антон! – сказала Зина. – Ну, скажи, что это ты вздумал? Ты что, и правда думаешь, что бог есть?

– Бабушка говорит – есть... – смущённо опустив ресницы, ответил Антон.

Зина укоризненно потрясла головой:

– Бабушка в старое время росла, чудак ты! Тогда люди думали, что и правда бог есть. А тебе разве мама говорила, что надо богу молиться?

– А ведь я тогда не был сирота...

– А, бедный! Так уж тебе плохо жить, такой уж ты заброшенный? Надо, чтобы и тебе ворон пищу приносил? – Услышав шаги за дверью, Зина торопливо добавила: – Имей в виду: если ты опять креститься вздумаешь, я буду тебя презирать.

Антон испуганно поглядел на неё:

– Да ведь я так, нарочно. Чтобы бабушка не сердилась, ну!

– Значит, обманываешь?

Антон засопел и насупился. А откуда он знал, что получится обман?

– Ну, что ты не обедаешь, пигалица? – Бабушка явно не хотела продолжать с Зиной предыдущий разговор. – Ешь побольше, ишь худая какая! Человек должен есть как следует. А который худой, так нешто это работник?

Бабушка налила Зине супу. Зина успокоилась; суп был

очень вкусный, и туча неудовольствия, сгустившаяся было в доме, рассеялась. И всё пошло своим чередом.

«Бабушка-то хорошая, – думала Зина, – только вот как-то мы всё думаем по-разному... У неё, оказывается, и обмануть не грех, если выгодно... А этот дурачок Антон слушает...»

Бабушка приветливо хлопотала в комнате. Потом села с Изюмкой шить платье для куклы, чтобы Изюмка не мешала Зине и Антону делать уроки... Кажется, всё так хорошо!

И отец, придя с работы, заглянул в комнату, улыбнулся. Зина видела, что отец доволен, что он успокоился за своих детей.

Но Зина не была спокойна. Противоречивые чувства мучили её. С бабушкой хорошо. И плохо с бабушкой, плохо! Может, сказать отцу? Может, она зря одна мучится?

Но вспомнила Зина светлую улыбку отца, которую она подметила в ту минуту, когда он заглянул в комнату, и опять решила:

«Не буду его расстраивать. Бедный папка немножко повеселел – зачем же огорчать его? Поспорим, поспорим с бабушкой, да как-нибудь и поладим... Справлюсь и одна, без папки».

Но Зина ошиблась, понадеявшись на свои силы и на то, что они поладят с бабушкой. Проходили дни, недели, месяцы проходили, а Зине с весёлой, румяной бабушкой Устиньей всё тяжелее и тяжелее становилось жить.

Откуда брался раздор? Откуда он возникал? Чаще всего

из-за бабушкиных религиозных убеждений. Молится бабушка, ходит в церковь – это ничего бы... Ну, пусть молится, это её дело. Так её воспитали. Но Зина не могла спокойно относиться к тому, что Антон, мягкий и робкий, начал всё больше и больше поддаваться её влиянию. Он уже привык креститься, садясь за стол. И Зина видела, как мальчику трудно. С одной стороны стоит бабушка, строго смотрит на него: «Опять садишься – лба не перекрестишь?» А с другой – Зина с насмешливой улыбкой: «Вот так будущий пионер! Имей в виду: когда будут принимать тебя в пионеры, дам отвод. В пионерском отряде богомольщики не нужны!»

И Антон крестился, а сам испуганно и жалобно поглядывал на Зину. И, улучив минутку, подходил к Зине, когда она сидела за уроками, обнимал её за шею и шептал на ухо:

– Это я понарошку крещусь. А то она всё ругается... Как тебя нет – так и ругается.

Но Зина поджимала губы и сердито отвечала:

– Ты обманщик! Я тебя не уважаю.

Тогда Антон уходил куда-нибудь в уголок и потихоньку плакал. А у Зины сердце разрывалось от жалости. Но что же ей было делать?

И однажды, после того как она застала Антона в слезах в тёмном углу спальни, Зина решила поговорить с отцом. Вечером к тому времени, как на заводе загудеть гудку, Зина подошла к плотно закрытым воротам заводского двора.

Отец, увидев её, испугался:

– Что случилось?

– Да ничего, ничего! – Зина улыбнулась, чтобы отогнать тревогу. – Просто надумала с тобой поговорить.

– Давай поговорим, – согласился отец, внимательно поглядывая на неё. – Давай, дочка, мужественный человек!

– А вот и не мужественный, – сказала Зина. – Видишь, пришла... Сама не справилась.

– Плохо с уроками?

– Нет, – Зина покачала головой, – не с уроками...

– Дома?

– Да. Дома.

Над улицей висели зимние сумерки. Ни одного цветного отсвета кругом – тёмное небо над тускло-белыми крышами, тёмные квадраты окон, серые заборы, чёрные стволы деревьев... У этого февральского вечера не было никаких красок, кроме белой и чёрной, но и в этом была какая-то особая прелесть.

Зина скупно рассказывала о своих осложнениях с бабушкой. А когда всё рассказала, то увидела, как отец сразу помурачнел и постарел. Зина испугалась:

– А может, не надо бабушке говорить, а? Я уж как-нибудь с Антоном договорюсь. Да ещё, может, мне просто кажется...

– Плохо! – Отец вздохнул. И замолчал до самого дома.

Отец не послушал Зину, он решил вмешаться. За ужином он насмешливо посмотрел на Антона:

– Ну, что же ты не крестишься?

Антон растерялся. Взглянул на Зину, на бабушку, как пойманный зайчонок.

– Ты ведь, я слышал, богомольщиком у нас стал!

Антон, красный и смущённый, молча пододвинул стул. У бабушки в чёрных глазах забегали сердитые огоньки.

– А нешто плохо, если человек, как полагается, перед обедом лоб перекрестит? – сказала она.

– Очень плохо, – стараясь скрыть раздражение, ответил отец. – Ведь ты же, мама, знаешь, что я коммунист. Я воспитываю детей, как учит меня партия, – пойми ты это! Зина у нас пионерка. И Антон – будущий пионер. Они у нас никогда не слышали про бога – и не нужно им про это слышать... Ты, мама, молись. Если веруешь в бога – ну и молись. Мы тебе не мешаем. Но ребят не сбивай. И к обману не приучай.

Бабушка бросила на стол нож, которым резала хлеб:

– К обману?! Это к какому же обману? Это с каких же пор у тебя мать в обманщиках ходит? Да если я не ко двору, то я ведь и уехать могу! Слава богу, дорогу в свой собственный дом мне ещё вьюгой не замело. А то очень-то надо! Ходи тут за ними, обшивай да обмывай, а потом тебе тут всякие грубые слова будут говорить! Вот ещё, да нешто я не могу собраться да уехать?

Отец долго объяснял бабушке, что обижать её не собирается, что он просит её жить, как она хочет, но только пусть не заставляет детей молиться богу, в которого они не верят,

что это лицемерие и обман, а обмана он не переносит... А бабушка в ответ только одно и повторяла, что ей недолго собраться да уехать. А если трудно одному с детьми, то кто же ему мешает жениться! Взял да женился бы, вот и хозяйка в доме была бы. А уж она, бабушка-то, довольно поработала на своём веку, ей и в деревне на печке неплохо...

Зина убежала в кухню и стояла там, пока не затихли голоса. Вышла в кухню тётя Груша, вздохнула и прогудела своим простуженным голосом:

– Вот нравная старуха! Ишь ты, как схватилась! А на вид – прямо святая...

Неслышно объявилась в кухне и Анна Кузьминична:

– Ого! Слышали? А всё небось из-за ребят. Ох-ох, уж где ребята, там и брань, известно!

Наконец в комнате стало тихо, и Зина ушла из кухни. Антон, заплаканный, сидел в углу дивана. Изюмка, прижавшись к коленям отца, исподлобья сердитыми глазами смотрела на бабушку. У отца над бровями лежали две тёмные морщины, а бабушка резкими движениями собирала со стола посуду и ни на кого не глядела.

Зина тихо прошла к своему столику.

«Больше никогда ничего не скажу отцу, – думала она. – Бедный! Вон какой он сразу стал измученный... Ой, мамочка, почему тебя нет на свете!»

Она незаметно прошла в спальню. И там, подойдя к портрету матери, висевшему на стене, посмотрела в её улыбки-

вое, с ямочками лицо, в её светлые глаза, которые словно спрашивали: как живёте, мои детки? Хорошо ли вам? Поглядела и немножко успокоилась. И ещё крепче решила:

«Никогда больше ничего не скажу отцу. Сами справимся! Да теперь и бабушка уgomонится, не будет больше толковать про богов. Наверно, не будет, раз папа ей сказал».

Но на другой день, когда она пришла от Фатьмы, к которой ходила заниматься, Изюмка весело рассказала ей:

– Зина, Зина, а где ж ты была так долго? А нам бабушка сказку рассказывала, как Илья-пророк ехал на конях, а боженька его на небо к себе взял, и вместе с лошадьми и с телегой.

Зина сердито сжала губы. Но тут же овладела собой и усмехнулась.

– Ну, что это за сказки! – сказала она. – Вот я тебе прочитаю сказочки, так уж сказочки: про царя Салтана и про Балду. Завтра принесу книгу. Картинки там какие! Вот увидишь тогда. А то Илья-пророк с лошадью на небо поехал! Да разве это интересной

КРАСНЫЙ АМАРИЛЛИС

Антон аккуратно выполнял классное поручение. Его подшефное окно было всегда в порядке, цветы зеленели. Антон поливал их, как научила учительница: не часто, потому что зима, и как следует, чтобы весь ком земли был смочен, а не только верхний слой. Он наливал воды в горшок и следил, как она постепенно проходила сквозь землю и выступала на поддоннике.

Потом он снимал с бегонии пожелтевшие листочки. Протирал сырой тряпочкой жёсткий тёмно-зелёный фикус. И старательно опрыскивал водой пушистую шапку аспарагуса – этот цветок любил влагу.

– Вот какой хороший садовник наш Антон! – сказала сегодня учительница. – Поглядите, какое зелёное у него окно! Из всех окон самое хорошее. Это потому, что он хорошо выполняет поручение класса.

– А завтра ещё лучше будет! – сказал Антон.

– Чем же лучше? – спросили ребята.

Но Антон сделал загадочное лицо:

– Увидите!

А когда прибежал домой, то сразу сунулся к цветам. Интересовал его только один горшок – луковица амариллиса. Там, рядом с двумя молодыми нежно-зелёными длинными листьями, поднимался толстый росток с тугой почкой на вер-

хушке.

– Скоро расцветёт! – радостно крикнул он. – Зина! Зина, погляди-ка, уже можно в школу тащить!

Но Зины не было дома. На его зов из кухни пришла бабушка:

– Ты что кричишь? Кого тащить?

– Бабушка, – смеясь от радости, сказал Антон, – видишь, что цветок-то вытворяет? На улице снег, а ему хочется цвести!

– Хороший цветок! – сказала бабушка.

– Я его завтра в школу отнесу! У меня классное поручение за цветами смотреть. А я сегодня сказал, что окно моё ещё лучше будет – вот и правда будет! Как расцветёт весь красный – вот будет красиво! А нет?

– А с какой стати ты его в школу понесёшь, скажи, пожалуйста? – вдруг возразила бабушка. – Не дам я тебе его в школу! Нешто можно? И цветок хороший, и горшок денег стоит.

– Что ты, бабушка! – огорчился Антон. – Мне надо обязательно его в школу отнести. Я же обещал!

– Подумаешь, важность – обещал!

Антон глядел на неё удивлёнными глазами. А разве можно не делать, раз обещал?

– И мне тогда мама разрешила... Она мне этот цветок дала.

– Эх, мама твоя! – Бабушка, открыв комод, энергичны-

ми движениями разбирала и укладывала бельё. – Мама твоя, только дай ей волю, всё раздала бы! Копеечку беречь не уме-ла... А жалко, что ли, незаработанного? Муж добудет!

Антон не совсем понимал, что она говорит. Он понимал только одно: бабушка плохо говорит о его маме. Антон на-супился, замолчал и принялся ковырять пальцем землю в горшке своего амариллиса. Сердце его возмущалось. Ему было неприятно, что она трогает мамино бельё и кладёт его по-своему... Он смутно чувствовал, что должен защитить свою маму от бабушки, но как защитить? Бабушка большая, сердитая, её даже отец побаивается, а он, Антон, ещё вон ка-кой маленький!

Бабушка словно угадала его мысли.

– Ну, что взъерошился, как воробей? – сказала она. – Нешто я неправду говорю? И нешто плохому учу?

– Плохому! – неожиданно вырвалось у Антона, и он тут же будто съёжился весь, испугавшись своей смелости.

– Во как! Поглядите-ка на него! – У бабушки из рук, раз-вернувшись, выпала большая простыня. – Это родная ба-бушка твоя тебя плохому учит? Ах ты, глупец! Что же луч-ше – отдать или себе взять, а? А ну-ка, скажи? – Бабушка засмеялась, уверенная в своей правоте.

А Антон пробормотал:

– Себе взять, конечно, лучше... А если обещал?..

– «Обещал, обещал»! Ну, вчера обещал, а сегодня отка-зал! – сказала бабушка. – Вот и весь сказ!

Но здесь Антона сбить было нельзя. А что отец скажет? А Зина? Она скажет: ты не держишь своего слова, я тебя не уважаю!..

Антон в тоске вышел в прихожую, надел пальто, надвинул треух и отправился искать Зину.

Зина сидела у Фатьмы. В маленькой комнате было тесно. Простые, с прямыми спинками стулья жались к накрытому клеёнкой столу; из-за шкафа, занявшего целый угол, дверь в комнату наполовину не открывалась... Но Зине всегда нравилось в этой комнате. Когда-то, ещё совсем маленькими девчушками, они с Фатьмой залезали под этот стол, спускали пониже клеёнку и, затаившись, сидели там. А тётя Дарима, делая вид, что никак не может найти их, ходила по комнате, заглядывала во все углы, и в шкаф, и даже в ящик с дровами, кричала, звала их... Потом поднимала клеёнку и спрашивала:

– А это кто здесь спрятался?

И Зина с Фатьмой с визгом и смехом вылезали из-под стола.

Эта комната была для Зины как свой дом. На узенькой тахте у печки они грелись, придя с мороза; в углу за тахтой жили их куклы... На облупившемся подоконнике широкого окна, где всегда было зелено от цветов, они с Фатьмой, выполняя школьное задание, проращивали фасоль и горох...

Особенно хорошо было в этой комнате сейчас. Солнце только что село, отсвет вечернего неба наполнял комнату.

Слабое сияние его лежало на жёлтой клеёнке, на белых кафелях печки, на переплётах рам, и от этого нежного тёплого освещения комната казалась нарядной и радостной.

А может быть, оттого Зине казалась эта комната такой нарядной и радостной, что ей было здесь очень уютно и спокойно. Здесь они могли с Фатьмой сколько угодно болтать и смеяться, и никто не вмешивался в их разговоры, никто не останавливал их. Дарима вечно что-нибудь делала во дворе. А когда она была дома, то это ещё лучше. Дарима сама любила и болтать и смеяться с девочками, любила выпрашивать все школьные новости: и кто как отвечал сегодня, и какую отметку получили, и что было на пионерском сборе, и когда будет какой-нибудь школьный вечер – пусть ей заранее скажут, она тоже обязательно придёт на этот вечер!

Сейчас, в этот закатный час, девочки сидели одни. Зина рисовала, расположившись посередине стола, а Фатьма, забравшись на стул с ногами и навалившись на стол, смотрела.

На подоконнике, тесно уставленном цветами, стоял на высокой подставочке красный амариллис – гордость и радость Даримы. Эту луковицу она добыла у кого-то из жильцов, заботливо выхаживала её, давала отдыхать в зимние месяцы и не забывала поливать в жару. Луковица выросла и расцвела. За окном лежал сугроб. Серебряный морозный узор, тронутый розовыми искорками, светился по краям стёкол. А красные лепестки амариллиса пламенели под лучами заката. Зина рисовала этот цветок, старательно подбирая и смешивая

краски. Ей так хотелось передать красное сияние этих лепестков, их атласную свежесть и эти узенькие чёрные тычинки, доверчиво и мило глядящие из раскрытых чашечек...

– Получается... – шёпотом, словно боясь спугнуть то, что возникало под рукой Зины, сказала Фатьма. – Ой, Зиночка, получается...

Зина, не отвечая, вся охваченная беспокойной радостью творчества, ловила кисточкой отсвет солнца на лепестках, ловила и торопилась, потому что солнце это становилось всё бледнее и бледнее...

Дарима с Фатьмой жили в маленьком домике – в дворничкой, – который стоял, прижавшись к высокой кирпичной стене соседнего дома. У них были свои сени, своё крыльцо, свой палисадник под окнами. Заснеженные кусты сирени и высокие тополя дремали у самых окон, погружённые в неподвижность зимнего покоя.

Кто-то вдруг пробежал мимо этих окон. Хлопнул дверью, загремел оставленной в сенях лопатой. Фатьма проворно соскочила со стула и выбежала в кухню: кто там явился?

Явился Антон, подрумяненный морозом и с застывшими слезами на глазах.

– Зина у вас?

– У нас, Антон! – Фатьма тотчас принялась раздевать парнишку. – Иди скорей приложи руки к печке, у нас печка тёплая!

– Ты как хвост у меня, Антон, – сказала Зина, увидев бра-

та: – куда я – туда и ты.

– Да-а... – проворчал Антон и шмыгнул носом, собираясь заплакать, – а если она цветок не отдаёт!

– Цветок?

– Ну, мой цветок! Я его в школу обещал... Мне ещё мама дала. А она не отдаёт!

Закатное небо погасло. Тёплые отсветы в комнате исчезли, красный цветок потускнел. Зина положила кисточку.

– А нельзя – если в школу не нести? – осторожно спросила Фатьма.

– Нельзя, – ответила Зина, – он обещал.

– Я обещал, когда будет расцветать... – Антон захлюпал. – А вот он уже и расцветает. И мама говорила... А она теперь не отдаёт!

– Это кто такой здесь сырость разводит? – послышался весёлый голос Даримы.

Она вошла, свежая и румяная, стряхнула иней с платка, зачесала гребёнкой чёрные выющиеся волосы.

– Это ты, Антон, сырость разводишь? Что с тобой случилось? Ах ты, снегирь краснощёкий!

Не успели девочки объяснить, что случилось, как в дверь раздался негромкий стук. Фатьма побежала открывать.

– Ой! – В голосе Фатьмы прозвучало удивление. – Это ты?

– Кто такой? – спросила Дарима.

В комнату вошла Тамара Белокурова. Зина и Фатьма переглянулись.

– Девочки, я к вам, – стараясь держаться как можно свободнее, сказала Тамара. – Что вы делаете?

– Когда приходят в дом, то с хозяевами здороваются, – вдруг сказала Дарима. На её круглом лице появилось надменное выражение.

Фатьма, зная её горячий, обидчивый нрав, испугалась:

– Мама, ну что ты!..

Но Дарима будто не слышала.

– А если инженеровы дочери не хотят здороваться с дворниками, – продолжала она, – то пусть они к ним не ходят.

Тамара смутилась. Одно мгновение она колебалась – может, ответить дерзостью и уйти? Резкие слова так и просились на язык.

Но тут живо вмешалась Фатьма:

– Мама, что ты! Она не успела ещё поздороваться. А ты скорей кричать!

– Я не успела, – сказала Тамара, переломив себя, – только хотела...

Дарима что-то проворчала в ответ и вышла в кухню.

– Тамара, иди садись к печке! – начала суетиться Фатьма, незаметно поглядывая на Зину.

Зина молчала. Тамара почувствовала, что она прервала какой-то разговор, подметила слёзы на глазах Антона. И, поглядев на Фатьму и Зину, сказала:

– А что это у вас случилось? Мальчик плакал, что ли?

– Так, случилось... – уклончиво ответила Зина.

Но Фатьма не стала скрывать:

– Антону надо цветок в школу отнести. А...

Толчок под столом прервал её, она взглянула на Зину и всё поняла.

– ...цветок сломался!

Зина улыбнулась – хорошая подруга Фатьма! Разве Зине хочется, чтобы все люди знали, что они не ладят со своей бабушкой!

– Вот так беда! – засмеялась Тамара. – Да если хотите, я вам розочку принесу! У нас есть розочка, летом цвести будет. Хочешь розочку, Антон?

Антон со вздохом покачал головой:

– Мне нужно мою луковку... она ничуть не сломалась. Она расцветёт завтра.

– Не сломалась? – Тамара подозрительно посмотрела на Зину и Фатьму.

Они что-то скрывают от неё, отстраняют её от себя. Отец сказал, что она сама виновата, что у неё нет друзей, а чем же она виновата? Вот она хочет, чтобы у неё были друзья, она пришла к ним, а они отстраняются, она мешает им. Но она не уйдёт. Она сейчас что-нибудь такое придумает, такое интересное...

– Девочки, а знаете что? – начала она с оживлением. – Давайте соберёмся все трое и пойдём в Планетарий!

– А мы же в ту пятницу идём в Планетарий всем отрядом, – напомнила Фатьма. – Ты забыла?

Тамара чуть-чуть растерялась. Но тут же снова приняла оживлённый вид:

– А, правда, я забыла! Но вот я что хотела сказать, девочки... А что, если... а что, если... – Тамара торопливо придумывала, что сказать. – А что, если бы нам поехать в Парк культуры на каток! Я бы у мамы попросила на нас на всех денег...

– Мне отец сам даст денег, – возразила Зина, – только ведь у нас же свой каток близко..., Тамара с напускным оживлением говорила о том, как в Парке культуры весело, и как там много народу, и какая там музыка, и какие фонари...

Потом она заговорила о новой книге, которую ей принёс отец, – стихи советских поэтов. А что, если её читать всем вместе, вслух?

Тамара говорила и чувствовала, что всё это зря. Девочки отвечали вяло. В ней начинали закипать раздражение и обида – как она старается, как она хлопочет, как она добивается их дружбы, а они только и ждут, когда она уйдёт! Гордость её взбунтовалась.

– Ну ладно, я пошла, – сказала она и встала.

Подруги не удерживали её.

Тамара шла домой раздражённая, обиженная, уязвлённая.

«Вот я сегодня скажу отцу! – повторяла она. – Только всё я виновата, всё я! А если они меня не принимают!»

Оскорблённое самолюбие напоминало ей слово за словом весь её неудавшийся разговор. И она понять не могла: как это

случилось, что она пришла к девочкам, чтобы подружиться, а они не захотели? Ей всегда казалось, что лишь бы она захотела подружиться, а уж с ней-то, конечно, захотят! И вот почему-то нет! Тамара не знала, что дружбу нельзя добывать холодным расчётом и что даже самый недалёкий человек всегда почувствует, если ты подошёл к нему со сладкими словами, но с сердцем расчётливым и равнодушным.

«Ну, а что у меня, подруг, что ли, нет? – утешала себя Тамара. – Подумаешь, только они две на свете? С кем захочу, с тем и подружусь... А ещё со Стрешневой на ветке обещались! Вот сейчас приду домой и выброшу эту ветку!»

С твёрдым решением тотчас же выбросить заветную дубовую ветку она вошла в свою комнату. Вошла... и остановилась посреди комнаты: «А где же эта ветка? Куда же я положила её тогда?»

А ветки давно уже не было в доме: Ирина убирала комнату и вместе с мусором выкинула её в тот же день, когда Тамара принесла её из лесу...

Дарима, как только за Тамарой закрылась дверь, вошла в комнату. Она была очень сердита.

Фатьма посмотрела на неё и покачала головой:

– Ой, мама, ты как маленькая всё равно! Ну что ты сердисься? Ушла из комнаты... Разве это хорошо?

– Хорошо, – ответила Дарима. – Кого не люблю – на того и глядеть не хочу.

Зина улыбнулась. Ох, тётя Дарима! Кого не полюбит – то

уж не полюбит. И ничего тут не сделаешь.

Чтобы разогнать неприятное чувство, оставленное посещением Тамары, и восстановить всегда милую теплоту этой полной цветов и тишины комнаты, Зина сказала:

– А я какую книжку видела сегодня в библиотеке! Толстая, с картинками – «Цветоводство и садоводство»!

Зина знала, что надо сказать и на какую дорожку свернуть разговор. Дарима тотчас просияла, и полные её губы раскрылись в улыбке.

– А ну-ка, сядь сюда к печке, белый преничек, со мной рядышком, и получше, получше расскажи!

Все, посмеиваясь от удовольствия, уселись к печке, на маленькую тахту. В самую середину уселся Антон.

– Только Изюмки нет, – сказала Фатьма.

– А Изюмка тоже бежит! – вдруг крикнул Антон. Зина вскочила, а за ней Фатьма, и обе бросились к окну. По снежной дорожке от зелёной калитки мелкими шажками бежала Изюмка.

Зина вышла, встретила её.

– Я от бабушки убежала! – сообщила Изюмка в восторге. – Она велит: гуляй во дворе! А я не хочу. Я сказала: пойду к Зине. И пошла! Меня Петушок проводил. А бабушка сказала: ну и пожалуйста, иди, я без вас не заплачу. Я и пошла, потому что Петушок сказал: Антон пошёл к Зине в зелёный домик!

– Всё ясно, – сказала Зина.

А Фатьма, схватив Изюмку, принялась раздевать её, целовать, тискать, а потом сказала, что всё равно её съест когда-нибудь, потому что очень любит изюм, и усадила вместе со всеми на тахту.

– А теперь, Зина, расскажи, какой там сад нарисован, – попросила Дарима. Самой сладкой мечтой её было стать садовником или хоть поработать в каком-нибудь большом, богатом саду. – Какие цветы сажают?

Зина бегло просмотрела книгу «Цветоводство», но картинки были такие, что ей показалось, будто она сама побывала в этом необыкновенном саду. Она видела голубую полянку, засеянную незабудками и окаймлённую белыми цветами. Среди этой полянки, будто зелёные островки среди голубого озера, стоят кудрявые кустарники, и это очень украшает полянку. Она видела там яркие придорожные грядки из крупноцветных цинний, красных, оранжевых и жёлтых. Там были круглые и квадратные водоёмы с белыми чашечками и круглыми тёмными листьями лилий, плавающими на светлой воде. Там поднимались высокие кустики львиного зева богатых колеров – чисто белые, тёмно-пурпурные, светло-розовые с медно-красными и оранжевыми пятнами. Запомнилась ей вербена, прелестные зонтичные цветы которой припадали к земле на пришпиленных ветках и создавали огненно-красные, белые и тёмно-синие бордюры. И особенно – розы. Чайные, бенгальские, ремонтантные... И выющиеся розы, которые поднимаются по стенам здания, как плющ, и

всё закрывают густой листвой и маленькими яркими цветами...

Все слушали рассказ Зины, будто сказку.

– Дочка Фатьма, расти скорей! – крикнула Дарима. – Давай расти скорей, учись скорей, учительницей скорей делайся!

– Скоро вырасту! Только ты в бок меня не толкай! – смеясь, отвечала Фатьма.

– А когда скоро? – Изюмка вскочила и забралась на колени к Фатьме. – Завтра вырастешь?

– Вырасту!

– А с кого?

– Завтра – с маму, а послезавтра – со шкаф. А через неделю – с дерево!

Изюмка удивлённо глядела на неё с минуту, а потом начала смеяться, потому что все засмеялись.

– А, я знаю, ты шутишь!

– Вот как будет Фатьма у нас учительницей, – начала мечтать Дарима, – то мы поедем с ней в большую школу, в село. И там у нас будет большой сад, и мы с ребятами там всё сделаем – голубую полянку сделаем и розы посадим!.. Зина, принеси мне эту книгу, я пока буду учиться, как эти цветы сажать!

– Я тебе принесу, – пообещала Фатьма, – успокойся.

– А там луковицы красные тоже были? – спросил Антон.

Зина посмотрела на него:

– Антон, как же нам всё-таки с твоей луковицей-то быть?

– С какой луковицей? – спросила Дарима.

Зина и Фатьма рассказали о затруднении, появившемся у Антона.

– Вот какое дело... – сказала Дарима, покачав головой. – Значит, не отнести – нельзя. Обещал. А нести – нечего. Вот так дело...

Она посмотрела на свой красивый амариллис, полюбовалась им с минутку, будто желая, чтобы хоть в глазах у неё осталось отражение его красных лепестков, и сказала:

– Бери, Антон, мой цветок и отнеси. А что думать?

– Бабушка сказала, что брать – лучше, а отдавать – хуже. Значит, тебе, тётя Дарима, хуже? – спросил Антон, и по глазам его было видно, что он решает очень важный для себя вопрос.

Зина покраснела, а Дарима рассмеялась:

– Ах ты, маленький мужичок-чудачок! Ишь ты, о чём он думает! Ну, а если мне хуже, тогда что?

– Тогда я не возьму.

Антон опустил глаза и засопел носом.

– Э, сейчас заревёт! Сейчас заревёт! – указывая на него пальцем, закричала Изюмка.

– Не реви, Антон, – сказала Дарима. – Кому – лучше брать, а кому – лучше отдавать. Вот если ты возьмёшь цветок и отнесёшь в школу, будет хорошо. Правда?

Антон охотно кивнул головой.

– А раз тебе будет хорошо, то мне от этого – ещё лучше. Ты, Антон, понял?

Антон поднял голову, улыбнулся, и круглые глаза его прояснились. Яснее всего он понял одно: завтра утром он возьмёт цветок и отнесёт в школу, и будет всё, как он думал: среди зелени загорится на окне красный цветок, и как все будут в классе радоваться, и как будут любоваться его цветком. И, может, из другого класса прибегут посмотреть. А учительница, наверно, скажет: «Вот как наш Антон Стрешнев любит свою школу!»

Антон соскочил с тахты и пощупал пальцами землю в горшке – не сухая ли.

– Подумаешь, садовод! – засмеялась Фатьма.

А Зина упрекнула:

– Эх, ты, а «спасибо» за тебя кто скажет?

ВЕРА ИВАНОВНА РАЗГОВАРИВАЕТ С ЗИНОЙ

В школе жизнь шла своим чередом. Зина выправила свои отметки и снова заняла место среди хороших учениц. Староста класса Маша Репкина с удовольствием отмечала это в своём дневнике, где записывала все классные дела и события.

Сима Агатова, председатель совета отряда, тоже перестала тревожиться за судьбу пионерки Зины Стрешневой. Зина охотно разрисовывала стенную газету, занималась в кружке рисования, не пропускала сборов отряда, аккуратно выполняла все поручения, которые давались ей. Поручили ей навестить снова заболевшую Катю Цветкову – Зина навестила. И не только навестила, но сумела устроить так, что к Цветковой стали ходить каждый день то Шура Зыбина, то Фатьма, то Вера Кузнецова – одна из лучших учениц класса. И Зина зорко следила, чтобы Катя ни на один день не оставалась без уроков до тех пор, пока не выздоровеет. Сделано это было тихо, без суеты. Так тихо, что даже сама Катя не узнала, кто так неустанно всё это время заботился о ней.

Потом поручили Зине у подшефных малышей-первоклашек организовать классную библиотеку. В помощь ей дали Тамару Белокурову.

Совет отряда не знал, как вовлечь Тамару хоть в какую-нибудь пионерскую работу. И решили прикрепить к Зине – Зина её подтянет.

Но Тамара, как только узнала, что её дают в помощь Зине, обиделась:

– Почему это меня ей в помощь? А может, её мне в помощь?

Сима хотела объяснить Тамаре, что Стрешнева любит малышей и лучше сумеет с ними сговориться, но Зина перебила её:

– Ну какая мне разница? Пускай буду я в помощь ей!

Так и записали, как хотела Тамара. Но на деле всё-таки вышло, что всю работу вела Зина: объясняла ребятишкам, какие книжки надо принести, сама ходила по классам и просила, чтобы девочки приносили книжки для маленьких, у кого что есть. А потом сидела с первоклашками во время больших перемен, учила их обёртывать собранные книги, надписывать, подклеивать. Тамара иногда подходила к ним, глядела и опять исчезала. Ну что это за работа – скука одна, и только! Зина любит малышей, ну пусть она с ними и возится.

Дело делалось, и опять никто не слышал, когда и как оно сделалось. Не слышала об этом и Вера Ивановна.

Веру Ивановну мало интересовала эта тихая, незаметная девочка Зина Стрешнева. Но всё-таки она исполнила просьбу Марьи Васильевны и поговорила с ней. Она подозвала её к столу, перед тем как начать занятия. Зина, немножко оро-

бев, подошла. Почему её зовут к столу перед всем классом?

– Как ты живёшь? – спросила Вера Ивановна.

Зина съёжилась под её светлым холодным взглядом.

– Ничего, – сказала она.

– Теперь у тебя есть время делать уроки?

– Да. Теперь есть время.

– Но ты помогаешь бабушке?

– Помогаю.

– Значит, всё уладилось. – Вера Ивановна нашла, что тут нелишне улыбнуться: тонкие, бескровные губы её раздвинулись и показали белизну превосходных зубов. – Ну и отлично! Садись... Девочки, начинаем урок.

Итак, в школе у Зины дела шли своим чередом. Отметки получала хорошие, пионерские поручения честно выполняла. Зина была чисто одета и никогда не опаздывала на занятия. Всё было хорошо.

И никто не замечал, что Зина давно уже не ходит на каток, что она редко смеётся, что она бледна, задумчива, всегда озабочена чем-то, будто носит в душе какую-то тяжесть и устала от этой тяжести. И всегда она спешила домой. Кончатся уроки – и она бежит, как будто у неё дома пожар.

– Нелюдимка эта Стрешнева! – сказала однажды Тамара Белокурова, глядя вслед Зине, которая быстрым шагом шла впереди.

– И правда, – кивнула закутанная в пуховый платок худенькая, похожая на цыплёнка Катя Цветкова. – Когда ко

мне приходила, то была какая-то... ну, дружная. А теперь какая-то... ну, недружная. Всё почему-то молчит...

– А потому что нелюдимка, – подтвердила Тамара, – и вообразала. Они с Фатьмой всё время воображают.

Вдруг крепкий снежок ударил её в спину. Тамара живо обернулась. Девочки из их класса, собравшись в сквере, смеясь хватали снег и лепили снежки.

– А, вот как! – Тамара перебежала дорогу и, увёртываясь от снежков, сама принялась хватать снег.

Тамара была ловка и проворна и так закидала девочек снежками, что они закричали и запросили пощады.

Катя Цветкова осталась на тротуаре и, улыбаясь, смотрела на этот снежный бой. Сама она, нежная и слабая, вступить в этот бой не решалась. Раза два она взглянула в сторону Зины. Мелькнула смутная мысль: а может, догнать, остановить или пойти с ней вместе?... Ведь Зина помогала Кате заниматься, когда она была больна... Но синее пальто Зины уже исчезло за углом. А девочки так шумно и весело сражались и смотреть на них было так интересно, что Катя осталась стоять на тротуаре.

Зина сегодня возвращалась домой одна. Фатьма зашла в библиотеку, а Зина не могла её дожидаться. Если задержишься где-нибудь, то бабушка обязательно скажет: «Опять пробаловалась где-то? Тут с ног сбиваешься, а она, как маленькая, бегаёт по улицам. Распустила вас мать-то!», Сначала Зина защищалась, возражала. Но постепенно, сама не

зная как, всё больше и больше подчинялась тяжёлой воле бабушки. Бабушка считала, что ходить на каток – это мальчишеское дело, и незачем Зине туда ходить, только одёжу рвать.

...Искромётная радость катка, летящие по льду конькобежцы, весёлые, румяные лица, вьющиеся снежинки, музыка... И сама летишь, как птица, – коньки несут тебя, они словно рады разбегу, который даёт нога, они мчатся, еле касаясь льда, а у тебя замирает дух и от быстроты и от какого-то ни с чем не сравнимого счастья. А рядом бегут девочки-подруги и догоняют друг друга, перегоняют, кружатся или, взявшись за руки, плавно идут, чуть склоняясь то в одну сторону, то в другую... И, отдохнувшая, с какой весёлой душой возвращаешься всегда с катка!

Так было всегда. А теперь не так. Теперь только лишь Зина снимет коньки, только выйдет из ворот парка на улицу, как улыбка уже пропадает у неё, и чем ближе подходит к дому, тем тяжелее на сердце. Скрывая тревогу, Зина прощается с подругами, стараясь казаться весёлой. Но остаётся одна с Фатьмой, и Фатьма видит, как сдвигаются её тоненькие бровки и поджимаются губы.

– Боишься бабушку? – спрашивает Фатьма.

– Боюсь, – тихо отвечает Зина.

И обе они молча идут до дома. Фатьме жалко Зину, но что же сделаешь? А Зину охватывает тоска от мысли, что её сейчас опять начнут бранить дома.

И дома начинают бранить.

– Уроки бы учила получше, – говорит бабушка и, опустив на колени шитьё или вязанье, укоряюще смотрит на Зину. – На что надеешься? Ты уже большая, пора за ум браться. Нешто можно целый вечер без дела бегать? Ведь ты сирота, должна вот как за дело цепляться!

Бабушка бранит. А ребятишки, как только появляется Зина, бросаются к ней, будто неизвестно сколько времени её не было дома. Видно, скучают они без неё; видно, без неё им и холодно и одиноко. Ведь она их старшая сестра!

Тяжело каждый раз слушать упрёки. И жалко ребятишек. И Зина перестала ходить на каток. Бабушка не внесла в дом тепла, которое так нужно детям.

Постепенно бабушка Устинья вытеснила из дома и её подруг. Особенно не нравилось ей, что Зина дружит с Фатьмой.

– Ну, что ты не найдёшь себе подружки настоящей! Какая от неё корысть? Я гляжу – нет у тебя соображения, как и у матери не было. Эхма! Людей ведь тоже надо себе подбирать: хороших, видных – глядишь, потом пригодятся в жизни, помогут, устроят на хорошее местечко... Ведь ты сирота! Да улыбнись кому надо лишний раз, да поклонись пониже – голова-то не отвалится. А у вас ведь всё гордость какая-то... Ну, с гордостью в жизни далеко не уйдёшь!

Зина только глядела на неё отчуждёнными глазами и молчала, крепко поджав губы. Она уже по опыту знала, что спорить не надо: бабушку ни в чём нельзя было разубедить.

Лучше всё это пережить молча: и обиду, и возмущение, и презрение, которое Зина смутно чувствовала, но не хотела признаться себе, что это чувство копится в её сердце, как горький и тяжёлый груз. Дружить из расчёта! Не водиться с Фатьмой потому, что от неё корысти нет! Если бы мама слышала это! И если бы отец это знал!

А отец ничего не знал. Он чувствовал, что в доме нет настоящего мира и покоя. Но, может, и не признаваясь самому себе в том, что не хочет знать настоящей правды, был доволен и тем, что внешний мир был сохранён. Как-нибудь, как-нибудь... Ну, а что же делать? Жить-то на свете надо! И ведь всё-таки детям лучше с бабушкой – они умыты, они сыты, одеты... Иногда он спрашивал, делая весёлое лицо:

– Ну, дочка, как у нас с тобой дела?

– Ничего, папочка. Всё хорошо, – отвечала Зина улыбаясь. – Пятёрку по русскому получила.

– Молодец! Значит, пятёрка?

Отец гордился и радовался – вот и опять Зина учится на пятёрки! Но он замечал в её глазах затаённую печаль, замечал, что нет в ней прежней весёлости, и, подавляя вздох, говорил сам себе: «Что же делать... Что же делать... Мать из могилы не поднимешь».

Так шли однообразные, как бы притушенные дни. Как будто всё хорошо, всё благополучно, а на сердце тяжело, тесно, трудно. Человеку нельзя долго жить без радостей, с таким стеснённым сердцем, и Зина всё чаще и чаще обраща-

лась к отсутствующей Елене Петровне. Она звонила много раз, и каждый раз Артемий отвечал:

– Получше. Но к ней нельзя. Ясно?

– Ясно.

И Зина со вздохом клала трубку.

Но вдруг среди вереницы сереньких дней блеснул один денёк радостью.

В этот день Зина, как всегда, торопилась из школы домой. Хрусткий, слегка подтаявший снег резко блестел на солнце. В воздухе бродили неясные запахи, напоминающие о весне. О том, что весна где-то близко, напевала и тоненькая капель, падавшая с пригретых крыш на солнечной стороне.

Ох, как хорошо сегодня! Как не хочется идти домой! Такие дни, когда что-то ещё неизвестное, неуверенное, тревожное и радостное происходит в природе, – Зина такие дни тонко чувствовала и любила их. Нежное предчувствие весны волновало и тревожило её. Гудок маленького паровозика снова, как и в прежние годы, звал куда-то в неизвестные страны, полные чудес и радостных неожиданностей.

На крышах, под застрехами, на мостовых и на деревьях азартно щебетали отогревшиеся на солнце воробьи. От этого весёлого птичьего щебета и от звона капели, от её огнистого блеска будний день показался праздником. Зина замедлила шаг, а потом неожиданно для себя свернула на другую улицу – пройдёт полквартала и вернётся к дому с другой стороны. Хотелось ещё послушать воробьёв и посмотреть на капель.

Ведь можно же иногда хоть немножко опоздать из школы!

Зина прошла полквартиры, хотела уже свернуть переулком на свою улицу, но увидела на той стороне будочку телефона-автомата. Может, позвонить? Может, сегодня Артемий скажет что-нибудь новое? Но если и не скажет, она всё-таки позвонит и хоть что-нибудь да услышит об Елене Петровне.

Зина торопливо расстегнула сумку. На дне, под книгами, у неё всегда хранится в запасе монетка для автомата. Набирая номер, она спешила придумать такие слова, на которые Артемий отвечал бы не очень лаконично.

– Слушаю!

– Артемий, ты не можешь спросить, когда Елена Петровна придёт в школу?

– Сейчас спрошу.

– Сейчас?!

«Он сказал «сейчас», а у кого же он спросит?»

И вдруг знакомый голос, такой ясный и тёплый, окликнул Зину из трубки:

– Это ты, Зина? Здравствуй, девочка!

– Елена Петровна!..

– Да, это я. Как дела у тебя? Как ты живёшь? Как дома?

Зина не знала, что отвечать и на какой вопрос отвечать. Да это было и неважно – как её дела и как она живёт. Важно, что Елена Петровна уже дома, что она ходит, что она разговаривает!

– Ой, Елена Петровна!.. – повторяла она и больше ничего

не могла сказать.

Учительница всё поняла. Она тихонько засмеялась и сказала:

– Теперь можно меня навестить. Хотя бы в воскресенье...

Зина бежала домой, размахивая школьной сумкой. Ей хотелось прыгать, петь и выкрикивать на всю улицу: «Елена Петровна вернулась! Мы к ней пойдём! Мы её скоро увидим! Ура! Ура!» А кругом ещё веселее щебетали воробьи, ещё громче и озорнее погукивал паровозик за заводской стеной, делая вид, что уходит куда-то в неизвестные страны.

КАК БЫТЬ ТАМАРЕ?

Николай Сергеевич, отец Тамары, сегодня что-то очень рано пришёл с работы. Антонина Андроновна встревожилась, она даже привстала с дивана, хотела пойти к мужу узнать: не заболел ли, нет ли каких неприятностей по работе? Но, к её удивлению, Николай Сергеевич сам постучался к ней.

– Что-нибудь случилось? – спросила Антонина Андроновна мужа.

Николай Сергеевич был задумчив и как будто чем-то взволнован, но он старался казаться спокойным и равнодушным. Однако голос его звучал глухо, когда он ответил, не глядя на жену:

– Да, случилось...

Антонина Андроновна сейчас же встала и закрыла дверь в комнату Тамары. Но было поздно: Тамара уже услышала это пугающее слово «случилось». Она легонько, чтобы не зашуметь, отодвинула стул, вышла из-за стола и притаилась у двери.

– Ничего страшного, – продолжал отец. – Я уезжаю в деревню. В колхоз.

– Что? – вскрикнула Антонина Андроновна. – Как – уезжаешь? Как это так? А почему мне ничего не сказал?

– Вот говорю.

– Но почему ты говоришь, когда уже всё решено? Я бы сходила к директору, в партком! Я бы им доказала...

– Вот поэтому я и не сказал тебе раньше.

Тамара невольно нажала ручку двери, и дверь открылась.

– Тамара, иди отсюда! – резко сказала мать.

Но отец распахнул дверь:

– Нет-нет! Зачем же ей стоять за дверью и подслушивать?

Пусть лучше вместе с нами подумает, как нам быть дальше...

Тамара, ты слышала, о чём разговор?

– Да, – покраснев, созналась Тамара.

– Ну, что же ты об этом думаешь?

– А что она может думать? – раздражённо начала Антонина Андроновна. – Она может думать только одно – что отец у неё бессердечный человек, что он бросает семью на произвол судьбы: как хотите, так и живите! Кукушка ты – и всё!

– Почему же я бросаю? – пожав плечами, сказал отец. –

Ты тоже можешь поехать со мной.

Антонина Андроновна вскочила.

– Что? Я поеду с тобой? Я?..

— Что? — вскрикнула Антонина Андроновна. — Как — уезжаешь?..

Трудно передать, сколько изумлённого возмущения звучало в её голосе.

— Ну да. — Глаза Николая Сергеевича насмешливо блеснули. — А почему же нет? Ты тоже можешь принести немало пользы колхозу — ты ведь работала когда-то диспетчером.

— Ты с ума сошёл! — задохнувшись, сказала Антонина Андроновна. — Что вспомнил! Ты хочешь, чтобы я, взобрав-

шись на гору, снова в яму свалилась? Когда это я работала диспетчером? Когда ещё глупая девчонка была. А теперь!.. Да ты посмотри на меня, на мои руки... – Она протянула Николаю Сергеевичу свои белые, с красными ногтями руки, давно не знавшие никакой работы. – Ну, нет! Не могу говорить... Ты с ума сошёл!

– Значит, поеду один... – Отец уселся в кресло, медленно вытащил папиросы, хотел закурить, но, вспомнив, что здесь нельзя курить, потому что на мебели светлая обивка, спрятал папиросы в карман. – Да, – повторил он, – всегда один.

– Папочка, а я? – вдруг жалобно сказала Тамара.

– Ты? – Отец внимательно поглядел на неё. – Ты приедешь ко мне. Ведь мы с тобой решили?

– Что такое? – вмешалась Антонина Андроновна. – Вы решили? Не спросив меня?

– Да. Решили, – подтвердил Николай Сергеевич.

– Они решили! – Антонина Андроновна иронически засмеялась. – Так ты что же будешь там делать, Тамара? Телят поить? Сено сгребать? Навоз возить на поле?

– А почему бы и нет? – весело возразил Николай Сергеевич. – Правда, Тамара? Это всё очень нужные дела. А почему бы нет?

Он оглянулся на Тамару, ожидая её поддержки. Тамара молча встретила его взгляд. И опять отец словно впервые увидел свою дочь. Что в этих глазах? Что в этой душе? Какая она, эта душа?.. Николай Сергеевич смущённо отвёл

взгляд, – сейчас он особенно остро почувствовал, что девочка выросла без него, что он, отойдя от жены, отошёл и от дочери... А дочь уже большая, она уже о многом думает, многое чувствует. Он отдал её матери, которая ничему хорошему – ни любви к труду, ни стремлению к знаниям, – ничему не может научить её. Он знал это.

Знал – и устранился. А каким путём пойдёт его дочь дальше в жизнь? С одной стороны, пионерский отряд, школа. С другой – мать, для которой нет ничего выше материального благополучия. Кто победит? И кого слушаться Тамаре? А если победит мать, то в жизнь войдёт вторая Антонина Андроновна... И виноват в этом будет он.

– Это ужасно! – вырвалось у Николая Сергеевича.

– Да, это ужасно! – подхватила Антонина Андроновна. – Тебе уже обещали квартиру в высотном доме. А теперь что же? Значит, останемся в этой? И сколько ты теперь будешь получать? Уж наверно, меньше...

Николай Сергеевич встал и, не ответив, вышел из комнаты.

– Вот, вот! – закричала Антонина Андроновна. – Теперь запрётся! И смотрите – он даже не возражает, что я остаюсь!

Она вскочила и, шумя шёлковым халатом, побежала вслед за Николаем Сергеевичем, оскорблённая, покрасневшая от гнева. Тамара, насупившись, со сдвинутыми бровями, вышла в прихожую, оделась и ушла на улицу. Неоконченные уроки остались на столе.

Тамара шла, куда несли ноги. Она не видела ни красивых витрин с пёстрыми шелками, которые обычно любила разглядывать, ни ярких афиш кино, ни прохожих, спешивших куда-то... Ей не хотелось видеть никого из своих подруг. С кем из них можно поговорить о том, что происходит у неё в доме? Кому из них она сознаётся, как ей тоскливо, как ей страшно?.. Отец уходит от них. Хоть он и говорит, что едет только на работу, но это неправда, он уходит навсегда.

«Почему навсегда? – старалась разубедить себя Тамара. – Почему это? Разве он сказал?»

Нет, не сказал. Но разве не видит Тамара, как он презирает её мать? Да, они оба не обращают внимания на Тамару, считают, что она ещё маленькая и не понимает ничего, а Тамара всё понимает!

И как же будет теперь? Вот всё – «папка» да «папка». Папка что-то там делает, где-то работает, живёт какой-то своей жизнью... Ну и пусть работает! Ну и пусть живёт! Но всё-таки он есть. Он с ними. Его присутствие необходимо в жизни. А как же иначе? Как же это может быть, что у Тамары не будет отца?

Тамара сама не знала, сколько времени ходила она по улицам. На улицах зажглись фонари, когда она вернулась к своим воротам. Раздевшись, Тамара неслышно подошла к дверям отцова кабинета. Там было тихо. Тронула ручку – дверь заперта.

Из кухни выглянула Ирина.

– Ты что же от обеда убежала? – сказала она. – Садись поешь. Я тут для тебя котлету отложила.

– Почему ты? – Тамара холодно покосилась на неё через плечо. – Не ты, а мама.

– Есть когда маме сейчас думать о тебе! – проворчала Ирина, собирая обед на краешке стола. – То не думают о человеке, топчут человека, можно сказать, а потом начнут истерики устраивать да к начальству бегать.

«Опять к директору пошла. – Тамара молча сдвинула брови. – Опять кричать там будет. Ой!..»

Тамаре было больно за мать, её оскорбляло такое поведение матери. Но тут же вскипело и раздражение. А почему не кричать? Надо кричать! Раз они портят всю нашу жизнь, надо кричать. Им не нравится? Ну и пусть не нравится! Зато мама задаст им жару – так и надо!..

Тамара проснулась ночью оттого, что услышала за стеной шаги отца. Отец шагал взад и вперёд по комнате, чиркал спичками, ломал их, снова чиркал – видно, папироса не закуривалась.

Тамара встала, надела халатик и постучалась к отцу.

– Ты что? – удивился отец. – Почему не спишь? Третий час...

– Папа, – сказала Тамара, глядя ему в глаза, – скажи... только правду. А если бы не надо было ехать в колхоз... ты никуда не уехал бы?

Отец отошёл, сбросил в пепельницу пепел с папиросы:

– Правду?

– Да, правду!

– Уехал бы.

– Ты не хочешь жить дома?

– Не хочу. Не могу. Нет, нет!

Тамара опустила голову. Да, она давно уже поняла это. Не только партийный долг заставляет отца уехать из дому. Он больше не может жить с её матерью.

– И завтра ты уедешь?

– Уеду.

– Ты уедешь... Мама останется. А я? Где я буду жить?

– Именно о тебе я и думаю сейчас... Ну что же... Сначала я поеду один, огляжусь, устроюсь. А ты... Я-то очень хотел бы, чтобы ты жила около меня.

– А если я не приеду, значит, мы тебя больше и не увидим никогда? – продолжала спрашивать Тамара, не спуская с отца блестящего напряжённого взгляда.

– Почему же это? – ответил отец. – Я буду приезжать...

Как дела позволят, так и приеду... Повидаться...

– Значит, ты не навсегда?

– Навсегда? Почему это пришло тебе в голову? Разве я могу тебя бросить?

Тамара радостно улыбнулась, подбежала к отцу, схватила его за руку и прижалась лицом к этой жёсткой, пахнущей табаком руке. Отец осторожно высвободил руку и провёл по её волосам.

– А хорошо бы мы там жили! – сказал он.

И Тамара, может быть в первый раз, увидела, как ласково и мечтательно умеет улыбаться отец.

– Сколько бы ты интересного увидела! Деревня, колхоз – это же огромный мир, которого вы, городские школьники, совсем не знаете. Вот если бы ты там пожила, как бы это тебя обогатило! И ум твой. И душу. И уж тогда-то, – отец весело усмехнулся, – ты свою выставку не завалила бы!

– Я приеду к тебе, папочка! – прошептала Тамара.

Долго они ещё говорили вполголоса о том, как будут жить в деревне. Тамара будет ходить за водой на речку, будет берёзовым веником подметать избу, ходить за ягодами с колхозными девочками...

Уже под утро, забравшись в свою постель, Тамара продолжала мечтать. Как рады будут ей колхозные девочки! Она расскажет им о Третьяковской галерее, о Планетарии, о пионерских сборах, которые устраивались у них в школе, о книгах, которые она читала... Да мало ли! Разве они там, в колхозе, видели столько, сколько она увидела?

И, засыпая, Тамара подумала: «Надо маму попросить, чтобы сшила мне несколько сарафанчиков... несколько новеньких сарафанчиков... пёстреньких, с цветочками... только чтобы модные были...»

Во сне она увидела себя идущей по зелёному лугу в пёстром шёлковом сарафанчике. А вокруг неё колхозные девочки, загорелые, босоногие, идут и дивятся – какая краси-

вая Тамара, какие у неё кудри, какое лицо белое, какое платье нарядное!.. И все они ждут: что велит им Тамара, то они сейчас же и сделают.

БАБУШКА ПОСТИТСЯ

Бабушка за обедом не стала есть мяса. И от молока тоже отказалась.

– Ешьте, ешьте, – необычно кротким голосом сказала она Зине и Антону, – а мне нельзя мяса.

– Ты заболела? – спросил Антон.

Бабушка улыбнулась:

– Нет, глупый. Я пощусь. Мне скоромного нельзя. Я вот кусочек рыбки съем – и довольно с меня.

Антон с любопытством глядел на бабушку:

– А как ты постишься? Покажи, бабушка!

– Ах, глупенький! – Бабушка снисходительно погладила его по голове. – Пощусь – ну, значит, скоромного не ем. Вот мяса не ем...

– А почему?

– Ну, потому что мясо – от убитого животного. А боженька убивать не велел.

– А рыба – не убитая?

Антон хотел понять всё и ничего не понимал. Он вопросительно поглядывал на Зину – может, она объяснит? Но Зина молчала. Ей и самой было непонятно: почему это мясо нельзя есть, а рыбу можно? И почему рыбу можно, а молоко нельзя? Да и кому это было понятно?

Бабушка рассердилась бы на Антона, но ей и сердиться в

эти дни было нельзя. Вернее, рассердиться-то она рассердилась, но показать этого не показала. Только высоко подняла свои круглые брови и сказала:

– Согрешишь с вами!

А потом оделась во всё тёмное, покрылась чёрным шерстяным полушалком и отправилась в церковь.

– За Катюшей сходи, – сказала она Зине, – отцу обед разогрей и подай. Я не скоро приду, сегодня служба долгая. Страстная неделя идёт.

Бабушка ушла. Зина как-то вдруг встрепенулась. Ушла бабушка – и снова она почувствовала себя дома, как прежде. Вот они, их чистые, милые комнаты. Зина запела весёлую песенку, Антон подхватил – правда, неуклюже подхватил, у него не было слуха, – и никто не остановил их, не сказал, что на страстной неделе петь нельзя, потому что грех. Антон, увлечшись песней, задумал дирижировать пеналом, но потерял равновесие и свалился со стула. Он хотел было скривить губы, но Зина принялась так весело хохотать, что и Антон засмеялся. Они смеялись, болтали, ловили друг друга, бегая вокруг стола, – они были дома!

– А если бы страстная неделя тянулась долго-долго, – сказал Антон, – хорошо бы, да? Бабушка всё ходила бы и ходила бы в свою церковь. Да?

– Ты глупости, Антон, болтаешь, – ответила Зина. – Давай-ка за уроки садись.

А сама вздохнула и подумала: «Да, хорошо бы!»

А вот, — сказала бабушка, — бери тряпку да провирай все картонки...

Зине нравилась страстная неделя – бабушка очень мало бывала дома, держалась тихо, кротко. Не вспоминала маму недобрыми словами, как привыкла делать в последнее время. Не жаловалась отцу на Зинину грубость, на её плохой, угрюмый характер. Только одно не нравилось Зине в эти дни: бабушка слишком много говорила о боге. Бог так и вертел-

ся у неё на языке: то «бог знает», то «бог спасёт» (от чего спасёт?), то «бог поможет». Так уж божественно она была настроена. И даже когда Зина нечаянно, встретясь в дверях, толкнула бабушку и сказала: «Прости, бабушка!», бабушка не прикрикнула: «Нешто можно так носиться по квартире!», но и тут ответила: «Бог простит».

«Бог простит! – усмехнулась про себя Зина. – А бог-то тут при чём?»

И ей никак не понять было: как это бабушка верит в какого-то бога, которого никто никогда не видал и не слышал, и почему-то считает, что этот невидимый бог должен участвовать во всех их делах? Вот он даже и Зину должен прощать за то, что она нечаянно толкнула бабушку!

В пятницу, придя из школы, Зина застала в квартире разгром. Бабушка только что вымыла окна. Таз с грязной водой стоял среди пола. От окон к двери текли ручьи. Коврики собраны в кучу. Всё, что обычно висело на стенах – картина с избушкой на морском берегу, фотографии, календарь с левитановской осенью на папке, портреты Ленина и Пушкина, – всё лежало на столе. Бабушка щёткой, закутанной в тряпку, обметала потолок.

У Зины чуть не выпали книги из рук:

– Бабушка, что это?

– А вот, – ответила бабушка, – бери тряпку да протирай все картинки. Накопили тут грязи! Нешто можно всё так-то оставить к светлому-то Христову воскресению?

Бабушка устала и, забыв, что в эти дни полагается быть кроткой, прикрикнула на Зину. Зина поспешно разделась и, взяв чистую тряпочку, принялась перетирать рамки картин и фотографий.

Вскоре пришёл и Антон. Он долго возился в прихожей, потому что пришёл весь в снегу и спешил стряхнуть пальто и обмести валенки, пока бабушка не увидела. Он вошёл в комнату красный, с красными руками, с живыми искорками смеха, ещё дрожащими в его широких глазах. Ребята только что лупили снежками и сажали в сугроб друг друга. Оттого и получилось, что Антон сегодня очень долго шёл из школы. И до чего же захотел он есть! Прямо тарелки три супу съел бы и пять чашек молока выпил бы.

Но в доме и не пахло обедом.

– У-у!... – разочарованно протянул Антон. – А обедать когда же?

– Уберёмся – и обедать будем. Не помрёшь, – ответила бабушка.

– А какой праздник – Первое мая?

– Ох-ох! – вздохнула бабушка, – Растут, как трава в лесу. Какое же Первое мая, когда апрель только ещё начался?

Она взяла у Зины тряпку, а ей велела вешать уже протёртые фотографии.

– А больше и праздников не знаете? – продолжала бабушка. – Согрешишь с вами! Воскресение Христово, пасху не знают! Христос воскреснет из мёртвых послезавтра – пони-

маешь или нет?

Антону стало интересно:

– Бабушка, а как он воскреснет из мёртвых? Из гроба?.. А ты пойдёшь смотреть? А не побоишься?..

– Замолол языком! – прервала бабушка и присела отдохнуть. – Нешто он сейчас воскресать будет? Он уже почти две тысячи лет тому назад воскрес. Встал из гроба и вознёсся на небо. Понял теперь?

– А Илья с лошадьми на небе? – продолжал спрашивать Антон. Он любил сказки, и то, что рассказывала бабушка, было ему интересно, как всякая сказка.

– И Илья-пророк на небе, – уверенно сказала бабушка, будто она сама только что оттуда.

– Бабушка, – не выдержала Зина, – да где же это небо? Ведь небо – это воздух, атмосфера. А облака – туман, влага. А где же, на чём эти ангелы-архангелы живут? Неба-то ведь нет!

– А уж это не наше дело знать, где они живут, – отмахнулась бабушка. – Нешто может человек всё знать? Ему это не дано.

– Бабушка, а ты завтра тоже в церковь пойдёшь? – помолчав, спросил Антон.

Он уже прикинул: если бабушка уйдёт, он позовёт Петушка из пятой квартиры, и они будут играть в Землю и в Луну. Сегодня учительница в школе показывала им глобус и объясняла, как вертится земной шар вокруг Солнца и как во-

круг земного шара вертится Луна. Сначала на глобусе объясняла. А потом всё изображали сами ребята. Костя Апрельин был Солнце, Ваня Мешалкин – земной шар, а он, Антон Стрешнев, представлял Луну. Костя Апрельин стоял среди класса, Ваня тихонько ходил вокруг него, а Антон ходил вокруг Вани и вместе с ним вокруг Кости. Вот получилось весело! Антону очень хотелось ещё раз поиграть в эту игру: пускай Зина посмотрит, и тогда она тоже узнает, как Земля и Луна кружатся вокруг Солнца!

Он жадно ждал, что скажет бабушка. И бабушка, к его удовольствию, ответила:

– Обязательно пойду. Обязательно пойду, Антоша. Исповедаться. Причаститься святых тайн.

– Каких тайн?

– Тела и крови Христовой причаститься.

Антон молча вытаращенными глазами глядел на бабушку.

– Ну, что вытаращился? Очень просто. Батюшка помолится – дух святой и сойдёт в чашу. И станет просвирка телом божьим, а вино станет его кровью.

– Значит, ты, бабушка, будешь из этой чаши пить? – со страхом спросил Антон.

– Тьфу, греховодники! – рассердилась бабушка и встала. – В такие дни в грехи вводят! Вешай картинки, – обратилась она к Зине, – а то ещё мне пасху делать надо, кулич ставить... Ох, женился бы, что ли, отец... Молодая хозяйка всё сделала бы, а мне-то уж трудно!..

Зина побледнела. Отец женился бы! Как это – отец женился бы?.. Молодая хозяйка...

– Ну, что ж ты стала? – сказала бабушка. – Помогай же! Вдвоём-то поскорее управимся.

К приходу отца в квартире было всё чисто, всё блестело.

Наступил вечер, а у Зины из головы не выходили бабушкины слова – бабушка уже не в первый раз говорит об этом. Зина ждала того часа, когда уляжется бабушка; она непременно должна была узнать у отца: может, он и правда думает жениться? Зина страдала от этой мысли, она никак не могла себе представить чужую женщину вместо своей милой мамочки.

По задумчивости, по тревожному блеску её глаз отец видел, что Зине о чём-то надо поговорить с ним. И он не ложился, сел за книгу и ждал, когда все улягутся, а они сядут с дочкой на диван, как садилась с ней когда-то мама, и поговорят по душам.

Зина была благодарна отцу, что он вот так, без слов, понимает её.

– Папа, – начала она сразу, – ты женишься?

Отец в изумлении откинулся на спинку дивана.

– Значит, нет ещё?

– Конечно, нет, – пожал плечами отец. – Откуда это?

– Бабушка сказала, что ей трудно... Что молодая хозяйка нужна... всё делать...

Отец улыбнулся:

– Эх, ты! Да что ж я, какой-нибудь царский единоличник – жену в хозяйство для работы брать? Это так раньше бывало: мужик жену в дом приводил – печку топить некому. И лошадь также покупал – пахать не на ком. Значит, ты думаешь, что и я от того мужика недалеко ушёл? А?

Отец засмеялся. Зина засмеялась тоже, у неё отлегло от сердца.

– Может быть, когда-нибудь и женюсь. Чего не бывает! – помолчав, задумчиво сказал отец. – Если встретится хороший человек... Если она моих ребят будет любить. И если мы все друг друга будем любить... Как ты на это смотришь?

– И если она мамочку нашу будет любить, – вздохнув, добавила Зина.

– О, уж это-то обязательно! – подтвердил отец. – Но это, может, будет... а может, и не будет никогда. Вот ты, дочка, вырастешь и узнаешь тогда, что человек человека по заказу не выбирает, а что скажет сердце – то и будет. А сердца-то наши, сама знаешь... Ничего прежнего... ещё не забыли...

Голос у отца прервался. Он встал и начал ходить по комнате от окна к двери, от двери к окну.

«Опять папку расстроила! – укладываясь спать, сердито пеняла Зина самой себе. – Ничего потерпеть одна не можешь, скорей уж отца расстраивать...»

Но всё-таки то, что сказал отец, её успокоило.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЗИНОЙ

Утром Зина слышала, как бабушка, вставая, охала и кричала:

– Ох, ох, батюшки, кровные... Как поясницу-то разломил!

– А не надо было вчера тут целую баню устраивать, – сказал отец. – Замучилась вчера – вот и болеешь! Чего ради?

– Как – чего ради? Ты-то ещё, греховодник! Завтра пасха, а он – чего ради!.. Пойти тесто посмотреть – подходит ли.

В школе тоже кое-где бродили разговоры о завтрашнем празднике христианской церкви.

– Девочки, а у Белокуровых пасху справляют! – сообщила курносая, вечно оживлённая, вечно всё знающая Аня Веткина. – Отец – коммунист, а они пасху справляют!

Тамара услышала.

– Ничего подобного! Мы ничего не справляем, – возразила она. – Просто мама велела сделать пасху и кулич испечь. Что ж такого? Просто вкусные вещи. Отчего ж не поесть, если вкусно? Вот ещё! Мы же их в церковь не понесём!

– А что, сладкий творог можно только именно в этот день есть? – запальчиво вмешалась в разговор принципиальная Сима Агатова. – А в другие дни нельзя? Вон у нас в молочной очень часто бывает сладкий творог с изюмом – купи да ешь!

– Ну, уж в этот день... – как-то осторожно, поджимаясь, проямлила Ляля Капустина, последнее время так и ходившая по следам Тамары. – В этот день... как все...

– Как все? – вспыхнула Сима. – Как кто – все?

– Ну, народ... – Ляля взглянула на Тамару. – Подумаешь, какое дело...

– Народ! – вмешалась Маша Репкина. – Народ уже давно никаким богам праздники не справляет. Эх, вы, а ещё пионерки!

Маша круто отвернулась от них, взяла под руку Симу, а другой рукой – Зину, которая молча стояла тут же, и они все трое пошли по широкому голубому коридору. В конце коридора сияло огромное, освещённое солнцем окно.

– Пионерки тоже! – повторила Маша. – Им всё равно, лишь бы вкусно. Они, если хочешь, и в церковь пойдут!

– Это нечестно – то, что они говорят! – возмущённо сказала Сима. – Пионерки не должны так думать и так говорить!.. Зина, почему ты молчишь?

– Я думаю, – негромко сказала Зина: – а что может Тамара сделать, если её мама захотела кулич испечь? Ведь она у Тамары не спросилась же!

– Ну и правильно. И, конечно, не спросилась. Ну, а у Тамары, у пионерки, должно быть своё отношение к этому? Должно. А у неё нету. Ей лишь бы послаще чего, самое главное! Её это не волнует даже. По-твоему, это по-пионерски?

– Нет, – согласилась Зина, – конечно, не по-пионерски!

Зина сказала и тут же проверила себя: а она разве бабушкиному куличу не радуется? И, к успокоению своему, почувствовала, что нет, не радуется, что бабушка своими церковными разговорами так замучила её, и так устала она бояться, что все эти церковные обряды заинтересуют и увлекут ребят и они вдруг вместе с бабушкой начнут веровать в бога и молиться. Зина так устала от этого, что и кулич и пасха казались ей чем-то враждебным, как опасная приманка в западне. Нет, Зина ничему этому не радовалась.

Они шли по коридору, а Тамара и Ляля Капустина глядели им вслед, внутренне смущённые. Но смущения своего они даже и друг другу показать не хотели.

– Подумаешь! – сказала Тамара. – Уж очень умные чересчур!

– Подумаешь! – повторила и Ляля, не зная, что бы такое сказать ещё. Но ничего не придумала и опять повторила: – Подумаешь!

Зина была согласна и с Симой и с Машей. Пионер должен быть принципиальным всегда и во всём. Но она не знала, какое испытание ждёт сегодня её самое.

Дома по всей квартире плавал запах сдобного теста. В комнатах было празднично прибрано, стол накрыт самой лучшей скатертью с жёлтой каймой – эту скатерть мама стелила только на Новый год, на Первое мая и на Октябрьские праздники. В спальне перед бабушкиной иконой горела маленькая зелёная лампадка.

Бабушка лежала на диване.

– Пришла? – окликнула она Зину. – Ох, ох... Вот и хорошо. Придётся тебе, Зина, мне услужить сегодня... Прямо не разогнусь после вчерашней-то уборки. Не знаю, как сегодня заутреню выстою...

– А может, тебе не ходить сегодня в церковь, бабушка? – сказала Зина.

– Что ты! Да нешто можно! – Бабушка села на диване и спясть охнула, – Это к заутрене-то! Да ведь «Христос воскрес» будут петь!

– А что надо сделать? – спросила Зина, прикидывая в уме, что такое понадобилось бабушке.

– Сходи, матушка, в церковь, освяти куличик, – ласково сказала бабушка. – Ох... сама никак не могу!

Зина повернулась к бабушке и уставилась на неё изумлёнными глазами:

– Что?!

– Ну – что-что! – со скрытой досадой сказала бабушка. – Как будто и невесть что говорю. Сходи, говорю, в церковь, тут недалечко, не на край света посылаю, да освяти кулич, – вот и всё, и ничего больше! Кабы я сама могла, разве бы я просила?

– Я не умею куличи святить, – бледнея от возмущения, ответила Зина и отошла к своему столу.

Ещё этого не хватало, чтобы школьница, пионерка, пошла в церковь кулич святить!

Но бабушка не собиралась уступить Зине.

– А и уметь-то нечего, – возразила она. – Вот завяжу тебе в платочек, да и отнесёшь. А там уж – что люди, то и ты. Поставишь куда надо. Покажут. Батюшка придёт, побрызгает святой водой – и всё. Возьмёшь и обратно принесёшь.

– Бабушка, я пионерка, я не могу ходить в церковь, – сказала Зина как могла спокойнее. – Я не могу. Это нечестно!

– Эко, выдумки какие! – Бабушка начала понемногу давать волю своему раздражению. – Нечестно своей бабушке услужить! Бабушка-то вон не посчиталась, дом свой бросила да к вам приехала... А вот заболела – и конец. Оставайся без праздника!

– Бабушка, пусть Анна Кузьминична снесёт.

– Снесёт она, как же, греховодница такая! – Бабушка махнула рукой. – Давай, говорит, я твой кулич из-под крана попрыскаю, а поп-то, говорит, нешто не такой же водой прыскает. Всё ведь насмех – вот в Москве народ-то какой! Ну, что ж поделать... видно, без праздничка оставаться. Да, видно, пора и вещички свои собирать, да и отпрапляться опять из земли Халдейской в землю Ханаанскую. Домой, восвояси. Там хоть соседи вокруг меня, а тут? Вот и в родной семье, а одним-то одна, некому кулича освятить!

Зина молчала. Слушала. Так и решила отмолчаться. Но заявление бабушки о том, что она уедет восвояси, испугало Зину.

– А папа? – живо сказала она. – Папа тебя не пустит.

Бабушка тотчас поняла, в какую точку надо бить.

– Ну уж нет! – покачала она головой. – Никто меня не удержит. Отцу твоему, конечно, приятности мало. Нешто хорошо? Родную мать из дома выжили. Вот каких деток воспитал! Ну, а мне что? Мне и дома на печи не дует. Только молча я не уеду. Всё отцу выложу. Один-то раз, единственный бабушка попросила – и на тебе, сделать не хочет!

Зина нахмурилась, опустила голову и угрюмо смотрела, как за стеклом падает капель.

«Что же мне делать? – думала Зина. – Ну что же мне теперь делать?»

Если бы можно было сейчас прибежать к Елене Петровне и всё-всё ей рассказать! Но как же прибежишь? Ведь она ещё не в школе, а домой к ней не прибежишь когда вздумается. И когда же бежать, если бабушка – вот она! – стоит над душой неотступно со своим куличом?

Зина пожалела сейчас, что не рассказала про свои домашние дела Елене Петровне в тот день, когда ходила навещать её. Зина только сидела и радовалась, что снова видит её, слушает ласковый, живой разговор, ощущает её доброе присутствие... Да и как было рассказывать? Тут же сидели и другие девочки – Сима, Фатьма, Шура Зыбина. И ещё Аня Веткина, которая сейчас же всё это и разнесла бы по всему классу. Елена Петровна сказала, что скоро придёт в школу... Да, она скоро придёт. А вот что же делать Зине сегодня?

Бабушка шумно вздохнула, охнула и поднялась с дивана:

– Ох... Видно, нет у меня никого. Ни внучки, ни сына...

Зина устало отвернулась от окна и поглядела на бабушку. Она уже знала, что будет дома, когда вернётся отец: расстроенное лицо бабушки красноречиво говорило об этом. Зина почувствовала, что у неё больше нет сил выдержать домашний разлад. Воля её надломилась.

И, как всегда, когда у человека ослабевают воля и когда он устал от сопротивления, начинают появляться откуда-то мелкие, компромиссные доводы, которые могут вывести из трудного положения.

«Может, сходить, освятить ей этот кулич? – подумала Зина. – Ну что я от этого сразу верующая стану, что ли? Ну, она верует, ей это нужно. А если бы она меня за лекарством послала, я ведь пошла бы! Должна же я, правда, делать, если бабушка велит... Она же всё-таки моя бабушка. Я обязана...»

Но главная мысль, которая диктовала ей это, была та, что вот сходит она с куличом – и в доме всё будет тихо, и никто никуда не уедет, и отец не расстроится.

Бабушка раза два взглянула на Зину и достала из кармана своего фартука носовой платок.

– Ну что ж... значит, я без праздничка... – Бабушка приложила платок к глазам. – Значит, так и останусь...

– Бабушка, я пойду! – остановила её Зина. – Где твой кулич?

Бабушка всхлипнула ещё разок и сразу перестала плакать

– как ребёнок, которому дали то, что он просил. Кулич уже был приготовлен – высокий, с тёмными глазками изюма и с белой сахарной поливой наверху. На этой поливе лежали две буквы из румяного теста: «Х. В.» – «Христос воскрес».

«Ну и зачем это всё надо ей, – с тоской думала Зина, принимая белый узелок с куличом, – если никакой Христос никогда и нигде не воскресал? Ведь она уж большая, старая даже, а как же она может этому верить?»

– А ты – переулочком, – учила бабушка Зину. – Не ходи по улице-то... Переулочком, а потом проходным двором. Вот тебя и не увидит никто, уж коли тебе совестно с куличом идти.

Зина, не отвечая, оделась, засунула поглубже под пальто свой пионерский галстук и, взяв поудобнее белый узелок, вышла из дому.

Зина шла по улице с опущенными глазами, и ей казалось, что все прохожие глядят на неё, качают головами, улыбаются насмешливо или осуждающе сдвигают брови. Сверкало солнце в лужах, чирикали воробьи, где-то звонко лаяла собака, смеялись мальчишки, гукали автобусы, покрикивал на заводском дворе маленький паровозик... Весна, заполняя улицы, делала их шумными и весёлыми.

Зина, ничего не видя и ничего не слыша, с опущенными глазами и крепко сжатым ртом, пробиралась к церкви. Ах, если бы сделаться ей маленькой-маленькой, такой, что прошла бы она по улицам и никто бы её не увидал! Иногда Зина

поднимала голову и быстро оглядывалась вокруг: не идёт ли по улице кто из знакомых девочек? Не следят ли за ней чьи-нибудь глаза?

В глухом переулке никого не было. Шли пожилые женщины, шли старухи с такими же белыми узелками в руках. Вот ещё и дяденька какой-то идёт – тоже с куличом.

Из-за крыш маленьких старинных домов наконец показались круглые купола притаившейся среди них церкви. Кресты ярко блестели на солнце – один повыше, другой пониже. На том кресте, что пониже, уселась пара шустрых воробьёв, прочирикала что-то и улетела снова...

Зина, успокоенная тем, что церковь уже близко и что ей, к счастью, никто по пути не встретился, проводила взглядом этих воробьёв и улыбнулась им.

Но тут же, будто кто толкнул её, Зина оглянулась и увидела Тамару Белокурову. Тамара шла откуда-то со своей матерью. Зина прибавила шагу, надеясь свернуть за угол, пока Тамара не увидела её. Тамара в этот момент обернулась в её сторону и приподняла руку в пёстрой рукавичке... Увидела? Нет?

«Нет, наверно, нет!»

Зина быстро, не оглядываясь, свернула в заросший деревьями двор церкви и скрылась в холодном полумраке её больших раскрытых дверей.

Тамара и её мать возвращались с вокзала. Они провожали отца. Антонина Андроновна отпустила машину. После вол-

нений сегодняшнего дня лучше было пройтись и подышать воздухом, тем более что на улице солнечно и на тротуарах почти сухо – можно вполне пройти, не замочив и не испортив туфель.

У Антонины Андроновны были заплаканы глаза. Поплакать пришлось и утром, когда она увидела, что Николай Сергеевич всё-таки уезжает, несмотря на её сопротивление. И у поезда тоже поплакала – всё-таки уезжает муж из дому. И хотя не в какие-то дальние страны, а в приволжский колхоз, – всё-таки уезжает же!

Ссоры и объяснения кончились. Сначала Антонина Андроновна была уверена, что Николай Сергеевич никуда не поедет, если не поедет она. Но он решил ехать. Тогда Антонина Андроновна приготовилась к отпору: Николай Сергеевич, конечно, будет требовать, чтобы она поехала с ним. Смешной слепец, он ничего не видит! Он не видит, что жена так перегнала его в своём культурном развитии, что она уже не может жить без ванны, без своей спальни, без хороших ателье, без парикмахерской наконец! А ему, которого по-прежнему так и тянет к каким-то слесарям да прокатчикам, а теперь ещё вот и к трактористам, – ему, бедному, отсталому, ничего этого не нужно!

Антонина Андроновна приготовилась к отпору, а никакого отпора давать не пришлось. Николай Сергеевич даже и не подумал настаивать. «Отказываешься? Ну что ж, оставайся дома». Её глубоко задело это.

– Ты, кажется, даже рад, что я остаюсь?

– Даже рад.

– Что такое?

– Да, рад. Таким барыням, как ты, там делать нечего, – ответил Николай Сергеевич. Он собирал свои вещи и укладывал их в чемодан.

– Так это что же – ты, значит, разрушаешь семью?.. Перестань возиться со своими рубашками и отвечай мне – я серьёзно тебя спрашиваю.

И что же? Николай Сергеевич не смутился и ничего не стал отрицать. Он вдруг сказал:

– А у меня семья уже давно разрушена!

Антонина Андроновна растерялась. Почему он так сказал? И, не найдя, что ответить, она пожала плечами;

– Глупости!..

Ну, он и поехал. Хорошо, что московская квартира осталась нетронутой. Надо вот сменить коврик в столовой – не зайти ли ей сейчас по пути в Мосторг?.. Только почему это он сказал, что его семья давно разрушена? Разве они разводятся? А если ссорятся иногда, то кто же не ссорится?

И теперь, всё ещё возражая мужу, мысленно повторяла: «Глупости, глупости это! У нас очень хорошая семья!»

А Тамаре было по-настоящему и больно и грустно. Отец уехал. Он поехал куда-то в колхоз, в МТС, на «передний край», как он сказал ей однажды.

«Ты, значит, приедешь ко мне? – спросил он Тамару, уже

стоя на площадке вагона. – Обещано?»

«Обещано!» – крикнула Тамара.

И непослушные слезинки нечаянно выкатились из её глаз.

Поезд тронулся. Мать вынула платок и начала плакать.

Тамару раздражало это – ей казалось, что мать плачет потому, что так полагается, потому, что провожающие должны плакать, когда уезжает кто-нибудь близкий. Прищурив глаза от ветра, Тамара не отрываясь глядела вслед поезду, который всё уменьшался и уменьшался, убегая вдаль.

Тамару последнее время мучили противоречивые чувства.словно два разных человека, совсем не похожих друг на друга, боролись и спорили в ней. То её тянуло к отцу, ей хотелось покрепче подружиться с ним, его слова заставляли её задумываться над собой, над своими поступками. Она чувствовала, что отец идёт по какому-то хорошему, настоящему пути в жизни, что он делает какое-то важное и нужное дело и счастлив этим и что счастье это у него какое-то хорошее, большое...

А бывало, что становилось трудно с отцом – и всё-то она не такая, и всё-то она не так делает... А что плохого, если хочется утром полежать в постели? И что такого, если Ирина ей почистит ботинки – Ирина обязана ей чистить ботинки, это и мама говорит!.. И вообще с мамой легче: для неё и Тамарины пятёрки необязательны, даже можно иногда и в школу не пойти, только скажи, что голова болит. А главное, что у мамы Тамара всегда права, а неправы учителя, которые

ставят ей плохую отметку, и неправы подруги, если они не дружат с ней, и неправ отец, если требует, чтобы она сама чистила себе ботинки.

Но сейчас Тамара шла, растроганная разлукой с отцом, и не помнила ничего, что было трудного в отношениях с ним.

Сейчас дома – пустой кабинет с закрытой дверью. Эта дверь так и будет закрыта и сегодня, и завтра, и неизвестно ещё сколько дней...

В это время она увидела Зину Стрешневу, которая торопливо переходила через дорогу. Тамара заметила, что она несёт какой-то узелок. Сначала не поняла, что это такое...

– Люди куличи понесли святить, – сказала мать, будто немножко завидуя им.

Тамара поняла: Зина несёт кулич в церковь! – и невольно подняла руки и всплеснула ими, слегка хлопнув пёстрыми рукавичками. И мгновенно всё её нежное и грустное настроение исчезло. Воспоминание о том, как вчера девочки так пренебрежительно отнеслись к ней за то, что она похвасталась своими куличом и пасхой, – это воспоминание словно опалило её.

– А, вот как! – улыбаясь торжествующей улыбкой, сказала она. – У меня к куличам пионерского отношения нет! А у них есть, у них вот есть! Ага! Куличики в церковь носите?.. Мама, мама, ты послушай! – нервно и горячо начала объяснять Тамара в ответ на недоумевающий взгляд матери. – Я вчера только сказала, какие у нас вкусные кулич и пасха, а

уж они начали: «Не по-пионерски! Куличу и пасхе радуешься! А ещё пионерка!» А теперь гляди-ка, гляди, – Тамара засмеялась, – вон она! Кулич в церковь понесла! Вот это так да! По-пионерски!..

Антонине Андроновне было тяжело. Она не допускала мысли, что Николай Сергеевич уехал навсегда, но предчувствие беды томило её и в сердце закипал гнев. Как он мог так поступить?..

– Ну, вот ты и скажи об этом где надо, – сказала мать, радуясь случаю хоть на ком-нибудь сорвать свою обиду. – В следующий раз узнают, как над тобой смеяться!

– Конечно, скажу, – ответила Тамара. – А что, скрывать буду? Уж я-то знаю! Я не только в нашем отряде скажу. Что наш отряд! Я прямо старшей вожатой скажу. Вот они узнают завтра, как у них настоящие пионеры поступают!

ЗИНУ СУДЯТ ТОВАРИЩИ

В понедельник Зина пришла в школу и сразу поняла, что уже весь класс знает о том, что она ходила в церковь. Девочки шушукались у неё за спиной, переглядывались, умолкали, когда она к ним подходила.

– Все говорят, что ты с куличом в церковь ходила... – шепнула ей Фатьма на первом же уроке. – Вот что выдумали!

– Они не выдумали, – ответила Зина.

Фатьма, слегка отодвинувшись, посмотрела на неё:

– Ты ходила в церковь?

– Да.

Иван Прокофьевич прервал объяснение задачи и покопился из-под очков в их сторону:

– Если некоторые думают, что я объясняю задачу для собственного удовольствия, то они ошибаются.

Зина сидела молча, с неподвижным лицом. Казалось, что она внимательно слушает задачу и что думает только о том, как бы понять лучше и запомнить объяснение учителя.

А Зина думала совсем о другом. Она вся замирала от мысли, что уронила своё пионерское достоинство и что теперь уже ничего поправить нельзя. Сегодня или завтра – всё равно когда – её вызовут на совет отряда. И будут спрашивать, и будут стыдить её, и будут удивляться, как могла она так поступить. И вся школа будет знать об этом... уже знает, навер-

но. И Елена Петровна... Что теперь скажет Елена Петровна?

И только одна Фатьма понимала, что переживает подруга, и её горячие тёмные глаза всё время наливались слезами.

– Я знаю, – шепнула она, когда Иван Прокофьевич отошёл к доске, – это всё твоя бабушка.

Зина не отвечала.

Фатьма не могла дожидаться перемены. И как только зазвонил звонок и Иван Прокофьевич вышел из класса, Фатьма набросилась на Зину:

– Почему я не знала ничего? Почему мне не сказала? Ну, почему это, а?

– А зачем тебе говорить! – возразила Зина. – Я нарочно не сказала. Пусть я одна буду виновата...

Они вышли из класса вместе. Фатьма крепко держала её за руку. Тут же к ним подбежала Шура Зыбина:

– Зина, правда, что ты в церковь кулич носила?

– А кто это сказал? – сердито вступилась Фатьма.

– Ну, я так и знала! – У Шуры просветлело лицо. – Конечно, наболтал кто-то...

– Не наболтал кто-то, а Тамара сама видела!.. – К ним подошла, Сима Агатова, хмурая, будто обиженная. – Зина, что ж ты молчишь? Если неправда – так... Я тогда Белокуровой за клевету...

– Я правда ходила в церковь, – сказала Зина.

Сима сразу умолкла, а Шура испуганно охнула.

– Девочки, её бабушка заставила! – горячо заговорила

Фатьма. – А если бы у вас была такая бабушка? Вот заставила бы – и тоже пошли бы!

– Никогда бы меня никто не заставил! – гордо возразила Сима. – Никогда и никто!

Незаметно подошла Маша Репкина. Она стояла и слушала. А потом сказала, как всегда, отчётливо и твёрдо:

– Надо обсудить на звене!

– Нет, не на звене... – Сима отрицательно покачала головой. – На совете отряда надо.

– Да что вы, девочки! – вскипела Фатьма. – Прямо уж суд какой-то хотите!.. А если бабушка велит?

– Мало ли кто что велит! – возразила Маша. – Мы должны прежде всего думать, что нам красный галстук велит!

– Девочки, жалко... – заступилась за Зину Шура. – Обсудим на звене – и хватит! А как же быть-то? Ведь мы должны же взрослых слушаться!

Сима резко повернулась к ней:

– А если взрослые скажут тебе: сними и брось свой пионерский галстук – ты снимешь и бросишь? Мы дали торжественное пионерское обещание. Мы не имеем права ходить в церковь, кто бы нас ни заставлял. Пионер не имеет права! Раз пионер идёт в церковь – значит, он поддерживает религию. И, значит, нарушает своё торжественное обещание...

– Да что она, молилась там, что ли? – прервала Симу Фатьма. – Она же не молилась!

– Всё равно, – вмешалась Маша. – Раз пошла в церковь, да

ещё кулич святила, – это всё равно. Настоящий пионер так никогда не сделает. Это вам не забава.

Перемена кончилась, разговоры прервались. Сима с упрёком сказала Зине:

– Эх, ты, а я тебе больше всех верила!

И отошла, будто Зина очень обидела её лично.

С каждым уроком, с каждой переменной, с каждым часом Зина чувствовала, как вокруг неё нарастает тревожное и тягостное внимание. Она ловила любопытные взгляды, отрывки разговоров:

– А что будет?

– Наверно, на совет отряда...

– А говорят, Ирина Леонидовна хочет прямо перед всей дружиной галстук снять...

Зина, услышав это, машинально схватилась за концы своего галстука. Но тут же разжала руку. А может, они правы... Может, с неё и правда надо галстук снять...

Она ждала, что её вызовет к себе Вера Ивановна, и готовилась всё рассказать ей и всё объяснить. Но Вера Ивановна была занята на уроках в других классах. И лишь, встретив Зину в коридоре на одной из перемен, сказала:

– Нехорошо, нехорошо ведёшь себя, Стрешнева!

– Вера Ивановна, я... – начала было Зина.

Но Вера Ивановна не стала слушать. Она спешила в учительскую, потому что не успела подготовиться к следующему уроку и потому что считала лишним выслушивать всякие

объяснения и оправдания – провинившиеся всегда оправдываются.

Девочки, то одна, то другая, подходили к Зине – кто с любопытством, кто с сочувствием, кто с осуждением... Лишь Тамара держалась в стороне. Она словно не видела Зину. А Зина смотрела на неё издали и всё как будто старалась понять: что же это за человек Тамара Белокурова, с которой они обещали дружить на всю жизнь?

«Она видела меня, она должна была сообщить, – думала Зина. – Да, должна. Нет, она настоящая пионерка».

Так говорила себе Зина, но сердце её почему-то не принимало этих слов. Всё правильно – и что-то не то, и что-то не так!

«Ну, если она настоящая пионерка, – Зина продолжала спор сама с собой, – то подойди к ней и скажи ей какое-нибудь хорошее слово – ведь она же поступила правильно!»

Но сердце её тут яростно протестовало:

«Нет, я не могу подойти к ней! Я не могу сказать ей хорошего слова! Она сто раз права, а я не могу! И не хочу! И не буду!»

На большой перемене к Зине подошла Шура Зыбина и отвела её в сторону:

– Ирина Леонидовна Елене Петровне звонила... Девочки слышали! Всё ей сказала! Что делать?

Зина молча покачала головой: она не знала, что ей делать. К концу дня Зина так устала от всех этих переживаний,

что на последнем уроке сидела, ничего не понимая. Ботаника, любимый предмет. На какие-то несколько минут раскинулась круглая голубая полянка с бело-розовым бордюром вербены и островками зелёных кустов... Но тут на её парту упала туго сложенная записочка: «Тамара бегала к вожатой, чтоб тебя вызвали на дружину. Я буду за тебя заступаться. Шура».

Зине стало тяжело и душно, как перед грозой. Перед всей дружиной! Что делать? Может, взять вот сейчас да и убежать из школы?..

Ирина Леонидовна, в то время как шёл урок, сидела одна в пионерской комнате. Брови её были озабоченно сдвинуты.

«Надо будет организовать это как следует, – думала она, записывая план будущего совета дружины. – Стрешневу можно будет поставить первым вопросом. Нет, лучше последним, а то, пожалуй, из-за неё сорвётся весь план».

Ирина Леонидовна ни за что не созналась бы даже самой себе, что она чуть-чуть рада тому, что произошло с Зиной. Не потому, что ей не нравилась Зина и что она хотела ей зла, нет. Но этот случай даёт ей возможность показать свою высокую принципиальность, свою активность, как старшей вожатой, которая строго следит за воспитанием своих пионеров. Можно будет и о Тамаре Белокуровой сказать – так вот, принципиально, должен поступать пионер. Это будет наука и другим, которые вздумают тайком сбежать в церковь. Можно также поговорить и о лицемерии, когда на словах говорится

одно, а на деле делается другое, и привести в пример Зину... Вообще этот совет дружины можно сделать очень содержательным и интересным...

Неожиданно в пионерскую комнату вошла Марья Васильевна. Ирина Леонидовна вскочила:

– Как хорошо! А я только сейчас хотела рассказать вам, что я решила сделать!

– Вот и я, голубчик, услышала, что вы тут что-то решили. Может, вы сразу мне и расскажете? – ответила Марья Васильевна, грузно усаживаясь за узкий, покрытый кумачом стол.

Ирина Леонидовна начала рассказывать о том, что будет у неё на совете дружины, который она соберёт завтра или послезавтра. Глаза её сверкали, пухлые щёки горели румянцем – с таким увлечением она рассказывала.

Марья Васильевна слушала опустив ресницы.

– Вы советовались с Еленой Петровной? – спросила она.

Да, Ирина Леонидовна советовалась, но Елена Петровна с ней не согласилась. Она сказала, что ни в коем случае нельзя это выносить на совет дружины и даже на совет отряда нельзя. Однако Ирина Леонидовна считает, что это будет неприципально. Это такой случай: пионерка – и вдруг в церкви!

И вот, когда Ирина Леонидовна, закончив свою речь, подняла от своей записки взгляд, то увидела, что Марья Васильевна стара и больна, что лицо у неё жёлтое, что губы сложены устало и печально. Но всё это пропало, как только Марья Васильевна подняла свои лучистые глаза.

– Дружок мой, всё это очень интересно, – сказала она, словно глядя прямо в душу молодой вожатой, – но вы забыли об одном...

– О чём? – Ирина Леонидовна живо приготовилась записать то, что скажет Марья Васильевна.

– О человеке. О Зине Стрешневой, – сказала Марья Васильевна. – О ней-то вы, дитя моё, совсем не подумали!

– А ей будет наука, Марья Васильевна, – возразила вожатая, – надо же воспитывать!

– Да, надо. Конечно. Но вот, знаете, – одно деревце гнётся, а другое – ломается. Боюсь, что это деревце вы как раз сломаете. Этому же боится и Елена Петровна. А Елену Петровну следовало бы послушать – она своих девочек знает очень хорошо.

Ирина Леонидовна растерялась и огорчилась:

– Но это и другим было бы полезно...

– «Другим полезно»! – Марья Васильевна покачала головой. – Разве для пользы тех, других, необходимо быть беспощадным к этим? А что Стрешнева переживает – разве неважно? А ведь она получит глубокую травму, уверяю вас.

Ирина Леонидовна нервно постукивала карандашом. Думала и хмурилась.

– Подумайте, подумайте об этом хорошенько, дитя моё, – сказала, вставая, Марья Васильевна. – За эти два дня можно многое передумать и перерешить...

Но думать два дня Ирине Леонидовне не пришлось. Про-

звенел последний звонок, и почти тут же, не успела Марья Васильевна ещё и уйти, в коридоре послышался топот бегущих ног и в дверь торопливо застучали. Ирина Леонидовна крикнула:

– Войдите!

В комнату не вошли, а ворвались девочки из шестого – маленькая Катя Цветкова и курносая, красная от возмущения Аня Веткина.

– Ой, ой! Ирина Леонидовна...

Увидев Марью Васильевну, девочки осеклись, замолкли.

– Что случилось, дети? – спросила Марья Васильевна.

– Ой! Там у нас Фатьма Рахимова Тамару отколотила! – сообщила Аня.

– Ага! Тамару отколотила! – подтвердила и Катя.

Ирина Леонидовна вскочила;

– Я иду! Девочки, бегите вперёд! Пусть весь отряд останется, погодите расходиться...

Каблучки Ирины Леонидовны мелко застучали по коридору. Она бы и сама побежала бегом, но для старшей вожакой это было несолидно.

Вслед за нею поспешила и Марья Васильевна, широко и грузно ступая по натёртому паркету.

Почти все девочки были в классе. Ушли только трое: одна – потому, что ей надо было к зубному врачу, другая – потому, что не была пионеркой, третья – потому, что тоже не была пионеркой и, кроме того, потихоньку носила на шее крестик,

который повесила мать.

Зина стояла бледная, встревоженная. Она оглядывалась то на одну, то на другую свою подругу и чем-то очень напоминала птицу, только что пойманную и посаженную в клетку. Милые, почти родные лица подруг казались ей чужими. Она не знала, что они сейчас думают и что будут говорить о ней. Она знала только, что думает и что будет говорить Фатьма. Но Фатьма и сама сейчас очень провинилась: она обругала Тамару крысой и два раза ударила по спине, да так крепко ударила, что Тамара отлетела к доске и чуть не опрокинула доску. Фатьма сидела красная, злая, как петух, который только что подрался и готов подраться опять, если его затронут.

У Тамары был вид человека, очень оскорблённого. На ресницах блестели слёзы, но их было так мало, что Тамара не спешила их вытирать, – пусть же все видят, как её обидели!

Девочки волновались, переговаривались. Вожатой Оле Сизовой с трудом удалось призвать их к порядку. И, несмотря на то что прибежала Ирина Леонидовна, а вскоре и сама Марья Васильевна вошла в класс, всё-таки то в одном, то в другом углу вспыхивали шёпот и споры.

Маша Репкина подняла руку. Зина тотчас устремила на неё глаза, будто сейчас вся её жизнь зависела от того, что скажет Маша Репкина.

– Фатьма говорит, что Зина пошла в церковь потому, что ей бабушка велела, – сказала Маша. – Но Зина всё равно

не должна была ходить. Я предлагаю её вывести из совета отряда.

Потом встала Сима Агатова. И Зина так же внимательно, не дрогнув ресницами, стала глядеть на неё, как только что глядела на Машу, будто хотела и не могла понять, как это случилось, что близкие подруги стали сегодня её судьями.

– Нет, товарищи! – В голосе Симы слышались и горечь и обида. – Вывести из совета отряда мало. Что вывести надо, то тут даже и спорить нечего. Пионер, который ведёт себя в жизни не так, как полагается настоящему пионеру, недостойн носить такое почётное звание. Но я считаю, что надо серьёзно отнестись к этому. Стрешнева опорочила звание пионера. Что она делает, когда идёт в церковь? Она поддерживает церковь, поддерживает суеверия, поддерживает то, против чего мы боремся. Так почему же она должна носить звание пионера, почему она должна носить на груди красный галстук, частицу великого знамени нашей Коммунистической партии?

— Стрешнева опорочила звание пионера...

Общий вздох прошёл по классу. Девочки снова заспорили, зашумели. Шура Зыбина вдруг утратила своё всегдашнее спокойствие.

— Девочки, это неправильно! — взволнованно заговорила она. — Зина — хорошая ученица... хорошая пионерка...

— Вот так хорошая пионерка — в церковь ходит! — крикнула с места Ляля Капустина.

— А вот и да! А вот и всё-таки хорошая пионерка!.. — по-

вторила Шура Зыбина.

И девочки в первый раз увидели, что всегда спокойные и ясные глаза её вдруг сердито засверкали.

– А вы... а вам... лишь бы назло!.. Не к чему придирааться, а вы придираетесь!..

Шура не могла больше говорить, слёзы подступили к её горлу, и речь получилась отрывистой и неубедительной.

Наконец заговорила Тамара.

– Товарищи... – начала она слабым голосом, каким и подобает говорить человеку избитому и оскорблённому, – товарищи, что это у нас за отряд? Ты же поступаешь принципиально: видишь, что пионерка нарушает... просто позорит отряд – идёт в церковь с куличом, – и ты приходишь и говоришь кому следует. А тебя за это бьют!.. Да ещё крысой обзывают...

– Конечно, крыса! – вдруг крикнула Фатьма.

На Фатьму зашикали. Марья Васильевна, сидевшая за столом, укоризненно покачала головой.

– А за это, – голос Тамары сразу окреп, – я считаю – перед лицом всего класса говорю это, – надо исключить из отряда Стрешневу и Рахимову. Нам таких пионеров не надо!

Отряд зашумел. Кто-то кричал: «Это тебя надо исключить!» Кто-то требовал слова, кто-то объяснял, что тогда надо и других исключать, потому что ели и куличи и пасхи, а значит, тоже справляли христианский праздник.

– Дайте мне слово, – попросила Катя Цветкова. – Зачем

же сразу исключать? По-моему, неправильно!..

– Неправильно!.. Неправильно! – слышались отдельные голоса.

– Товарищи, надо организованно, – предложила Ирина Леонидовна. – Только давайте решать честно и принципиально. Иногда дружеская, привязанность мешает нам отнестись к решению объективно и принципиально, но у нас в отряде юных пионеров этого не должно быть. Ставлю на голосование оставить Стрешневу в пионерском отряде или исключить? Кто за то, чтобы исключить, прошу поднять руку. Впрочем, давайте сначала решим: ставить ли вопрос о Зине Стрешневой на совете отряда или на совете дружины?..

– Да полно вам! – остановила её Марья Васильевна. – Что так пышно? Поговорить о ней и здесь можно – вполне этого достаточно.

Ирина Леонидовна, вся красная от волнения, от желания быть принципиальной и от некоторой растерянности, всё-таки решила не соглашаться с Марьей Васильевной. Ей казалось, что, уступив директору, она тем самым поступится своими принципами.

– Всё равно где: здесь или на совете дружины, а я должна сказать своё мнение! – веско сказала Ирина Леонидовна. – Я не мыслю себе такого отношения к своим пионерским обязанностям, к своей пионерской совести, такого неприципиального поведения человека, который носит красный пионерский галстук. Я считаю, что таких пионеров в отряде

оставлять нельзя – красный галстук носить они недостойны!

Класс замер, ошеломлённый тем, как повернулось дело. Марья Васильевна протестующе обернулась к Ирине Леонидовне.

– Исключить! – тут же крикнула Тамара и подняла руку. Зина, увидев, как поднялась эта рука в белом кружевном манжетике, встала и вышла к столу. Она решила, что всё кончено. Если бы она оглянулась на класс, она бы увидела, что вслед за Тамарой руки подняли всего две или три девочки. Но она не оглянулась. Почти никого не видя, она подошла к столу, машинально развязала свой галстук, сняла его и положила на стол. И, глядя прямо перед собой пустыми глазами, повернулась и пошла из класса.

– Да что же это такое? – Марья Васильевна легонько хлопнула ладонью по столу. – Да что тут происходит?.. Зина, вернись сейчас же!

Зина нерешительно остановилась и, не зная, как ей поступить, отошла в сторонку, к доске.

Ирина Леонидовна растерялась. Она только стучала карандашом по столу, но что дальше делать, не знала. Таких случаев в её жизни ещё не было.

Марья Васильевна встала. На лице её выступили красные пятна, но голос, когда она заговорила, звучал, как всегда, твёрдо и спокойно:

– Какое поспешное, какое необдуманное заключение! Я понимаю – молодость всегда принципиальна. И мы должны

быть принципиальными. Но, товарищи, если одна какая-то веточка повреждена, то неужели надо сразу рубить всё дерево? Неужели, если человек, если наш друг и товарищ ошибся или смалодушничал, то мы тут же должны отречься от него?.. Вы ещё молоды, вы ещё дети, и разве все вы застрахованы от ошибок? И разве...

Марья Васильевна должна была прервать свою речь, потому что вдруг открылась дверь и в класс вошла Елена Петровна. Возгласы радостного удивления раздались со всех сторон.

Зина на мгновение подняла глаза, но, увидев Елену Петровну, побледнела и ещё ниже опустила голову.

Елена Петровна, немного похудевшая, повязанная тёплым шарфом, тревожно огляделась, машинально и как-то беззвучно поздоровалась. Увидев Зину, стоявшую среди класса, увидев, что её пионерский галстук лежит на столе, Елена Петровна выпрямилась, и острая морщинка тотчас прорезалась между её бровями.

– Марья Васильевна... что это такое?

Марья Васильевна улыбнулась и укоризненно покачала головой:

– А это что же такое, а? Кто это вас звал сюда, а? С больной-то постели!

– Это неважно. Это совсем неважно, – ответила Елена Петровна, – всё равно мне уже пора... Но я услышала сегодня такой разговор, Марья Васильевна, и теперь вот... – Она

указала на Зину и на её снятый галстук: – Ну что это всё значит, объясните мне, пожалуйста! Я просто как во сне...

– Идите сюда, друг мой, – мягко позвала её Марья Васильевна. – За то, что пришли раньше времени, я вас потом побраню. А правду сказать, очень хорошо, что вы пришли. У нас тут молодёжь шибко набедокурила! Идите-ка, идите сюда, классная руководительница! Идите, поговорите со своим классом! – И она тихонько рассказала вкратце, что здесь произошло.

Елена Петровна подошла к столу и встала рядом с Ириной Леонидовной и Олей Сизовой, которая во время этого бурного совещания совсем стушеввалась.

– Что вы делаете, товарищи? – начала Елена Петровна. – Что это вы делаете? Я много лет знаю Зину Стрешневу, я знаю её с первого класса, она пришла ко мне вот такой крошкой... И на протяжении всех школьных лет я видела, как растёт этот человек, как он ведёт себя в жизни, – так же, как видела всех вас. Я была с вами – и с ней тоже – в те дни, когда вы готовились вступать в пионерский отряд. И в тот день я была с вами, когда вы давали своё торжественное обещание. И я, и вы – мы все знаем нашу Зину Стрешневу. И теперь я вас спрашиваю: была Зина плохим товарищем?

– Нет!.. Не была! – вразнобой ответил класс. – Она хороший товарищ. Она всегда заниматься помогала, кто отставал!

– И была ли она плохой пионеркой? Может, она несерьёз-

но, или нечестно, или пренебрежительно относилась к своим пионерским обязанностям, к поручениям, которые давал ей отряд? Оля Сизова, ответь ты на это – ты вожатая отряда.

Оля Сизова встала:

– Зина всегда выполняла поручения... И никогда не спорила. Всегда хорошо выполняла. Она была очень хорошей пионеркой!

– Может, она обманывала учителей?

При этих словах Тамара Белокурова покраснела и опустила глаза.

– Может, она бросала друга в беде? Может, она когда-нибудь лицемерила?

– Нет!.. Нет!.. Нет!.. – кричали девочки в ответ на слова Елены Петровны. – Она мне помогала, когда я была больная!.. И мне тоже!.. Она никогда не обманывала!..

– А вот теперь я и хочу спросить Симу: как же ты, Сима, председатель совета отряда, так легко, не задумываясь, предложила исключить из отряда хорошую пионерку только за то, что она ошиблась?

– Я думала... – хмуро ответила Сима, – я весь день думала... И я думала: раз не по-пионерски поступает, то зачем же ей быть в отряде? И... – губы у Симы дрогнули, – я... мне было очень обидно... Я ей больше всех верила... А она!..

Сима замолчала.

– Конечно, это обидно, – согласилась Елена Петровна, – только надо помнить и крепко держать себя и смотреть, что-

бы личная твоя обида не решала судьбу товарища. А ты, Сима, это проглядела. Ну, это поправимо. Ты хоть к очень ошиблась, всё-таки останешься лучшим товарищем Зины. Это я знаю. Но вот хотелось бы мне поговорить сейчас о другой девочке...

Все обернулись и поглядели на Фатьму.

– Хотелось бы мне поговорить о Тамаре Белокуровой.

Тогда все глаза обратились на Тамару. У Ирины Леонидовны удивлённо и недоумевающе поднялись брови. А она-то как раз хотела привести Тамару как пример высокой принципиальности!

– Вот ты, Тамара... – Елена Петровна стояла прямо перед Тамарой и глядела ей в лицо. (Тамара хотела бы отвернуться, но куда было, и она принялась внимательно разглядывать царапинку на парте.) – Вот ты, Тамара, увидела Зину с куличом. А почему же ты не побежала за ней, не остановила её, не поговорила с ней? Почему же тебе так нужно было, чтобы об этом непременно узнала вся школа? Разве не довольно было бы поговорить со своим вожатым отряда? Но нет, тебе непременно нужно было прежде всего бежать к старшей вожатой, устраивать вот такое судилище! Поступают так настоящие друзья? Нет, не поступают. И вот я знаю, что ты обещала Зине дружбу на всю жизнь, ты обещала не покидать друга в беде. А когда у Зины случилась беда, где ты была в то время? Почему тебя не было с нею в те дни, когда твоему другу была необходима твоя помощь? Поступают так насто-

ящие друзья? Нет, не поступают. И совсем недавно слышала я такую речь. Ты, Тамара, держала конец своего пионерского галстука и говорила: «Если я окажусь плохим другом, снимите с меня его!» Так вот должна тебе сказать, Тамара, что ты оказалась плохим другом. И если придавать значение твоим громким словам, то надо бы сейчас этот галстук с тебя снять! Потому что, когда твой друг ошибся, ты не сумела вовремя остановить его и первая подняла против него руку!

Сдержанный гул прошёл по классу.

Тамара сидела красная, не поднимая головы. Ей уже казалось, что к ней сейчас подойдут и снимут галстук. Однако её испугало не то, как она вдруг останется вне пионерского отряда, это ей сейчас пока в голову не приходило, а то, как это на глазах у всех с неё снимут галстук и все будут глядеть, шептаться... может быть, насмешничать...

Но никто не подходил к Тамаре и не снимал с неё галстука. И как только внимание было отвлечено от неё, она, искоса поглядывая по сторонам, снова подняла голову и, спокойная, только слегка более румяная, чем всегда, сидела так, будто ничего особенного не произошло и ничего плохого о ней не было сказано. Зина, которая понемножку пришла в себя, поглядела на неё в эту минуту и была поражена: Тамара сейчас как две капли воды была похожа на свою мать – та же осанка, тот же уверенный, чуть снисходительный взгляд, то же спокойствие.

Зина отвернулась. Видно, Зина всё-таки была плохой пи-

онеркой. Хоть сто раз повтори ей, что пионеры должны дружить и крепко стоять друг за друга, – с пионеркой Тamarой Белокуровой она больше дружить не могла.

– Я не хочу сказать, что Зина совсем не виновата, – говорила между тем Елена Петровна. – Конечно, мы знаем, что Зина это сделала не потому, что она верует в бога, не потому, что действительно считала нужным нести в церковь кулич. Она сделала это потому, что так велела бабушка. Старших надо слушаться. Это так. Но нельзя забывать и о том, что вы пионерки, что вы носите красный галстук на груди. Вступая в отряд, что вы торжественно обещали перед лицом своих товарищей? Верно служить делу Ленина, делу партии. Подумайте, какое высокое, какое большое обещание вы дали! Можете ли вы нарушать это обещание? Нет, не можете. Ни на один шаг вы не можете отступать от своих пионерских принципов. И если уж пришлось так – если старшие говорят противное этим принципам, выбирать не приходится. Трудно противостоять иногда, но что ж делать – надо противостоять. Павлику Морозову было нелегко идти против своего отца, но он не уступил, не сдался. Умер, но пионерской совести своей не уронил.

Елена Петровна умолкла. Наступила тишина. Но никто этой тишины не прервал.

– Иногда кое-кто из пионеров считает: «Ну, а что из того, что я сбегая в церковь? – снова начала Елена Петровна. – Я же не молиться. Я же в бога не верую». И не понимает

такой пионер, что он уже против своих пионерских принципов чем-то поступился. Сегодня этим поступился – сбежал в церковь, завтра чем-нибудь другим поступился – обманул родителей или учителя, не пошёл в школу, потому что не хотелось приготовить урок... А послезавтра ещё какой-нибудь как будто «пустяк»... А принципиальности-то пионерской уже и нет у человека. Сегодня он поступился в мелочах, завтра поступится в серьёзном. Как же верить такому пионеру? Всё, что я говорю, относится и к тебе, Зина. И дело вовсе не в том, увидели тебя или не увидели. Каждый из нас сам себя должен видеть всегда и во всём и никогда не поступать так, чтобы приходилось от других прятаться.

Зина поникла головой. В классе стояла тишина. Ирина Леонидовна что-то торопливо записывала в своей тетради. Всё это было уроком и ей, старшей вожатой: он заставил её над многим призадуматься.

– А мы тоже хороши, – продолжала Елена Петровна. – Походили-походили к Зине, да и забыли. А как там сложилась жизнь? Нам и узнать некогда было! И мне в том числе. Собиралась пойти к Зине – и не сходила. Ну что ж – бабушка дома, значит, всё хорошо. А вот, оказалось, не всё хорошо. И вместо того чтобы помочь, чтобы поддержать друга, когда он оступился, мы не нашли ничего лучшего, как устроить целый разбор... Зина! – Елена Петровна обернулась к Зине и протянула к ней руку, подзывая её. – Подойди сюда и возьми свой галстук. Он твой. И мы, друзья, не должны, не имеем

права снимать его – мы не меньше виноваты, чем Зина!

– Да-да! Надень галстук! – подтвердила Ирина Леонидовна.

Зина, поглядев Елене Петровне в глаза, подошла к столу, взяла свой галстук и снова надела его.

И вдруг весь отряд взбушевался. Девочки захлопали в ладоши, закричали.

– Зина, иди к нам! – кричали они со всех сторон. – Иди к нам, садись!.. Иди к нам!

Зина, словно придя в себя, слабо улыбнулась. И, неизвестно откуда взявшись, отчётливо, будто сделанные из золота, зазвенели в её памяти строчки писателя Гайдара:

«...И в сорок рядов встали солдаты, защищая штыками тело барабанщика, который пошатнулся и упал на землю...»

Это она, пионерка Зина Стрешнева, пошатнулась и упала на землю. Но встали за неё товарищи в сорок рядов!..

И, потеплевшими, просветлёнными глазами окинув девочек, которые всё ещё хлопали в ладоши и не могли унять-ся, она вернулась на своё место и села по-прежнему рядом с Фатьмой, со своим верным другом.

Марья Васильевна улыбалась уголками рта, глаза её лучились на помолодевшем лице. Она молча незаметно кивала головой: всё произошло так, как должно было произойти. А Ирина Леонидовна, когда девочки захлопали в ладоши, вдруг забыла, что она старшая вожатая, и захлопала вместе с ними. Она была искренне рада, что всё так обернулось и

что ей не надо делать то трудное сердцу дело, которое она считала себя обязанной сделать, – вывести Зину на суд совета дружины.

А придя домой, записала в свою книжечку слова Марьи Васильевны: «Руководя людьми, надо поглубже заглядывать в их душу и прежде всего помнить, что каждый из них – живой человек...»

«КАК ПОВЯЖЕШЬ ГАЛСТУК – БЕРЕГИ ЕГО»

Зина сидела за уроками. Антон с Изюмкой играли в мячик. Из кухни доносились отголоски мирного, весёлого разговора – это бабушка и Анна Кузьминична сидели там, пили чай, угощались куличом и вспоминали свою молодость. Карандаш отца шуршал по бумаге: отец готовился к докладу на производственном совещании.

Мирно и тихо было в квартире: смех и возня ребятишек не нарушали общей тишины, но придавали ей какую-то милую весёлость дружной семьи. А Зина, всё ещё взволнованная тем, что произошло с ней в школе, глядела в учебник и ничего не понимала. Она ждала, когда же отец спросит о её школьных делах, он ведь всегда теперь спрашивает об этом. Но отец, увлечённый своей работой, ни о чём не спрашивал.

– Папа, – сказала Зина, чувствуя, что больше не может выдерживать этого молчания, – меня сегодня хотели исключить из отряда...

У отца карандаш застыл в руке.

– За что же? Плохо работала?

– Нет, не за это... – Зина отрицательно покачала головой. – За то, что я в церковь ходила...

– Ты – в церковь? – удивился отец; ему показалось, что он

ослышался. – Как это – в церковь? Зачем?

– Бабушке... кулич святить...

Отец встал, резко отодвинул стул и, побледнев от гнева, молча направился в кухню.

Зина испугалась и замерла на своём стуле: она никогда ещё не видела отца таким гневным и страшным. Ребятишки хохотали, швыряя друг в друга мячиком. Но, почуяв что-то неладное, присмирели, поглядывая на Зину.

А в кухне мирная беседа была нарушена.

– Мать, – голос отца был резкий и твёрдый, какой-то совсем незнакомый, – пойдём-ка в комнату. Поговорим.

Отец, крупно шагая, вернулся в комнату. За ним, еле поспевая, вошла изумлённая и немного оробевшая бабушка.

– Слушай, мать, давай поговорим с тобой серьёзно и раз навсегда, – обратился к бабушке отец, когда оба сели. – Говорю это при детях, пусть слышат.

– Да чего дело-то касается, не пойму никак? – сказала бабушка. – Нешто опять не угодила?

– Дело касается вот чего... – Отец старался говорить спокойно, но это трудно ему давалось. – Ты в бога веруешь, ну и веруй... Мы уже говорили с тобой об этом...

– А, вон что! – перебила бабушка. – Опять за бога взялись. Не запретишь!

– Веруй, пожалуйста! Молись! – продолжал отец. – Твоё дело. Мы никому молиться не запрещаем. Но ещё раз – в последний раз! – предупреждаю: детей не трогай. Я комму-

нист. И дети мои станут коммунистами, если будут того достойны. А я хочу, чтобы они были достойны.

Бабушка всплеснула руками:

– Ах, батюшки, кровные! Ведь я же ей говорила: иди переулочком, чтобы никто не видел!

– А если бы никто не видел, – сурово возразил отец, – так она сама была бы обязана рассказать на отряде... А дело-то, мать, хуже, чем ты думаешь, – продолжал он сурово. – Ты её заставила изменить пионерской организации, ты её заставила изменить своему пионерскому слову, своему пионерскому торжественному обещанию. Какие слова она произносила, когда вступала в отряд? «...перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...» Какое же это обещание, если пионер с красным галстуком на шее идёт в церковь и всякие обряды суеверия совершает? Если отступил от своих, то куда перешёл? К противникам перешёл. Сегодня уступил по слабости – в церковь ходил. А завтра может снова по слабости уступить – предателем Родины стать?..

– Папа, что ты! – прервала Зина и приподняла руку, словно защищаясь от удара.

– Да-да! – сурово продолжал отец. – А откуда же берутся предатели? Вот из таких людей они и берутся, которые не умеют твёрдыми быть, не умеют быть принципиальными. А какая же ты пионерка, если при первом же испытании и сдалась? И почему мне не сказала?

– Я не хотела тебя расстраивать... – прошептала Зина.

– А что же, я у тебя только подопечный? А разве я тебе помочь не смог бы? Ты, значит, и сильнее меня и умнее?

Зина поглядела в тёмные сверкающие глаза отца:

– Ой, что ты, папочка!

Отец подошёл к Зине, погладил её понуренную голову.

– Нет, дочка, так не годится – всё на себя брать, – уже гораздо мягче сказал он. – Если друзья, так друзья: и радости пополам и горести пополам. А трудное дело в жизни встретится – решать вместе. Авось и я на что-нибудь тебе пригожусь!

Зина схватила руку отца и молча прижала её к своей мокрой от слёз щеке.

– Весна идёт... – вдруг задумчиво сказала бабушка, взглянув на сосульку, повисшую за окном. – Скоро огороды сажать...

– Что это... вдруг? – Отец внимательно посмотрел на бабушку.

– А так, – уклончиво ответила бабушка. – Землю готовить надо. А вы уж тут без меня...

Отец пожал плечами не то с досадой, не то с печалью.

– Я тебя, как говорится, не неволю, – сказал он. – Может, тебе у нас и не нравится – с ребятами трудно, к городу не привыкла... Гляди сама. Я бы рад тебя не отпустить – когда ты здесь, у меня за ребят душа спокойна, – но если тебе плохо... то...

– А что мне плохо? – прервала его бабушка. – Я не жалу-

юсь. Я просто так – поглядела на сосульку, весна вспомнилась... Огороды сажать...

– Да какие уж тебе огороды сажать – скоро семь десятков стукнет! – возразил отец. – Тебе посаженного хватит. Ну что ж, ты опять одна там будешь? Подумай!

– А что я – не была одна? Как старик умер, так и одна, никому не нужная... Не привыкать!

– Ты права, мама... – хмуро сказал отец. – Да, забывал я тебя в жизни... Не забывал, конечно, а одну оставлял. Виноват в этом. – И сердечно, будто прося прощения, поглядел ей в глаза. – Ну, а теперь-то зачем тебе одной жить? Подумай!

– Да ведь подумаю. Конечно, подумаю. Да ведь если и останусь – неизвестно, угожу ли... Детки-то у тебя не очень покорные.

– А ты не к «деткам» обращайся, а ко мне. С детьми я сам договорюсь. Они у нас скоро вырастут, совсем умными станут... Правда, ребята?

Бабушка, польщённая тем, что она так нужна, считала, что можно ещё и помучить его немножко: не отвечала ни «да», ни «нет». Может, останется, а может, уедет. Кто ей запретит? Но сама-то она знала, что никуда не уедет. Она уже обжилась в этой уютной тёплой квартире, ей уже понравилось заправлять хозяйством и всей семьёй, она полюбила вечерние чаи с пирогами в обществе Анны Кузьминичны... А праздники, когда можно пойти в «Гастроном» да понабрать разных вкусных вещей! Андрюша-сынок всегда был прост на

деньги – и сейчас не хитрее: никогда и не спросит, куда она их истратила.

В коридоре раздался робкий звонок. Антон бросился открывать. Несмело, словно в первый раз, в комнату вошла Фатьма. На лице у неё не было улыбки, а широко открытые глаза сегодня особенно напоминали цветы.

– Фатьма! – обрадовалась Зина и, взяв её за руку, ввела в комнату.

Фатьма с опаской взглянула на бабушку Устинью. Но отец, заметив этот взгляд, ласково сказал:

– Входи, входи, чего боишься? К чужим, что ли, пришла! Девочки уселись в стороне и принялись было шептаться. Но отец никак не захотел сегодня оставаться в стороне.

– Шептунов на мороз! – сказал он. – Ты что же, Фатьма, за подругой не усмотрела? Вон как ей в отряде-то досталось сегодня!

– А мне тоже досталось... – хлопая своими большими, загнутыми ресницами, сообщила Фатьма.

– Да ну? – удивился отец. – А тебе за что же?
– За непионерское поведение.

Ответ Фатьмы прозвучал еле слышно, будто мышь пропищала.

– Эге! – сказал отец. – Ишь какой голосок-то у тебя тоненький... А во время этого твоего «непионерского-то поведения» он небось погромче был, а?

Фатьма и Зина переглянулись: они обе вспомнили и кула-

ки и «крысу» – и ничего не ответили.

– Эх, вы! Штрафники, значит, – сказал отец и, сунув руки в карманы, принялся ходить по комнате. – Эх, Зина, а ведь на тебя малыши смотрят – ты ведь у них старшая сестра! Как же это так, а?

Бабушка, вспомнив, что у неё в кухне и чай, и кулич, и Анна Кузьминична дожидается, отправилась туда. Изюмка немедленно забралась на колени к Фатьме. А Антон стоял около Зины, тихонько сопя носом, и, не зная, как выразить своё сочувствие, теребил ленту в её косе.

– Да, товарищи, – помолчав, сказал отец, – жизнь – это вещь сложная. Жизнь прожить – не поле перейти. И ошибки бывают, и промахи, и тяжёлые дни. На ошибках нам учиться надо. А тяжёлые дни переносить стойко. Что ж поделаешь!

Отец вздохнул. Он-то знал, как нелегко быть стойким в тяжёлые дни. Горе, которое было недавно пережито, потеряло свою невыносимую остроту, но легче не стало. Оно ушло в глубину сердца и напрочно поселилось там.

– Ну и галстук-то свой пионерский надо беречь. Как это там в стихах-то говорится?

Как повяжешь галстук —
Береги его.

– «Он ведь с нашим знаменем

Цвета одного», –

подхватили в два голоса Фатьма и Зина.

– Вот то-то – цвета одного. Частица этого нашего знамени-то. Вот ведь как крепко его беречь-то надо!

– Мы будем беречь! – тихо сказала Зина.

– Мы будем беречь! – повторила Фатьма, не поднимая ресниц.

Изюмка обняла Фатьму за шею и прижалась щекой к её щеке. Все примолкли, задумались.

А за окнами стоял уже по-весеннему голубой вечер, падали и разбивались подтаявшие сосульки, звякала весёлая капель. И тонкая веточка с чуть набухшими почками легонько постукивала в окно, стараясь напомнить о том, что скоро весна, что впереди очень много света, солнца и радости.